

ВОЛОГОДСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАБОРАТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
СЕРИЯ «ЖИВОЕ РУССКОЕ СЛОВО»

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

К 1356053

Вологда
2005

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

83.3(2=Рус)6-8

+ кср + кми

83.3(2=Рус)

ББК 81. 411. 2-5

П 67

Авторы:

Яцкевич Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета;

Головкина Светлана Христофоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета;

Виноградова Светлана Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета;

Научный редактор – **Г. В. Судаков**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Рецензент – **Т. Г. Овсянникова**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

П 67

Яцкевич Л.Г., Головкина С. Х., Виноградова С.Б. Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда: Издательство «Русь», 2005. – 248 с.

ББК 81. 411. 2-5

Книга посвящена исследованию поэтического языка Н. А. Клюева, великого русского поэта, певца Русского Севера. В первой главе рассматривается, как понимал Клюев поэтическую речь, а также приводятся материалы к словарю «Образы поэтического слова в творчестве Н.А. Клюева» (автор – Л. Г. Яцкевич). Вторая глава посвящена лексике Обонежья и фольклорным словам, которыми насыщены все поэтические произведения Клюева (автор – Л. Г. Яцкевич). В третьей главе выясняются культурно-исторические истоки и стилистические особенности таких словесных образов и символов Клюева, как: *мир, вода, хлеб, душа и сердце, лик и лицо, мать, Богородица* (авторы – Л.Г. Яцкевич, С.Х. Головкина, В.Б. Виноградова).

Книга предназначена для учителей-словесников, учащихся и студентов филологических факультетов, а также для всех любителей русской поэзии. Материалы книги можно использовать при чтении курсов «Лингвистическая поэтика», «Лингвистическое краеведение», «Литературное краеведение», «Культура Русского Севера».

Книга подготовлена и издана в соответствии с постановлением Правительства Вологодской области № 877 от 22.09. 2003 года «О мероприятиях по формированию и внедрению социально значимых направлений поддержки русского языка в Вологодской области с 2004 по 2006 гг.».

ISBN 5-87590-156-X

© Л.Г. Яцкевич, С.Х. Головкина, С.Б. Виноградова, 2005 г.

© Вологодский институт развития образования, 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи о Николае Ключеве (Н. Тряпкин)	6
Краткая биография Н. А. Ключева (В. Н. Бараков)	8
Предисловие	10
Введение. Н. А. Ключев – наследник древнерусской культуры на Русском Севере (Л. Г. Яцкевич)	12
Глава 1. Ключев о поэтическом слове (Л. Г. Яцкевич)	16
Тайна слова	16
Мир как слово	21
Музыка слова	27
Свет слова	34
Слово – Хлеб Жизни	37
Красота слова	40
Словарь поэтических образов слова	45
Слово – ангел	45
Слово – свет, цвет	45
Слово – огонь	46
Слово – водная стихия	46
Слово – земля	51
Слово – растительный мир	51
Слово – животный мир	54
Слово – метеорологические явления	58
Слово – лён, конопля, прядение, ткачество	58
Слово – злак, хлеб	59
Слово – молоко	61
Слово – мёд, сладость	62
Слово – вино	63
Слово – материальные ценности	63
Слово – мир человека	65
Слово – искусство	66
Слово – религия, священные предметы, книги	67
Слово – мистические явления, тайна	67
Лингвокультурологический анализ текста	69
Глава 2. Народное слово в поэзии Н. А. Ключева (Л. Г. Яцкевич)	77
Лексика Обонежья в поэзии Ключева	77
Материалы к словарю севернорусской лексики в произведениях Ключева	86

Фольклорная лексика в поэзии Клюева	118
Тексты для анализа	130
Глава 3. Словесные образы и символы	133
Мир (Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова)	133
Хлеб (Л. Г. Яцкевич)	144
Вода и водное пространство (С. Б. Виноградова)	164
Поэтика слов, обозначающих воду и водное пространство	164
Образы – сравнения (вода, водное пространство)	172
Человек	181
Библейский и фольклорный антропоморфизм поэтического словаря Клюева (Л. Г. Яцкевич)	181
Душа и сердце (Л. Г. Яцкевич)	183
Сердце	183
Душа	191
Лик и лицо (Л. Г. Яцкевич)	205
Лицо	205
Лик	207
Мать (С. Х. Головкина)	211
Поэтическая фразеология со словом <i>мать</i>	211
Поэтические темы и мотивы, связанные с образом матери	217
Метафорические значения слова <i>мать</i>	226
Мифологические и фольклорные традиции употребления слова <i>мать</i>	227
Богородица (Л. Г. Яцкевич)	233
Источники	237
Словари, справочники и их условные обозначения	237
Список использованной литературы	239
Литература о Клюеве	246

СТИХИ О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Ключев,
Смиранный Миколай.

С. Есенин

Хотим иль нет, а где-то вьётся нить:
Звенит струя незримого колодца!
Мы так его стараемся забыть —
И всё-таки забыть не удастся.

Где скрылся он — тот огнепальный стих?
Он где-то в нас — под нашей тайной клетью.
Знать, так живуч смиренный тот жених —
Сей Аввакум двадцатого столетья!

Он сам себе был жертва и судья.
Он крепко спит — крамольник из Олонца.
Но этот крин, та звонкая струя
Из тех лесов, где столько тьмы и солнца!

Из тех пещер, от тех пустынных дюн,
От тех былин полунощного взморья!..
И сам он лёг — замшелый, как валун,
У колеи железного Егорья.

Он сам себя швырнул под ту пядь,
Из-под которой — дым, и прах, и пламя.
Зачем же мы всё помним ярость ту
И не простим той гибели с мощами?

Давным-давно простили мы таких,
Кому сам Бог не выдал бы прощенья.
А этот старец! Этот жалкий мних!
Зачем в него летят ещё каменя?

Давно с землёй смешалась та кутья,
Давно истлел тот скрытничек из Олонца.
Но этот крин, та звонкая струя,
Где столько трав и северного солнца!

Теперь бы здесь да белый голубец,
Зелёный клён да ковшик из бересты.
Сюда бы шли и старец, и юнец,
И грозный страж, и милые невесты.

Пускай придут – и вспомнить, и почтить,
И зачерпнуть из древнего колодца...
Мы так его стараемся забыть –
И всё-таки забыть не удаётся.*

1973

Николай ТРЯПКИН

* Текст печатается по изданию: Венок Николаю Клюеву, 1911-2003 / [Сост., предисл. и примеч. С.И. Субботин]. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 132-133. Впервые: Газ. «Красное знамя». Вытегра, 1976, 28 авг. № 103.

В 5-й строке слово «огнепалый» заменено на «огнепальный» в соответствии со смыслом образа.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ Н. А. КЛЮЕВА

Клюев Николай Алексеевич [10 (22). X. 1884, деревня Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне Вологодская область). – 23 – 25. X. 1937, Томск] – поэт.

Учился в церковно-приходской школе (1893 – 1895), затем в Вытегорском городском училище (1896 – 1897); в 1898 г. поступает в Петрозаводскую фельдшерскую школу, из которой, проучившись год, уходит. Первые стихи появились в печати в 1904 году. Принимал участие в первой русской революции 1905 г. В 1907 г. вступает в переписку с А. Блоком, постепенно входит в литературные круги.

Первый сборник стихотворений «Сосен перезвон» (1912) привлёк большое внимание символистов (предисловие В. Брюсова). В сборник «Братские песни» вошли ранние стихи Клюева, затем он опубликовал сборник «Лесные были» (1913). В 1916 г. выходит четвертая книга стихов Клюева «Мирские думы»; в середине 10-х гг. создается посвященный матери цикл «Избяные песни», вершинное достижение Клюева в этот период.

Революцию 1917 г. встречает восторженно, но, как и С. Есенин, с «крестьянским уклоном». Наряду с А. Белым, А. Ремизовым, Е. Замятиным, М. Приивиным, С. Есениным и др. входит в литературную группу «Скифы». В 1918 г. была опубликована книга стихов «Медный кит», в 1919 г. – двухтомник «Песнослов». В берлинском издательстве «Скифы» в 1920-22 гг. вышли три сборника стихов Клюева. Книги Клюева были подвергнуты резкой критике и изъяты из обращения. Катастрофическое положение Клюева (в том числе и материальное) не улучшилось после выхода в свет его сборника о Ленине (1924). В 1922 г. выходит сборник стихов «Львиный хлеб», отражающий перелом в его мирозерцании, освобождение от иллюзий 1917-18 гг. В том же году печатается отдельным изданием поэма «Мать-Суббота». В середине 20-х годов Клюев предпринимает попытку «подстроить» свою музыку «новым песням» («Богатырка», 1925; «Ленинград», 1926), однако центральное место в творчестве поэта по-прежнему занимает трагическая тема судьбы России. С особой эпической силой мысль о гибели России развивается в поэмах «Деревня» (1927), «Соловки» (1926-1928), «Погорельщина» (1928). К ним примыкает «Плач о Сергее Есенине» (1926). Вершиной клюевского творче-

ства является поэма «Песнь о Великой Матери» (1931). Большинство поэм появились в печати спустя десятилетия.

В 1928 г. выходит последний прижизненный сборник стихов Ключева «Изба и поле».

В конце 1933 или в начале 1934 г. Ключев создает уже открыто направленный против злодеяний существующего режима цикл «Разруха», со страниц которого встает потрясающая картина народного страдания. Второго февраля 1934 г. Ключев подвергается аресту за антисоветскую агитацию. Сосланный из Москвы сначала в поселок Колпашево (Зап. Сибирь), Ключев вскоре переводится в Томск, где его вторично арестуют. Ключев был расстрелян в один из трех дней – 23-25 октября 1937 года. В 1999 году, согласно предсказанию поэта, впервые выходит полное собрание его стихотворений и поэм – книга «Сердце единорога», а в 2003 году книга прозы «Словесное древо».

В. Н. Бараков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэтический язык Н.А. Клюева представляет собой уникальное явление в русской культуре XX века. С одной стороны, словарь поэта имеет глубокие традиции и питается многими источниками: диалектными (севернорусским наречием), древнерусскими, церковнославянскими, архаичной семантикой библейских образов и символов, языковой стихией фольклора, древнерусской литературы, русской поэзии XVII-XVIII веков, классическим художественным языком литературы XIX века и особым образом отточенной речью поэзии Серебряного века. С другой стороны, поражает изобильное словотворчество поэта – своей легкостью, естественностью и разнообразием используемых лексико-семантических и словообразовательных моделей. Следует обратить внимание на самые общепотребительные слова, которые, благодаря многоплановой связи с контекстом и подтекстом, приобретают необычную смысловую глубину. Сам поэт лаконично сказал о своем языке:

*В мое бездонное слово
Канут моря и реки.*

В силу всего этого описание содержания поэтического слова Клюева обычным для лингвистического слова способом – путем толкования его лексического значения и указания его грамматических и стилистических характеристик представляется невозможным. При таком подходе остается без внимания поэтический смысл слова и тот культурный фон, который является необходимым условием формирования образного значения слов в поэтическом произведении.

В данной книге основное внимание уделено исследованию поэтического языка Клюева как единой художественной системы. С этой целью были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть, как понимал Клюев назначение поэтического слова, в каких образах он воплотил его сущность;
- охарактеризовать лексику Обонежья, те местные слова – диалектизмы и фольклоризмы, которые были дороги Клюеву как выразители мира его малой родины;
- привлечь внимание к словесным образам и символам Клюева, в которых воплотились ключевые для его мировоззрения культурные концепты;

Во всех разделах книги приводятся поэтические тексты Клюева и даётся их лингвокультурологический и стилистический анализ в соответствии с рассматриваемой темой.

В книге использованы материалы неизданного «Поэтического словаря Н.А. Клюева», составленного авторами данной книги – преподавателями кафедры русского языка Вологодского педагогического университета.

Книга предназначена для учителей-словесников, учащихся и студентов филологических факультетов, а также для всех любителей русской поэзии.

Материалы книги можно использовать при чтении курсов «Лингвистическая поэтика», «Лингвистическое краеведение», «Литературное краеведение», «Культура Русского Севера».

ВВЕДЕНИЕ

Н. А. КЛЮЕВ – НАСЛЕДНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Великий русский поэт XX века Николай Алексеевич Ключев родился на Русском Севере – в Коштугской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии 10 (22) октября 1884 года (ныне эти места входят в состав Вологодской области). Этот край славился древними культурными традициями, сохранившимися до наших дней во многом благодаря старообрядчеству. Мать Н.А. Ключева, Парасковья Дмитриевна, передала богатства древнерусской культуры сыну, который в своём поэтическом творчестве сделал их общекультурным народным достоянием. В поэме «Песнь о Великой Матери» он так описывает круг своего чтения в годы ученичества под руководством матушки:

*Двенадцать снов царя Мамера
И Соломонова пещера,
Аврора, книга Маргарит,
Златая Чепь и Веры Щит,
Четвертый список белозерский,
Иосиф Флавий – муж еврейский,
Зерцало, Русский виноград –
Сиречь Прохладный вертоград,
С Воронограем Список Вед,
Из Лхасы Шёлковую книгу,
И Гороскоп – Будды веригу
Я прочитал в пятнадцать лет –
Скитов и келий самоцвет.*

(13,23)

Здесь перечисляются произведения древнерусской литературы, которые имели широкое хождение в среде старообрядцев.

Современники Ключева свидетельствуют, что это был один из глубоко образованных поэтов Серебряного века. Всю жизнь он собирал культурные ценности Древней Руси, хорошо знал русскую и мировую литературу, фольклор.

Поэзия Ключева унаследовала следующие особенности древнерусской литературы:

1) духовные идеалы православия, воплощённые в понятии «Святая Русь»;

2) традиционные образы и символы древнерусской литературы и фольклора;

3) знание различных языковых стихий: литературного языка, диалектного языка, фольклорного языка, церковнославянского языка;

4) интерес к «филологической стороне» языка [Лихачёв 1979: 116];

5) поэтические приёмы построения текста: поэтику художественного пространства и времени, абстрагирование, орнаментальность [Лихачёв 1979: 116] и др.

Исходя из этого следует ставить задачи изучения поэтического языка Н.А. Клюева.

Нужно также учитывать, что народность творчества Клюева имеет особый характер. Это не общедоступность, не популярность в широких кругах читателей. Этими свойствами его поэзия не обладает. Клюев с горечью отмечал, что русские люди, увлечённые пустой суетой, стали забывать о своих истоках:

Напудрен нос у Парасковы,

Вавилу молодит Оксфорд.

Ах, кто же в святорусском тверд –

В подблюдной песне, алконосте?!

Молчат могилы на погосте,

И тучи вечные молчат.

(12, 220)

Чтобы понять его поэтические образы и мысли, нужно многое знать – не только русскую, но и мировую культуру, не только современность, но и древнюю историю, не только современные, но и архаичные способы поэтического мышления. Неслучайно некоторые исследователи творчества Клюева считают его поэзию элитарной, то есть предназначенной только для избранных, посвящённых. Такие авторы предполагают, что народное – это всегда упрощённое, обыденное, сниженное, лишённое высокого мастерства и большой эстетической ценности. Однако сам Клюев понимал свою народность иначе:

Мои стихи не от перины

И не от прели самоварной

С грошовой выкладкой базарной,

А от видения Мемфиса

И золотого кипариса,

Чьи ветви пестуют созвездья.

В самосожженческом уезде

*Глядятся звезды в Светлояр, –
От них мой сон и певчий дар!*

(13,23)

Поэт считает, что истинная народность – в понимании духовных истоков истории народа, в выражении его самосознания.

Для него народность поэзии – это пророческий дар, позволяющий поэту духовным оком прозреть судьбы Родины и народа, увидеть его высокое предназначение:

*Я – посвященный от народа.
На мне великая печать,
И на чело своё природа
Мою прияла благодать.*

Народность поэзии для Клюева – это не столько знание этнографии, хотя его стихи свидетельствуют о глубоких познаниях в этой области, сколько понимание духа народа и способность выразить его национальное самосознание в своём творчестве.

Непонимание творчества Клюева современным читателем возникает в силу существования особого языкового барьера, который возникает между ним и поэтом. Образный язык Клюева становится многим недоступен в силу того, что современная культура утратила священные начала. Современник Клюева философ И.А. Ильин считал: «Духовная рана современной культуры – утрата священного. И прежде всего нам надо сосредоточиться на том, что мы утратили. Человечество пыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне эта культура являет своё бессилие и переживает своё крушение» [Ильин 1993: 290, 293]. Обращаясь к духовным истокам древнерусской культуры – к православию, читатель вновь обретает утраченные национальные ценности. И тогда у него появляется способность к пониманию русской духовной поэзии, ярким представителем которой был Клюев.

Нередко масштабы личности поэта и его творчества неправомерно сужают в социально-культурном плане, включая его в группу новокрестьянских поэтов, ограничивают в географическом плане, называя его олонечким поэтом, и наконец, – в плане духовном, связывая своеобразие его творчества исключительно с расколом и сектантством. Так, парижский исследователь Клюева Э. Райс считает его единственным великим мистическим поэтом России. Духовную значимость его поэзии Райс определяет только тем, что она отразила хлыстовство как «специфическую религиозную сущность русского духа» [Райс 1969: 53]. Это крайне несправедливое мнение получило скрытую поддержку в статье;

недавно опубликованной в журнале «Наш современник» [Карпец 2004: 235-241].

Кроме поисков хлыстовства в поэзии Клюева, существует и другой приём отодвинуть его творчество на периферию русской культуры: тенденциозное подчёркивание оппозиционности старообрядцев, а значит и Клюева, официально православию и царской власти. Действительно, «церковный раскол нанёс жесточайший удар по национальному самосознанию» [Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла ... 2004: 24]. «Из истории хорошо известно, что враждебные российскому государству силы неоднократно пытались привлечь на свою сторону старообрядцев, спекулируя на их непростом, а подчас и опасном, положении в обществе» [Доклад митрополита Смоленского Кирилла и Калининградского Кирилла ... 2004: 24]. Однако, отмечает митрополит Кирилл, «и это самое главное, происшедший в XVII веке раскол, по милости Божией, не привёл к появлению иной модели цивилизации, как это произошло, например, в результате великого раскола Востока и Запада. Мы и старообрядцы разделяем одну и ту же веру не только в догматическом, но и в жизненном выражении: у нас одна система ценностей. <...> У нас со старообрядцами одно и равно любимое Отечество. Нам одинаково дороги наследие и идеалы Святой Руси» [Доклад митрополита Смоленского Кирилла и Калининградского Кирилла ... 2004: 24]. Всё, что сказано здесь о старообрядцах, можно отнести и к творчеству Клюева.

Вместе с тем, нельзя отрицать того, что стилистическое и идейное своеобразие поэзии Клюева во многом определяются его старообрядческими истоками [Киселёва 2000; Ситько 2000]. Именно это отличает Клюева от других талантливых поэтов Серебряного века русской поэзии.

Воскрешение национального самосознания – это путь к священным истокам. От того, кто идёт по этому пути, требуется духовное мужество, питаемое любовью к Отечеству. Молодой Клюев в начале своего жизненного и творческого пути понимал это, когда восклицал, обращаясь к России:

*О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину чёрную собрат!
Поведай тайное сомненье,
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?*

(10, 124-125)

Николай Алексеевич Клюев мужественно прошёл этот тернистый путь и оставил нам драгоценное наследие – свою поэзию.

ГЛАВА 1

Н. А. КЛЮЕВ О ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВЕ

Слово в поэтической речи существенно отличается от слова в речи обыденной. Не теряя своего общепринятого, обычного значения, слово приобретает в художественной речи новые дополнительные смысловые оттенки под влиянием образного контекста. Таким образом, оно становится более ёмким, более глубоким по содержанию. Если в научной речи слово связано с логическим, то в поэзии оно связано с поэтическим мышлением. Это значит, что поэтическое слово представляет нам знание о внешнем и внутреннем мире человека в образах. Словесный образ обладает большой познавательной и воздействующей силой, поскольку через него мы открываем мир заново: мы начинаем видеть то, что раньше не видели, слушать то, что раньше не слышали, думать над тем, о чём раньше не задумывались, прибегать к чувствам, которых мы раньше не переживали. Всё это эмоционально и духовно преобразует и обогащает наш внутренний мир.

Поэзия и поэтическое слово всегда связаны с тайной, поскольку словесное творчество человека всегда таинственно, индивидуально и непредсказуемо, хотя и развивается по законам поэтики. В силу этого свойства поэтического слова, с одной стороны, изучаются в филологии – литературоведческой и лингвистической поэтикой, а с другой стороны, о поэтическом слове размышляют сами поэты. И тогда оно само становится предметом образного изображения. Тема поэзии и поэтического слова – одна из любимых тем русских поэтов. Особенно проникновенно она зазвучала в поэзии Серебряного века.

Н.А. Ключев глубоко проник в тайны поэтического слова, его поэтические озарения, посвящённые этой теме, воплотились в сложную систему поэтических образов [Судаков 2000]. Далее рассмотрим основные узлы этого грандиозного построения.

ТАЙНА СЛОВА

*О, Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром.*
(10,304)

Поэтическое слово окружено ореолом таинственности, как таинственен и сам поэтический дар. Ключев творил, «сочетая поэзию с тай-

ной живой» (15,460). Это его любимая, выстраданная тема. Неслучайно А. Ахматова так сформулировала своё первое впечатление о Клюеве: «*Таинственный, лесной Клюев*». В этом определении и слово *лесной* тоже образно употреблено в смысле – *таинственный*. Современные исследователи жизни и творчества Клюева, говорят о многих пока загадочных событиях его жизни, которые породили среди его современников множество мифов [Азадовский 1990]. Сам Клюев также мифологизировал свою биографию в прозе и в стихах, что тоже усиливало ореол таинственности вокруг него.

Тайна слова в духовной поэзии Клюева связана с тем, что его поэтическое слово отличается глубиной содержания, неоднозначностью смыслов, явными и скрытыми многогранными связями с реалиями мировой культуры, с древним символизмом. Таинственность слова часто создаётся за счёт синкретизма его значений, обусловленных образным контекстом. Все эти особенности своего поэтического слова Клюев осознаёт, называя его – *Микулово, бездное слово!* (10,324), об этом он размышляет в своих стихах:

*Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, навеки...
В мое бездонное слово
Канут моря и реки.*

(12,234)

*Вместят ли сказанье глухие стихи?
Успение леса поведает тот,
Кто слово, как жемчуг, со дна достает.*

(13,6)

Образная глубина поэтического слова метафорически ассоциируется с водной глубиной моря, озера, реки.

Таинственность поэтического слова Клюев мотивирует по-разному. Вот некоторые из этих мотивировок.

Таинственная сила слова зависит от труда, вложенного автором в поэзию, в творчество:

*Свить сенный воз мудрее, чем создать
«Войну и мир» иль Шиллера балладу.
Бредете вы по золотому саду,
Не смея плод оброненный поднять.*

*В нем ключ от врат в Украшенный чертог,
Где слово – жрец, а стих – раджа алмазный,*

Туда въезжают возы без дорог
С билетом: **Пот и Труд многообразный.**

(10,361)

Истоком тайны поэтического слова является народное словесное творчество – сказка, песня, легенда. При этом душа поэта не должна терять детской чистоты и радости воображения:

Кольцо Светланы точит время,
Но есть **ребячий городок**
Из пуха, пряжи и созвучий,
Куда не входит зверь рыкучий
Пожрать **волшебный колобок**,
И кто в громах рожден, как тучи,
Тем не уловится текущий,
Как **сон**, запечный ручеек!
Я пил из лютни жемчужовой
Пригоршней, сапожком бухарским,
И вот судьбою пролетарским
Казним за нежность, тайну, слово,
За **морок** горенки в глазах, –
Орланом – иволга в кустах.

(12,275)

Эта песня велесова, старая,
Певали ее и на поле Куликовом, –
Непомерное ведкое слово!

(13,37)

Из народного поэтического творчества пришли в поэзию Клюева таинственные образы града Китежа, Белой Индии, Китовраса, сказочных птиц и зверей, былинных и сказочных героев. Как и многие представители старообрядчества, Клюев противопоставлял таинственной правде народной жизни, к которой приобщаются только избранные поэты, мёртвую книжную правду официальной культуры, доступную всем и лишённую тайны жизни.

Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена **тайн и чудес!**

Жизнь-праматерь заутрени росные
Служит птицам и **правды сынам;**
Книги-трупы, сердца папиросные –

Ненавистный Творцу фимиам!

(11,164)

Соответственно, тайной поэтического слова владеет только избранный – поэт, которому открываются тайны мира и жизни:

*Пиджачный читатель скупает товар,
Амбары рассудка бездонны,
И звездную тайну страницей зовет,
Стихами жрецов гороскопы.
Ему невдомек, что мой глаз-изумруд –
Зеленое пастбище жизни.*

(10,404)

Клюев был уверен, что о высоком, священном – о Родине и её исторических судьбах – нельзя писать, используя «слова дырявые, человечьи», то есть слова, лишённые таинственной глубины:

*Не скудному мирскому слову
Узорить отчие гроба,
Пока архангела труба
Не воззовет их к веси новой,
Где кедром в роще бирюзовой
Доспеев русская судьба.*

(13,24)

Таинство слова в духовной поэзии имеет христианские истоки – Богородноновенное Священное Писание:

*Пред нами вечных библий
Развернуты листы.
В божественные строки,
Дрожа, вникаем мы,
Слагаем, одиноки,
Орлиные псалмы.
О, кто поймет, услышит
Псалмов высокий лад?*

(10, 173)

Поэт говорит о тайном, мистическом, смысле духовной поэзии, противопоставляя ему буквальное понимание образов «писаний видимых»:

*Тяжелы душе писанья видимые,
И железо живет в буквах библий!*

(10,301)

По мнению Клюева, для интеллигенции, далёкой от народа, тайна народной поэзии остаётся неразгаданной, непонятой, чужой, и поэтому народная культура вечно гонима, унижаема:

Мне ученые люди сказали:
«К чему **святые слова**?
Укоротьте поддевку до талии
И обузьте у ней рукава!»

(11,87)

Они смеются над моей поддевкой,
Над рубахой соловецкой тресковой,
Им неведомо распутинской сноровкой
Как дитя взлелеянное **слово**.

(12,230)

Имя Григория Распутина здесь используется как символ непонятной стихийной народной силы.

До конца своей многотрудной жизни Клюев остался верен идеалам народной культуры, которая является хранительницей истории народа и его духовных ценностей. В своей последней поэме «Песнь о Великой Матери» он пишет:

Нет премудрее народа,
У которого межбровье –
Голубых посей зимовье,
Бор неизвестный кедровый,
Где надменным нет прохода
В наговорный терем слова! –
Человеческого рода,
Струн и крыльев там истоки...

(13,5)

По мысли Клюева, поэтическое слово таинственно потому, что оно не подвластно времени, оно не умирает. Оно, как явление духовное, вечно. Поэт верит, что поэзия объединяет людей разных эпох, а поэтическое слово – это мост через время в вечность:

В келью поэта приду
Я в золотые последки.
К кудрям пытливым склонюсь,
Тайной дохну на ресницы,
Та же **бездонная Русь**
Глянет с упорной страницы.
Светлому внуку незрим,
Дух мой в чернильницу канет
И через тысячу зим
Буквенным сирином станет.

(10,316)

МИР КАК СЛОВО

Следуя традиции древнерусской литературы, Ключев воспринимал мир как слово. Такое понимание мира сложилось в христианском мирозерцании и восходит к Евангелию от Иоанна, которое начинается так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 1-5).

Святитель Николай Сербский (Велимирович), современник Ключева, писал: «Человек единственный на земле обладает создающим словом. Но вся вселенная говорит разными способами: либо словами, либо движениями, либо знаками. Следовательно, вся вселенная есть слово, но не самостоятельное и не самобытное, оно – отзвук того Слова, которое было в начале и с Которого всё началась» [Святитель Николай Сербский (Велимирович) 2002: 201, 203]. Развивая эту мысль далее, он говорит: «Голос есть и у камня, и у земли, и у растения, и у капли воды, и у молекулы воздуха точно так же, как есть голос у Солнца, Луны, других небесных тел. Тонкий слух мог бы услышать, как текут соки в растении; ещё более тонкий слух мог бы услышать голоса в камнях, земле, капле воды, молекуле воздуха. Но наше ухо не способно слышать все голоса, точно так же, как наш глаз не может разглядеть все предметы. <...> Всё наполнено звуками, голосами, всё наполнено словами. Вся вселенная есть одна оглушительная музыка, один немолчный разговор» [Святитель Николай Сербский (Велимирович) 2002: 207]. Таким образом, «слово есть начало всего созидания творения; ... слово есть главная сила в природе и в человеке; ... звук и, соответственно, слово, есть самое распространённое и универсальное явление; ... человек и вся вселенная есть слово. Отсюда следует, что прежде всех вселенских, бледных и меняющихся слов, должно было быть самобытное Божественное Слово, а от Него и через Него произошёл мир как его отзвук, ибо от чего же мог произойти звук, как не от звука? И что другое в начале могло вызвать к жизни слово, если не Слово?» [Святитель Николай Сербский (Велимирович) 2002: 209].

Размышления Ключева на эту тему созвучны мыслям св. Николая. Поэт говорил:

«Но есть в мире одно чудо из чудес: пресветлое озеро, зовётся оно Сердцем человеческим, Живоносною Тайною кличется. Пролегла к нему тропиночка малая, малохоженная, малозримая.

Кто прощёной слезой плакать умеет, кто родительскую могилку в Христов день целовать может, кто котёночка глупого, корноухого из польимя пожарного по сожаленью вызовет – тому золотая тропиночка

не заказана. Глубоко и самоцветно сердечное озеро, а живёт на нём, гнездо из мороков вьёт, лебедь-дева, птица волшебная. <...>

Известно, дума слово родит, из слов потайных, сердечных песня слагается, вот как ручеек – источина лесная: не видно его в моховищах да в корнях клыкастых, а поёт он, бубенчиком подорожным тенькает:

*Не шуми, мати зелёная дубравушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати ...*

Али по-другому:

*Не одна во поле дороженьке пролежала,
Чистым ельничком, березничком зарастала ...*

У кого уши не от бадьи дубовой, тот и ручеек учует, как он на своём струистом языке песню поёт.

От старины выискивались люди с душевным ухом: слышат такие люди, как пырей растёт, как зерно житное в земле лопается – норовит к солнцу из родимой келейки пробиться, – как текут «слёзы незримые, слёзы людские...». Называл же русский народ таких людей досюль баянами за то, что они баяли баско, складно да учестливо, ныне же тех людей величают поэтами <...>» (16,154).

Понимание мира как слова воплотилось во многих поэтических образах Клюева:

*По духу росной конопли
Мы сокровенное узнаем.
На грядке веников ряды –
Душа берез зеленоустых...
От звезд до луковой гряды
Все в вещем шепоте и хрустах.*

(11,88)

Русский философ, также современник Клюева, С.Н. Булгаков отмечал: «Бесспорно, всё в природе исполнено Божественного смысла, вся она есть символ Бога <...>, углублением в эту символику порождается пафос поэтов, натурфилософов <...> [Булгаков 1994: 182]. Клюев, певец Русского Севера, особенно проникновенно воспринимал голоса могучих северных лесов, исполненных для него высокого Божественного смысла:

ЛЕС

*Как сладостный орган, десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,
Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.*

*Твоих зеленых волн прибой тысячеустный
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон.*

*Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл
О том, что Саваоф броней неуживимой
От хищности людской тебя не оградил.*

1912 год. (10,152)

Христианские философы предостерегают: «Преклоняться перед природой – то же самое, что преклоняться перед буквами. <...> Не таков духовно грамотный человек. Такой человек читает книгу природы не по складам, как начинающий обучение грамоте первоклассник, но следует за смыслом, вникает в смысл и постигает смысл. Святой Максим Исповедник выразился аналогично, сказав: «Весь мысленный (духовный) мир таинственно представлен символическими картинами в мире чувственном для тех, что имеют очи, чтобы видеть. Весь чувственный мир заключён в мире мысленном» [Святитель Николай (Велимирович 2003: 9-10].

Поэты имеют особый дар воспринимать мир как слово. Об этом говорят сами поэты:

Пушкин: *И внял я неба содроганье,
И гоний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Тютчев: *Они **не видят и не слышат**,
Живут в сём мире, как впотьмах,
Для них и солнцы , знать, не дышат
И жизни нет в морских волнах.*

*Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса **не говорили**,
И ночь в звездах нема была!*

*И **языками** неземными,
Волнуя реки и леса,*

*В ночи не совеща~~лась~~ с ними
В беседе дружеской гроза!*

Фет: *Лишь у тебя, поэт, **крылатый слова звук**
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души, и трав неясный запах <>*

Бунин: *Один я был в полночном мире,
Я до рассвета не уснул.
Слышней, торжественней и шире
Шёл моря отдалённый гул.*

*Я был один во всей вселенной,
Я был как Бог её – и мне,
Лишь мне **звучал** тот довременный
Глас бездны в гулкой тишине.*

Гумилёв: **Естество**

*Я не печалюсь что с природы
Покров, её скрывавший, снят,
Что древний лес, седые воды
Не кроют фавнов и наяд.*

*Не человеческою речью
Гудят пустынные ветра
И не усталость человечесю
Нам возвращают вечера.*

*Нет, в этих медленных, инертных
Преображеньях естества –
Залог бессмертия для смертных,
Первоначальные слова.*

*Поэт, лишь ты единственный в силе
Постичь ужасный тот **язык**,
Которым сфинксы говорили
В кругу драконовых владык.*

*Стань ныне вещью, Богом бывши,
И слово вещь возгласи.
Чтоб шар земной, тебя родивший,
Вдруг дрогнул на своей оси.*

Есенин: *Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зелёный шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечи теплятся пред тайной,
И расцветают звёзды **слов**
На их листве первоначальной.*

*Понятен мне **земли глагол**,
Но не страхну я муку эту
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету. <...>*

Клюев очень своеобразно воспринял эту традицию русской поэзии – воспринимать мир как слово. В его стихах всё в мире имеет свой голос, своё слово. Возникают образы-олицетворения, антропоморфные образы: лесов и рек **молва** (12,167); Вечерами же **мгица багряная / Поминальные шепчет слова** (10,268); **Плеща и радуясь о брате, / На серебристом языке / Перекликались** озера, **Как хлопья снега в тростнике, / Смыкаясь в пасмы и узоры, / Лесное утро лебедем / Полощется в моей ладони, / И, словно тучи, смерти кони / В полонах черных ржут далече / Какие у березки речи, / У ласточки какие числа?** (11,165); **«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко», – / Воспела в горести великой / На человеческом языке** Вся тварь **вблизи и вдалеке** (12,326). Нередко поэт обращается к явлению природы и вступает с ними в разговор: **О ели, родимые ели, – / Раздумий и ран колыбели, / Пир брачный и памятник мой, / На вашей коре отпечатки, / От губ моих жизней зачатки, / Стихов недомысленный рой** (10,307); **Месяц, месяц – селезень зобатый, / Окунись, как в плесо, в глыбкий стих!** (10,429). Эти риторические обращения основаны на живом чувстве единения поэта с природой.

Встречаются в поэзии Клюева и персонифицированные образы: **Дребезда тут речь сговорила** (6,245); **Рассвет на речь ту: «Хитрить не след, / Не День ли, купчик, тебе сосед?»** (10,242); **Отвечала лежанка-теплогрейка / Она речью крещеной человеческой: «Лучше б тебе, девушке, родиться / Во сыром болоте черной кочкой»** (10,240).

Понимание мира как слова лежит и в основе гиперболических образов: **Русь не вместить в человечески слова: / Где ты, небес грозовая молва, / Гул океана и гомон тайги! ..** (12,155); **Уши мира со стихами в споре, / Подавай им строки, как звонницы** (7,8).

Особенно впечатляют изощрённые синкретические образы, в которых стихия поэтической речи переплетается со стихиями природы. Эти две стихии взаимопроникают друг в друга и насыщают друг друга: *Кобылица-душа тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты* (6,208). *Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излучам стихов* / Наловил бы певучих гагар и бобров (8,39); *Тянет от пущ соловечьих / Таборным дымом стихов* (8,43); *Душа-олень летит в алмаз и лёд, / Где время с гарпуном, миров стерляжий ход, / Чтобы закликать май, гусиный перелет, / И в поле, как стихи, суслонный хоровод* (10,396). *В стихотворном водопадном гуле / Зреет миру львиная обнова!* (12,231)

Духовное общение с природой как источником слова, которое поэт осмысливает и воплощает в свои стихи, Клюев образно определяет так: *И рукою брачной постучаться / В недомысленного мира клеть:*

Хорошо с суслоном «Свете» петь,
С колоском в потемках повенчаться,
И рукою брачной постучаться
В недомысленного мира клеть.
С древа жизни сиринов вспугнуть,
И под вихрем крыл сложить былину.
За стихи свеча Садко-овину...

(7,77)

Чтобы передать это сокровенное чувство единения с природой в процессе творчества, Клюев использует в этом тексте соответствующие слова-символы: *повенчаться* (с колоском), *брачная рука*. *Недомысленного мира клеть* – Божий мир, слова которого поэт должен услышать, понять и претворить в свои мысли и стихи. Духовную основу общения поэта с миром передают в тексте слова: «Свете» (это начальное слово православной молитвы «Свете тихий, ..., которая поётся на вечерне.), *древо жизни* (христианский символ духовной основы жизни мира), *сирин* (райская птица, символ радости, персонаж древнерусской словесности), *крыла, свеча*. Образное значение сочетания *Садко-овин* становится понятным только в контексте развёрнутой метафоры, основанной на скрытом сравнении поэзии с хлебом жизни. Эта развёрнутая метафора опирается в тексте на сопоставленные слова *суслон, колосок – петь, сирины, былина, стихи* и окончательно воплощается в синкретичном образном выражении *Садко-овин* (овин – хлеб, Садко – песни). Ср. также в указанном выше примере сравнение хлеба со стихами: *...в поле, как стихи, суслонный хоровод* (10,396).

Под влиянием фольклорных образов духовной поэзии русских сектантов, с которыми Клюев некоторое время общался в молодости, в его поэзии появляются языческие образы ритуальной пляски как мистического экстаза, в момент которого человеку открываются тайные слова мира, воплощенные в стихи:

*Море житейское – черный агат
Плещет стихами от яростных пят.
Духостихи – златорогое стада,
Их по удоям не счесть никогда,
Только следы да сиянье рогов
Ловят тенета захватистых слов.
Духостихи отдают молоко
Мальцам безудным, что пляшут легко.*
(10,461)

Самым ярким воплощением идеи таинственного единства слова и мира, поэзии и мира является образ *Словесного дерева*:

*Осеньет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!
Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!*
(11,88)

Понимание мира как слова легло в основу всех художественных образов Клюева, раскрывающих его глубокое постижение сущности поэтического слова.

МУЗЫКА СЛОВА

Для Клюева поэтическое слово – это обязательно слово звучащее, слово – связанное с голосом, с музыкой. Поэтическое слово наиболее чутко к голосам мира, к голосу человеческой души, а эти голоса – отзвуки Божественного Слова.

В поэтическом воображении Клюева голоса природы духовно осмысливаются и преобразуются в молитвенные песнопения:

*Белый воск и песня-недоумка
Истекли от вербы непорочной:
Точит верба восковые слезы
И ведет зеленый тайный причит
Про мужицкий рай, про пир вселенский,
Про душевный град, где «Свете тихий».*

И **тропарь** зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,
Не подрубит яблони цветущей
И веслом бездушным вод не ранит...»
(10,260)

От печного дыма **ладан** пуш сладимый,
Молвь отшельниц-елей: «**Иже херувимы!**...»
(10,284)

Ель мне подала лапу, береза сьрьгу,
Тучка канула перл, просияв на бегу,
Дрозд запел «**Блажен муж**» и «**Кресту Твоему**»...
(6,208)

Ель гнусавит псалом: «**Яко воск от огня**...»
(10,279)

Духовная иерархия звуков и слов, воплощённых в поэтическом слове, изображается Ключевым в «Песне о Соколе и трёх птицах Божи-их»:

Напоследок **слово молвила**
Куропь-птица белоперая:
«А как я,— росой вспоенная,
Светлым облаком вскормленная,—
Возлечу в **обитель Божию**,
К **Саваофову подножию**,
Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную.
Ту **стихиру** во долинушке
Молодой пастух дослушает,
Свесит голову детинушка,
Отмахнет слезу рубахою,
И под дудочку свирельную
Сложит новую **бывальщину**.
Аминь.

(6,246)

Пушкина Ключев читит как великого поэта за его духовную отзывчи-вость на звуки-слова мира земного и мира небесного:

Где **рай** финифтяный и **Сири**
Поёт на ветке расписной,
Где **Пушкин** говором просвирен
Питает **дух высокий** свой,

Где **Мей** яровчатый, **Никитин**,
Велесов первенец **Кольцов**,

Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских **стихов**.

<...>

Поёт мне Сири́н изда́леча:
«Люби, и звёзды над тобой
Заполыхают красным вечем,
Где сердце – **колокол** живой».

Набат сердечный чует Пушкин –
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоновые макушки,
Благоухает **звукоцвет**.

Он в белой букве, в алой строчке
В фазаньи пестрой запятой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.

<...>

(12,93)

В поэтическом представлении Клюева духовная сила поэтического слова проявляется в его способности погружаться в мир неземных, райских звуков – в мир вечной жизни, где поэт встречается с умершими родными и близкими:

В васильковое утро белее рубаха,
Улыбается пёчь и блаженна скамья,
За **певучей куделью** незримая пряха
Мерит нитью затон, где **Бессмертья ладя**.

На печной материк сходят мама и дед,
Облеченные в **звон, в душу флейт и стихов**,
И коврижное солнце крупитчатый **свет**
Проливает в печурки, где **выводок слов**.

И ныряют слова в самоцветную хлябь,
Роняют **радужный** пух запятых и тире...

(8,57)

Свои стихи, а также стихи других поэтов Клюев часто образно сравнивает с различными звуками природы: «Сосен звон» (название первого сборника стихотворений Клюева); Недоуменно не кори, / Что мало радио-зари / В моих **стихах** – бетона, гаек, / Что о мужицком хлебном рае / Я нудным **оводом** бубню / Иль **костромским сосновым звоном!** (10,451); о поэзии Есенина: **Берестяный звонок язык** (11,178); о народных сказителях: **Чтоб в простых словах бранный**

гром гремел, В малых присловьях буря чуялась, В послесловии ж клеток коршуна (6,239).

Встречается у Клюева и обычное для русских поэтов сравнение поэзии с колоколом, однако не с вечевым, а с церковным, монастырским, в чём проявилось своеобразие Клюева как духовного христианского поэта. В поэме «Соловки» читаем:

*Распрекрасный остров Соловецкий,
Лебединая Секир-гора,
Где церквушка, рубленая клетцы, –
Облачному ангелу сестра.
Где учился я по кожаной триоди
Дум прибою, слов колоколам,
Величавой северной природе
Трепетно моляся по ночам...*

(12,311)

В «Поддонном псалме» Клюев заявляет о своей духовной жажде – стремлению к слову правдивому, истинному, которое поэт называет «словом неприточным, **по звуку неложным, непорочным**» (неприточным – значит – свободным от пристрастий, справедливым):

*Что напишу и что реку, о Господи!
Как лист осинового все писания,
Все книги и начертания:
Нет слова неприточного,
По звуку неложного, непорочного;
Тяжелы душе писанья видимые,
И железо живет в буквах библий!*

(15,288)

Наиболее глубоко клюевское понимание музыки поэтического слова отразилось в его знаменитом стихотворении «Звук ангелу собрат...», которое мы приводим ниже полностью и даём к нему пояснения:

**Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится полужвук,
Он каплей и цветком уловится, как стук.
Сорвется капля вниз, и вострепещет цвет,
Но **трепет** не глагол, и в **срыве звука** нет.**

*Потемки с топором и правнук ночи – сын
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд,
И **сирины** в раю слетят с алмазных гнезд,
Но **крик** железа глух и тяжок, как валун,
Ему не свить гнезда в **блаженной роще струн.***

Над зыбкой, при свече, старуха запоем,
Дитя, как злак росу, вливает **певчий мед**,
Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне **тишины созвучьям** ставит сеть.

В бору, где каждый сук – моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто **голос уловил**
Кормилицы мирской и пестуны могил,
Там, отроку-цветку лобзание даря,
Я **слышал**, как заре **откликнулась** заря,
Как **вспел** петух **громов** и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая **свирель** томит с тех пор меня;
Я **видел звука лик и музыку постиг**,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг!

(11,298-299)

Лирический сюжет стихотворения строится на двух противопоставленных образах: **звук** как проявления в мире небесной гармонии, Божественной благодати, Божьего Слова – и **полузвук**, то есть не благодатного звука, а **стука, трепета, срыва, хищного клича** как проявления смертоносной, разрушительной тёмной силы. Ср., например, та же мысль в другом стихотворении:

Слова же сук, паук и внук
Напоминают дятла **стук**.
Чуждаясь **осминогих слов**,
Я **смерть костлявой** звать готов
И **прялке прочу в женихи**
Ефрема Сирина стихи!

(13,18)

Поэтический духовный образ благодатного звука, который прозрел поэт (я **видел звука лик**), предстаёт в словах: «**ангелу собрат, бесплотному лучу**», «**подобно рою звезд, многоочитый лик**». Он соединяет горний мир (рай – «**блаженная роща струн**», где поют райские птицы радости – **сирины**) и мир земной, природный, звуки которого устремлены к небесному (это «**бор, где каждый сук – моленная свеча**, / Где хвойный херувим льет чашу из луча», это голос земли – «**кормилицы мирской и пестуны могил**»). Поэт слышит, как звуки земной и

небесной стихий друг с другом взаимосвязаны, и в этом единстве обнаруживается Божественная основа мира:

*Я слышал, как заре **откликнулась** заря,
Как **вспел** петух **громов** и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...*

Продолжая традиции русской поэзии, Клюев понимает высокое предназначение поэтического слова и воспринимает его как отклик души поэта на звуки Божественного глагола. Вспомним Пушкина:

*Но лишь **Божественный Глагол**
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта вострепнётся,
Как пробудившийся орёл.*

Ср. у Клюева:

*Солнце избу взнуздало –
Бревенчатого жеребца,
Умчимся в эскуриалы,
В **глагол мирового Отца**.*

(12,214)

Кроме классической традиции, в поэзии Клюева очень сильно ощущимы и традиции народного духовного стиха, что накладывает свой отпечаток и на все образы поэтического слова, делает эти образы подчеркнуто сакральными, как, например, в стихотворении 1908 года, которое начинается фразой из Апокалипсиса «*Я был в духе в день воскресный...*» (Откровение. 1:10) и заканчивается так:

*Верен **ангела глаголу**,
Вдохновившему меня,
Я сошел к земному долу,
Полон звуков и огня.*

(10,105-106)

Звук с древних времён стал символом поэтического слова в мировой культуре. Так возникла философема (устойчивое мировоззренческое представление – концепт) звука, музыки, голоса. Например, в античной философии – это «музыка сфер» Пифагора, в немецкой философии – это мысли А. Шопенгауэра о том, что «постигать явление – значит слушать его музыку». Философема музыки вошла как составляющий компонент и в эстетику символизма. Черты этой эстетики присущи и поэзии Клюева. Так, А. Белый в своей теории символа использует данную философему: «В музыке наибольшее приближение глубин духа к поверхности сознания. Музыка идеально выражает символ. Символ поэтому всегда музыкален. К тому, что было прежде времён, к тому, что будет, обращён символ. Из символа брызжет музыка. ... символ пробуждает музыку души» [Белый 1994: 264]. С философемой

звука соотносится и поэтическая мифологема звука, которая так ярко себя проявила в творчестве Клюева. На основе этой мифологемы поэт создаёт сложные метафорические построения, обладающие напряжённой образной энергией и духовной силой, как, например в поэме «Белая Индия»:

*К ушам прикормить бы зиждительный Звук,
Что вяжет, как нитью, слезинку с луной
И скрип колыбели – с пучиной морской,
Возжечь бы ладони – две павьих звезды,
И Звук зачерпнуть, как пригоршню воды,
В трепещущий гром, как в стерляжий садок,
Уста окунуть и причастьем молок
Насытиться всласть, миллионы веков
Губы не срывая от звездных ковшов! ...*

(10,311)

Как отмечает о. Г. Флоровский в книге «Пути русского богословия», на рубеже веков, в эту эпоху эстетического возрождения «вся ... религиозная значительность искусства открылась с полной очевидностью, но открылась и в жуткой двусмысленности прельщения и ворожбы» [Прот. Г. Флоровский 1991: 487]. По его мнению, религиозный соблазн становится «задним и глубоким фоном тогдашнего философского движения» [Прот. Г. Флоровский 1991: 488]. Для этого времени характерен особый путь возврата к вере – через эстетизм. «Раньше у нас возвращались к вере через философию (к догматике) или через мораль (к Евангелию). Путь через искусство был новым» [Флоровский 1991: 455–456].

Возможно ли с помощью художественной интуиции проникнуть в духовный мир? Многие поэты, художники и музыканты отвечали на этот вопрос положительно. А.А. Блок писал: «Есть два времени, два пространства; одно историческое, календарное, другое – неисчислимое, музыкальное. Только первое время и пространство неизменно присутствует в цивилизованном сознании; во втором мы живём лишь тогда, когда отдаёмся музыкальной волне, исходящей из мирового оркестра» [Блок 1982: 335].

Мистическое осмысление музыки как пути в мир духа характерно и для поэтического созерцания Клюева. Однако время показало, что художественное прозрение не заменяет веры.

СВЕТ СЛОВА

С поэтической мифологемой звука тесно связана и поэтическая мифологема света, которая также имеет древние культурные традиции в русской поэзии. Содержание этой мифологемы таково: свет — это источник духовного, небесного начала, благодатно преобразующего мир. Поэт и философ В. Соловьёв, создатель своеобразной философии света, писал: «Поистине же красота как идея действительно осуществляемая, воплощаемая в мире прежде всего человеческого духа, и это её воплощение не менее реально и гораздо более значительно (в космологическом плане), нежели те материи стихии, в которых она воплощается. Игра световых лучей в кристаллическом теле, во всяком случае, не менее реальна, чем химическое вещество этого тела ... В этом смысле свет есть во всяком случае сверхматериальный, идеальный деятель. Итак, видя, что красота алмаза всецело зависит от просветления его вещества, задерживающего в себе и расчленяющего (развивающего) световые лучи, мы должны определить красоту как преобразование материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала» [Соловьёв 1991: 105]. Мысль о светоносной преобразующей силе поэзии выражена и в стихах поэтов Серебряного века:

Бальмонт: *Знающий счастье и боль,
Смолу превращая в янтарь,
Каждый поэт есть король,
Каждый мыслитель — царь.*

Блок: *Но к цели близится поэт,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит **новый свет**
За далью, прежде незнакомой.*

В творчестве Клюева мифологема света как свойство поэтического слова воплощается в словах тематической группы **свет**: свет, светоносный, огонь, пожар, золото, серебро, бисер, жемчуг, алмаз, солнце и многие др. Образ поэзии у Клюева — это образ света. О Есенине он пишет: *Но с Рязанских полей коловертовых / Вдруг забрезжил конопляный свет* (11,88). О своей поэзии также говорит как о свете: *Но мерцает в моих страницах / Пеклеванных созвездий свет* (12,212). И в том и другом случае подчёркивается крестьянское происхождение поэтов (конопляный, пеклеванный).

Символами светоносного поэтического слова у Клюева являются часто *солнце и драгоценный камни*.

Символика солнца: *Как бы в стихи, золотые, как солнце, / Впрямь волхвованье и песенку ту?* (10,274) *И будет два солнца на небе – Две раны в гремячих веках: **Пурпурное** – в Ленинской требе, **Сермяжное** – в хвойных стихах* (12,194). *Искупайся, Сокол, в речке – / Будит крылышки с насечкой, / Ключ булатный из Дамаска, / Чтоб **пролилась солнцем сказка**, / В омут глаз, в снопы кудрей, / В жизнь без плахи и цепей!* (11,154). *Купите, о други, поддонный товар, / **Жемчужину-солнце, песчинку-пожар!** / Мой стих – зазыватель в Христовы ряды охрип под туманами зла и беды* (7,158). *Мы – огонь, вода и пажити, Осимь, **солнца пеклеванные**, Вы же – таин не расскажете Про сады благоуханные* (12,178). *О, познайте, братия и други, / Божьих ризниц куколи и митры – Окунутся **солнце, радуг дуги** / В ваши книги, в струны и палитры* (12,177). *Песня – юноша в битве израненный – / Алчет **солнца** и мира отрадного* (12,206).

Символика драгоценных камней: *отягченный **скатным словом*** (13,42); ***бисер слов** любви неподкупной* (10,302); *стихов жемчужные верев!* (11,158);

*Помню щаный волжский дымок –
Вкусней ржаного овина,
За таганом бурлацкий сказ,
Пляску барж, паруса-подолы,
С языка **словесный алмаз**
Прядал в русские темные доли.*
(12,220)

*Ау! Я далеко, далеко...
Но в срок как жених вернуся,
Стихи – жемчуга востока
Сложить пред образом Руси.*
(9,23)

*Светлый Павел, утирая слезы,
Обронил из уст **словесный бисер**.*
(12,319)

Светоносную силу поэтического слова Клюев связывает с пророческим даром поэта, с духовными дарами Богообщения и прозрения:

*Где падет перо небесное,
Там слепые станут **зрячими**,
Хромоногие – **ходячими**,
Безъязыкие – речистыми,
Темноумные – лучистыми.*
(6,245)

В стихотворении «Поддонный псалом», следуя традиции христианских духовных писателей, поэт перед началом писания, творчества обращается с обличительной речью к своей душе и призывает её прозреть и увидеть Божественный Свет:

*О, душа моя – чудище поддонное,
Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое,
Прозри и виждь: Свет брезжит!
Раскрылась лилия, что шире неба,
И колесница Зари Прощения
Гремит по камням небесным!*

(10,301)

Если в классической русской поэзии тема пророческого дара поэта обычно разрабатывается только в эстетическом контексте, то у Клюева, как поэта духовного, эта тема возвращается к первоначальным сакральным основам и звучит в контексте мистического богомыслия и откровения, как, например, в стихотворении «Усладный стих», которое заканчивается так:

*<...>
Мы восплещем зарными крылами
Над кручинными, всерусскими полями,
Вдунем в борозды заплаканные нови
Дух живой, всепобеждающей любви, –*

*И в награду, друженьки, за это
Вознесут нас крылья в лоно света.*

(6,117)

Данное стихотворение входит в цикл «Братские песни», которые были написаны молодым Клюевым в период его знакомства с различными религиозными сектами и их духовными песнопениями. Как и многие поэты Серебряного века, молодой Клюев увлекался мистическими идеями искусства. Однако, как отмечал о. Сергей Булгаков, поэзия стремится к Фаворскому Свету, но достигнуть Его не может.

Этого, по выражению философа Н.А. Бердяева, «томления духа» не избежал и молодой Клюев. Но довольно рано его религиозный символизм повернул в иное русло – в русло возрождения традиций древнерусской литературы. Поэт не мыслил тысячелетнюю историю Русского государства вне Православной веры. Для Клюева «история России – прежде всего история Святой Руси, ибо как и в Ветхозаветном Израиле, судьба нашего Отечества самым непосредственным образом всегда зависела от нравственного состояния народа» [Игумен Исайя 1999: 4]. Так думали русские люди, начиная с киевского периода летописания, так думал автор «Слова о полку Игореве» и другие деятели

древнерусской культуры. В начале XX века Ключевский возродил в своей поэзии эту традицию понимания смысла русской истории.

СЛОВО – ХЛЕБ ЖИЗНИ

Любимым образом поэтического слова для Ключевского был хлеб.

В мировой культуре образ хлеба имеет много символических значений, о которых более подробно речь пойдет в III разделе этой книги. Какую культурно-историческую и поэтическую мотивировку имеет представление слова в образе хлеба? Таких мотивировок несколько. Рассмотрим их последовательно далее.

Хлеб как дар жизни – один из древних центральных образов крестьянской культуры у многих народов. Является этот образ центральным и в творчестве Ключевского:

*Близок к нищим сдобный, мглистый рай,
Кус сиротский гения блаженной...
Вседержитель! Можно ль стать нетленней,
Чем мирской, мозольный каравай?*

(7,77)

Сравнивая поэтическое слово с хлебом, Ключевский тем самым говорит о значимости словесного искусства для народа:

*... Солома всему укрепа,
Хлеб – вселенская голова,
Вымолотят слова
Труда золотые цепи...*

*... Душа всещедро-тверда,
Как ток, цепями убитый,
Где смуглый Ангел труда*

Молотит созвучий жито. (11,131-132)

Подобное же осмысление темы молотбы хлеба наблюдается и в стихотворении «Клеветникам искусства»:

*... Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри вплетались в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву, ...
... Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов,
С Есениным в венке из васильков,
Бодягой поросло, унылым плауном,
В разлуке с песногривым скакуном
И с молотью стиха свежее борозды
И непомернее смарагдовой звезды,
Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,
Рождая струнный плеск и вещей сказок рой!*

(12,265)

Хлеб как символ поэтического слова в поэзии Клюева отражает религиозные представления, духовные и мистические понятия, культовые действия, ритуалы. В христианской традиции хлеб имеет следующие символические значения: «духовная пища», «пища вечной жизни», «манна небесная», «дар Божий», «тело Христово»; «Воскресший Христос», «благодать Божья», «духовная радость», «святой разум», «Слово Божье», «духовное возрождение»; «служение Господу», «пост», «жертвоприношение», «искупление», «очищение», «причастие», «верность Господу»; «Рай», «Царство Небесное». Общим является то, что во всех этих значениях хлеб понимается как символ Жизни Вечной. В «Поддонном псалме» (1916), рисуя образ «Нерукотворной России», поэт обращается к мотиву «хлеба животного», то есть Хлеба Вечной жизни:

*Сыты кони овсяной молитвой
И подкованы веры железом;
Ель покоя жильё осеняет,
А в ветвях её Сирин гнездится:
Учит тайнам глубинным хозяйку,
Как взмесить нежных звуков опару,
Дрожжи звуков Всевышних не сквасить,
Чтобы выпечь животные хлебы.
Пищу жизни, вселенское брашно...*

*Побывал я под чудною елью
И отведал животного хлеба...*

(10,303)

В рассмотренных выше текстах христианская символика хлеба несколько преобразуется Клюевым, оказавшись в системе образов народного духовного стиха. Сильное влияние мистической народной поэзии сказалось в поэме «Мать-Суббота»:

*Слышите ль, братья, поддонный трезвон –
Отчие зовы запечных икон?!
Кони Ильи, Одигитрии плат,
Крылья Софии, Попрание врат,
Дух и Невеста, Царица предста
В колосе житном отверзли уста!*

(10,459)

Особенно глубоким мистическим смыслом наполнены слова, обозначающие процессы «растворить, замесить и выпечь хлеб» и символизирующие тайны поэтического творчества в «Белой повести», посвящённой памяти матери поэта. Мотив хлеба в этом произведении развивается сразу на четырёх смысловых уровнях: создание хлеба – создание мира – создание Сына Божия – создание стихов:

Но в победы час мировой,
 Когда **мои хлебы пекутся**,
 И печка мурлычет, пьяна
 Хозяйской, бобыльною лаской,
 В печурке созвездья встают,
 Поёт Вифлеемское небо,
 И Мать пеленает меня –
 Предвечность в убогий свивальник...
 И слёзные ливни, как сеть,
 Я в памяти глубь погружаю,
 Но вновь неудачлив улов,
 Как хлеб, что пеку я без Мамы, –
Мучнист стихотворный испод,
 И соль на губах от созвучий,
 Знать, в замысла ярый **раствор**
 Скатилась слеза дождевая.

(15,303)

Поэтическая мысль Клюева о слове как хлебе жизни нашла своё воплощение в целой системе образов, построенных на основе «хлебной» лексики: хлеб, коврига, каравай, гумно сноп, мука, тесто, зерно, рожь, пшеница, ячмень и др.

На **жернове** суровых дней
 Измелется **ячмень** багровый,
Ковригой испечется слово
 Душистое, с **мучным** нагарцем.

(11,155)

Как **зерно** залягу в борозды
 Новобрачной, жадной земли!

(10,378)

Для Клюева характерны такие выражения, как: хлебное слово, избяная коврига, стихи овиные, стихи-ковриги, звуков опара, дрожжи звуков Всевышних, животные хлебы, пищу жизни, вселенское брашно... Причём эти образы говорят не только о крестьянских идеалах поэзии Клюева, но и о его понимании поэтического слова как Хлеба Жизни, без которого народ и его культура не смогут существовать.

Духовную значимость своего поэтического творчества Клюев раскрывает, сравнивая свои стихи с **антидодом**, то есть просфорой, которая освящается во время литургии и является священным даром:

Миллионам **ярких ртов**,
 Огневых **взлжавших глоток**,
Антидод моих стихов,
 Строки ярче **косоплеток**.

(5,90)

*Миллионы звездных ртов
Взлечут песни-антидора...*

(5,91)

Вольное обращение с церковной культовой лексикой – одна из отличительных черт поэзии Серебряного века, которой не избежала и поэзия Клюева.

КРАСОТА СЛОВА

Эстетическое представление о слове Клюев воплотил в образах красоты поэтического слова. Красоту речи поэт определяет с помощью различных эпитетов. Им используются такие прилагательные, как: *узорный, узорчатый, ладословый, цветистый, басенький, малиновый, радужный, золотой, росный* и др.

Понимая мир как слово, Клюев восхищается языком природы, который он воспринимает всей душой:

*Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,
Мята слов, древозвук, купина красоты.*

(6,208)

В поисках красивого слова поэт обращается к Библии: к библейскому царю Давиду – псалмопевцу и апостолу-евангелисту Иоанну Богослову:

*Господи благослови,
Царь Давид помоги,
Иван Богослов,
Дай басеньких слов.*

(6,255)

Красота поэтического слова для Клюева таится в народных глубинах, в народном словесном творчестве:

*Спешите враги – легионы чернильниц,
Горбатых вопросов, поджарых тире,
Развеяться прахом у пахотных крылец,
Где Радужный Всадник и конь в серебре!*

*Где тропка лапотная – план мироздания,
Зарубки ступеней – укрепления земли,
Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья
Укрылись родной красоты корабли.
Вон песни баркас – пламенеющий парус,
Ладья поговорок, расшива былин...*

(5,108)

Свой родной край поэт называет «училищем красоты простой и слова воздушного».

Очень часто синонимом слова *красивый* у Клюева выступает народно-поэтическое прилагательное *узорный, узорчатый*, то есть 'украшенный', синонимом существительного *красота* – *узор*, глагола *украшать* – *узорить*. Этими словами Клюев обычно изображает красоту народного поэтического слова – стиха, сказки, думы, былины, молвы, погудки:

*Строки и буквы – лесные коряги,
Ими не вышить **желанный узор**...*
(10,274)

*На дне всех миров, океанов и гор
Хоронится **сказка** – **алмазный узор**.*
(10,309)

*Старухи в долгушках, а деды – стога,
Их **россказни** внукам милей пирога:
Вспушатся усищи, и **киноварь слов**
Выводит **узоры пестрей теремов**.*
(10,281)

*Бабкины пальцы – Иван Калита,
Смерти грозятся, **узорят молву**,
В дебрях суслонных возводят Москву...*
(10,459)

*Жаворонками скороговорки
Утонули в далях пустых.
От былин, **узорных погудок**,
Только перья, сухой помет...*
(11,113)

*Кости мои от Маргарита,
Кровь – от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума.*
(12,242)

*И пели мы **стих** про Снафиду,
Чтоб черную птицу обиду
Узорчатым словом заклясть.*
(13,37)

*Не скудному мирскому слову
Узорить отчие гроба.*
(13,24)

Одним из древних, библейских, символов Божьей благодати и красоты является **радуга**. У Ключева этот образ очень часто используется, в том числе и когда он говорит о красоте слова:

*Стихов кошелю полны липовым медом,
Подковами радуг, лесными ау...*

(9,12)

*Палеостров, Выгу,
Кижю, Соловки
Выплескали в книгу
Радуг черпаки.*

(10,465)

*Треснет тишь – бумажная скорлупка,
И стихи, как выводок фрегатов,
Вспенят глубь, где звукоцвета губка
Тянет стебель к радугам закатов...*

(10,326)

Ключев создаёт даже неологизм – сложное прилагательное **песно-радужный**, то есть 'радужный, красивый от песен':

*За обозом народ – Ломоносов
В песнорадужном зипуне...*

(8,32)

Забота о красоте поэтического слова является одной из заметных особенностей стиля Ключева, поэтому в его произведениях очень много символов и метафор, воплощающих эту тему. Кроме указанных выше образов *узора, радуги*, укажем такие символы красоты слова, как *свет, блеск, драгоценные камни (алмаз, агат, бирюза, жемчуг, бисер и др.), сказочные птицы (Алконост, Сирин, Паскарага, Естрафилъ), цветы, сад, мёд, роса и др.* Они представлены в следующем разделе – в «Словаре поэтических образов слова».

Эстетические идеалы Ключева обращены в древнерусское прошлое, поэтому понятие о красоте поэтического слова у него всегда определяется отношением к традициям древнерусской литературы и к фольклору. Слово, рождённое в эпоху послереволюционную – эпоху крушения Святой Руси, воспринимается Ключевым как страшная смертоносная сила, несущая гибель истинной красоте народной культуры:

*Свершилась смертельная кража,
Развенчана Мать-красота!
Слепящий венец и запястье
В обмен на сорочий язык...
Народное горькое счастье
Прозябло кустом павилик.*

(8,52)

В стихотворении «Владимиру Кириллову» (современнику-поэту) Клюев противопоставляет красоте поэзии насилие и гражданскую войну, считая их явлениями несовместимыми:

*Претят бунчуки и пушки
Великому сфинксу – красоте.
Поэзия, друг, не окуроч,
Не **Марат**, разыгранный понаслышке.
Караван осетинских буроч
Не согреет **муз** в твоей книжке.*

(10,367)

В одном из стихотворений цикла «Ленин» Клюев создаёт страшный, с адским отсветом инфернальный образ смертоносного слова взбунтовавшей народной стихии:

*Багряного Льва предтечи
Слух-упырь и ворон-молва.
Есть Слово – змея по плечи
И схимника голова.
В поддевке синей пурговой,
В испепеляющих сапогах,
Пред троном плясало Слово
На гибель и черный страх.
По-совиному желтоглазо
Щурилось солнце с высоты,
И, штопая саван, проказа
Сидела у врат красоты.
Царскосельские помнят липы
Окаянный хохот пурги...
Стоголовые Дарьи, Архипы
Молились Авось и Низги.
Авось и Низги – наши боги
С отмычкой, с кривым **ножом**,
И въехали **гробные дроги**
В **мертвый** романовский дом.
По-козьи **рогат** возница,
На запятках **Предсмертный Час**.
Это **геенская страница**,
Мужицкого Слова пляс!
В Багряного Льва ворота
Стучится пляшущий **рок...***

(10,371)

Однако поэт верит в силу благодатной красоты и в грядущее воскресение Родины:

*Русь нетленна, и погостские кресты –
Только вехи на дороге красоты!*

(10,340)

Верит он и в нравственную силу тех русских людей, которые не утратили идеалов красоты, истины и добра. К ним обращено его поэтическое творчество. В начале поэмы «Песнь о Великой Матери» он прямо говорит о том, что постигнуть тайную красоту его поэзии смогут только чистые сердцем, любящие Россию люди:

*Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как береза острым клином,
И кто жребием единым
Связан с родиной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый
И, таинственно водимый
По тропинкам междустрочий,
Красоте заглянет в очи –
Светлой девушке с поморья.*

(13,5)

СЛОВАРЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ СЛОВА

Слово – ангел

Ангел: Звук **ангелу** собрат, бесплотному лучу (12,298). Верен **ангела** глаголу, / Вдохновившему меня, / Я сошел к земному долгу, / Полон звуков и огня (10,106). Братья, это наша крестьянская, красная культура, / Где звукоангелы – сопостники людских пабедок и просонок! (5,107).

Слово – свет, цвет

Звезда: ...Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из васильков, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногривым скакуном / И с молотьбой стиха свежее борозды / И непомернее смарагдовой **звезды**, / Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское, / Рождая струнный плеск и вещих сказок рои! (12,265) Но в победы час мировой, / Когда мои хлебы пекутся, / И печка мурлычет, пьяна / Хозяйской, бобыльной лаской, / В печурке **созвездья** встанут (15,303). Пиджачный читатель скупает товар, / Амбары рассудка бездонны, / И **звездную** тайну страницей зовет, / Стихами жрецов гороскопы (10,404).

Звукоцвет: И стихи, как выводок фрегатов, / Вспенят глубь, где **звукоцвета** губка / Тянет стебель к радугам закатов... (10,326).

Луч: Звук ангелу собрат, бесплотному **лучу** (12,298).

Радуга: Стихов кошель полны липовым медом, Подковами **радуг**, лесными ау... (9,12). Палеостров, Выгу, Кижы, Соловки / Выплескали в книгу **Радуг** черпаки (10,465). Треснет тишь – бумажная скорлупка, / И стихи, как выводок фрегатов, / Вспенят глубь, где звукоцвета губка / Тянет стебель к **радугам** закатов... (10,326). За обозом народ – Ломоносов / В **песнорадужном** зипуне... (8,32) .

Свет: Но с Рязанских полей коловратовых / Вдруг забрезжил конопляный **свет** (11,88). Но мерцает в моих страницах / Пеклеванных созвездий **свет** (12,212).

Свеча: Ты прими поклон мой вечный, родимая, / **Свечу** мою, бисер слов любви неподкупной, / Как гора необхватной, / Свежительной и мягкой, / Как хвойные омуты кедрового моря! (10,302)

Солнце: Как бы в стихи, золотые, как **солнце**, / Впрямь волхвованье и песенку ту?(10,274) И будет два **солнца** на небе – Две раны в гремях веках: Пурпурное – в Ленинской требе, Сермяжное – в хвойных стихах (12,194). Искупайся, Сокол, в речке – / Будут крылышки с насечкой, / Клюв булатный из Дамаска, /Чтоб пролилась **солнцем** сказка, В омут глаз, в снопы кудрей, В жизнь без плахи и цепей! (11,154). Купите, о други, поддонный товар, / Жемчужину-**солнце**, пес-

чинку-пожар! Мой стих – зазыватель в Христовы ряды охрип под туманами зла и беды (7,158). Песня – юноша в битве израненный – Алчет солнца и мира отрадного (12,206). Клюв булатный из Дамаска, / Чтоб пролилась солнцем сказка / В омут глаз, в снопы кудрей, В жизнь без плахи и цепей! (11,154)

Слово – огонь

Огонь: Мгла зашептала: «Не укрыто / Зерно от жернова и ступ. /

Ты, **жгучий** отпрыск Аввакума, / **Огнем** словесным **опален** (14,95). Песнословного перелеска / Не ищите в с лавянской камке <...> Лечу на крыльях самума – / Коршуна, чье яйцо Россия, / В персты арабского Юма, / В **огни** и флейты степные (8,86). И сорок титанов-отцов, / Как глыбу, тесали меня. / Придите из певчих сосцов / Отпить грозowego **огня!** (12,218) Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным **огнем** серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излукам стихов / Наловил бы певучих гагар и бобров (8,39). Верен ангела глаголу, / Вдохновившему меня, / Я сошел к земному долу, / Полон звуков и огня (10,106). Стихи-огневища о милой невесте. 9,10.

Пожар: И каркают точки – морские вороны, / Почуя стихов ледовитый **пожар** (9,14). Купите, о други, поддонный товар, Жемчужину-солнце, песчинку-пожар! Мой стих – зазыватель в Христовы ряды охрип под туманами зла и беды (7,158).

Слово – водная стихия

Водоёмы

Атлантика: И у руля, презрев пучины, / Мы **атлантическим** стихом / Перед избушкой две рябины / За вьюгою не воспоем (10,426).

Бухта: Там в **бухтах** сосновых от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты корабли. / Вон песни баркас – пламенеющий парус, / Лады поговорок, расшива былин... (5,108).

Вода: И Звук зачерпнуть, как пригоршню **воды** (10,311). И, внимая трубам **вод** всемирных, / Рад поэт словесной бурной **пене** (10,325).

Водоворот: Мы корабельщики-поэты, / В **водовороты** влюблены, / Стремим на шквалы и кометы / Неукротимые челны (10,426).

Водопад: В стихотворном **водопадном** гуле / Зреет **миру львиная обнова!** (12,231)

Волна: Птицей – **волной** белопенной / Рею я в диких стихах (7,151).

Дно: Вместят ли сказанье глухие стихи? / Успение леса поведает тот, / Кто слово, как жемчуг, со **дна** достает (13,6). Всеплеменному внемяя гулу, / Я **поддонный** напев творю (10,378). Плыть бы на звонких плотах / Вниз по Двине ледовитой. / Чуют, как сказочник-руль / Будит **поддонные** были (10,185). Купите, о други, **поддонный** товар, Жемчужину-солнце, песчинку-пожар! Мой стих – зазыватель в Христовы ряды охрип под туманами зла и беды (7,158). В мое **бездонное** слово / Канут моря и реки (12,234). Слышите ль, братья, **поддонный** трезвон – / Отчие зовы запечных икон?! (10,459)

Затон: За певучей куделью незримая пряха / Мерит нитью **затон**, где Бессмертья лады. (8,57)

Излука: Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по **излукам** стихов / Наловил бы певучих гагар и бобров (8,39).

Море: Ты прими поклон мой вечный, родимая, / Свечу мою, бисер слов любви неподкупной, / Как гора необхватной, / Свежительной и мягкой, / Как хвойные омуты кедрового **моря**! (10,302) В мое бездонное слово / Канут **моря** и реки (12,234).

Омут: Ты прими поклон мой вечный, родимая, / Свечу мою, бисер слов любви неподкупной, / Как гора необхватной, / Свежительной и мягкой, / Как хвойные **омуты** кедрового моря! (10,302)

Пена: И, внимая трубам **вод** всемирных, / Рад поэт словесной бурной **пене** (10,325).

Плесо: Месяц, месяц – селезень зобатый, / Окунись, как в плесо, в глыбкий стих! (10,429)

Половодье: Кораллы на ладожской юфти – / К словесному знать **половодью**... (8,97). Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной реки! / Проглазеют моржа златого / В **половодном** разливе строк, / Где ловец – мужицкое слово / За добычей стремится челнок! (11,125) Напрасно Афон и Саров / Текли **половодьем** из слов (11,177).

Пучина: И у руля, презрев **пучины**, / Мы атлантическим стихом / Перед избушкой две рябины / За выюгою не воспоем (10,426).

Прибой: / Светлый восстанет певец, / Звукам **прибоем** научен, / И не изранит **сердец** / Скрип стихотворных уключин. 10,385.

Разлив: Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной реки! / Проглазеют моржа златого / В **половодном** **разливе** строк, / Где ловец – мужицкое слово / За добычей стремится челнок! (11,125)

Река: Припадаю к родимой печурке / С пропащей слезой на щеке... / Ах, умчаться бы на каурке / К **говорящей живой реке**! / До узды **окунуться** в струны, / В адамант строительных слов (12,229). Тебе **реч-**

ные терема, / Стихов жемчужные верей! (11,158) Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной **реки**! (11,125) Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная **река**, / И суровый шахтер по излукам стихов / Наловил бы певучих гагар и бобров (8,39). В мое бездонное слово / Канут моря и **реки** (12,234). В буйно-алый листопад / Просквозили уши-сад / Багрецом, румянцем, зарью, / И сосцом земляница-Дарья / Смыла плесень с языка, / Чтоб текла стишков **река**! / Искупайся, сокол, в **речке** – / Будут крылышки с насечкой (11,53).

Ручей: И кто в громах рожден, как тучи, / Тем не уловится текущий, / Как сон, запечный **ручеек**! (12,275) О, если б кавычки – стада холмогорок / Сходились к перу – грозовому **ручью**! 11,119

Хлябь: И ныряют слова в самоцветную **хлябь**, / Ронят радужный пух запятых и тире... (8,57).

Рыба

Белуга: Пусть будет стих с **белугой** схож, Но не полюбит он бетона!.. (13,42)

Осетр: И в ответ на звуки / Гомонят улов / **Осетры** и щуки / Пододонных слов (10,465).

Стерлядь: Так песнь **стерляжи** плавники / Сдирает о соображение. / Испепелися наваждение – / **Понятие** – **иглистый еж**! / Пусть будет стих с **белугой** схож, Но не полюбит он бетона!.. (13,42) **Олений гусак** сладкозвучнее Глинки, / **Стерляжи** молоки Верлена нежней, / А бабкина пряжа, печные тропинки / Лучистее славы и неба святых (10,331).

Плотица: Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в **плотичные** токи лесная река, / И суровый шахтер по излукам стихов / Наловил бы певучих гагар и бобров (8,39).

Щука: И в ответ на звуки / Гомонят улов / **Осетры** и щуки / Пододонных слов (10,465).

Губка

Губка: Треснет тишь – бумажная скорлупка, / И стихи, как выводок фрегатов, / Вспенят глубь, где звукоцвета **губка** / Тянет стебель к радугам закатов... (10,326).

Суда

Баржа: Стих – черпак на родной соловецкой **барже**, / Где премудрость глубин, торжество парусов. / Я в историю въеду на звонном морже / С пододонною свитой словесных китов (12,217).

Баркас: Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты корабли. / Вон песни **баркас** – пламенеющий парус, / Ладья поговорок, расшива былин... (5,108).

Корабль: Уплывает в родимый туман / Мой **корабль** – буревые стихи (11,101).

Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты **корабли**. / Вон песни баркас – пламенеющий парус, / Ладья поговорок, расшива былин... (5,108). Мы **корабельщики**-поэты, / В водовороты влюблены, / Стремим на шквалы и кометы / Неукротимые челны (10,426).

Ладья: На праздник разлук привезли плачею – / Стог песенных трав, словозвучий **ладью**. / В беседной избе усадить на скамью / Все сказки, заклатья и клады / Устинья Прокопьевна рада! (13,36) Там в **бухтах** сосновых от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты корабли. / Вон песни баркас – пламенеющий парус, / **Ладья** поговорок, расшива былин... (5,108). За певучей куделью незримая пряжа / Мерит нитью затон, где Бессмертья **ладья**. (8,57)

Расшива: Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты корабли. / Вон песни баркас – пламенеющий парус, / Ладья поговорок, **расшива** былин... (5,108).

Руль: И, вея кедром, росным пухом / На скрип словесного **руля**, / Поводит мамонтовым ухом / Недоуменная земля! (10,426) Плыть бы на звонких плотях / Вниз по Двине ледовитой. / Чуют, как сказочник-**руль** / Будит поддонные были (10,185) И у **руля**, презрев пучины, / Мы атлантическим стихом / Перед избушкой две рябины / За выюгою не воспоем (10,426).

Фрегат: Треснет тишь – бумажная скорлупка, / И стихи, как выводок **фрегатов**, / Вспенят глубь, где звукоцвета губка / Тянет стебель к радугам закатов... (10,326)

Челнок: Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной реки! / Проглазеют моржа златого / В половодном разливе строк, / Где ловец – мужицкое слово / За добычей стремится **челнок**! (11,125) Мы **корабельщики**-поэты, / В водовороты влюблены, / Стремим на шквалы и кометы / Неукротимые **челны** (10,426).

Лов

Лов: Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть, / В затоне тишины созвучьям ставит сеть (11,298). Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излучам стихов / **Наловил** бы певучих гагар и бобров (8,39). И кто в громах рожден, как тучи, / Тем не **уловится** текучий, / Как сон, запечный ручеек! (12,275) И слёзные ливни, как сеть, / Я в памяти глубь погружаю, / Но вновь неудачлив **улов**, / Как хлеб, что пеку я без Мамы, – / Мучнист стихотворный испод (15,303). Мы – Исавы, в словесной **ловле** / Обросли землей до грудей. / И в земле наших книг страницы (8,64).

Ловец: Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной **реки**! / Проглазеют моржа золотого / В половодном разливе строк, / Где **ловец** – мужицкое слово / За добычей стремится челнок! (11,125)

Мрежа: Мысленные **мрежи**, / Слуха вертоград, / Глуби Заонежий / Перлами дарят (10,465).

Невод: Все ведаёт сердце и глаз-изумруд / В зеленые **неводы** ловит. / Улов непомерный на строчек шесты Развесила пестунья-память (10,403).

Сеть: Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть, / В затоне тишины созвучьям ставит **сеть** (11,298). И слёзные ливни, как **сеть**, / Я в памяти глубь погружаю, / Но вновь неудачлив улов, / Как хлеб, что пеку я без Мамы, – / Мучнист стихотворный испод (15,303).

Кувшин, черпак

Кувшин: И девушки-бедуинки / В Песнослов окунут **кувшины** (8,86).

Черпак: Стих – **черпак** на родной соловецкой барже, / Где премудрость глубин, торжество парусов. / Я в историю въеду на звонном морже / С пододонною свитой словесных китов (12,217).

Роса

Словно ива ручью, внемлю **росным** словам (6,208). У риторической строки / Я выверну ишачью шею / И **росной** резедой повею / Воспоминаний, встреч, разлуки! (11,164) Над зыбкой, при свече, старуха запоет, / Дитя, как злак **росу**, впивает певчий мед (11,298). Пусть нивы Царского Села / Благоухают, как **пчела**, / Родя фиалки, **росный** мак... (13,38).

Слово – земля

Борозда: ...Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из васильков, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногрым скакуном / И с молотью стиха свежее **борозды** / И непомернее смарагдовой звезды, / Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское, / Рождая струнный плеск и вещей сказок рой! (12,265) Вот они, отчие **борозды**, – / Посеешь усатое **жито**, / А вырастет песен сыта! (12,304).

Долина: О, если б в страницах златились **долины** / И строфы плясали на звонкой земле! (11,119).

Земля: О, если б в страницах златились долины / И строфы плясали на звонкой **земле**! (11,119).

Пригорок: Люблю песнотравный гремучий **пригорок**, / Где тайна пасет двоеточий семью! (11,119).

Слово – растительный мир

Деревья, лес

Баобаб: В тени стиха–**баобаба** / Залегла удавом бумага. / Под чернильным солнцем усада / Переваривать антилопу – чувства... / **Баобабы** – пасынки сада / Неувядаемого искусства. / В их душе притаились пумы, / Каннибалов жадный поселок, / Где треплются скальпы–думы (8,85).

Бор: Я – полесник **хвойных слов** / Из Олонецкого бора (5,91).

Дерево: Осеняет **Словесное дерево** / Избяную, дремучую Русь! / Певчим цветом алмазно заиндевел / Надо мной **древословный навес**, / И страна моя, Белая Индия, / Преисполнена тайн и чудес! (11,88)

Ель: О **ели**, родимые **ели**, – / Раздумий и ран колыбели, / Пир брачный и памятник мой, / На вашей коре отпечатки, / От губ моих жизней зачатки, / Стихов недомысленный рой (10,307).

Ива: Месяц, месяц – селезень зобатый, / Окунись, как в плесо, в глыбкий стих! / Над строкою **ивой** бородатой / Никну я в просонках голубых (10,429).

Кедр: На помин олонецким бабам / Воскурю **кедровый** стих... (11,124). Ты прими поклон мой вечный, родимая, / Свечу мою, бисер слов любви неподкупной, / Как гора необхватной, / Свежительной и мягкой, / Как хвойные омуты **кедрового** моря! (10,302)

Лес: В глухих олонецких **лесах** / Сложилось тайн и песен много / От Сахалинского острога / До звезд в глубоких небесах (12,333). Строки и буквы – **лесные** коряги, Ими не вышить желанный узор... (10,274).

Осина: Что напишу и что реку, о Господи! / Как лист **осиновый** все писания (10,301).

Перелесок: Песнословословного **перелеска** / Не ищите в славянской камке: – / Питомец деда – Онега / Отведал Львиного хлеба, – / Прощайте изба, телега – / Моя родная потреба! (8,86).

Сосна: Когда сложу свою вязанку / **Сосновых** слов, медвежьих дум? (10,329) Там в бухтах **сосновых** от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты корабли. / Вон песни баркас – пламенеющий парус, / Ладья поговорок, расшива былин... (5,108). Пусть на груди моей лилея / Сплетется с веткою **сосновой**, / Как символ юности и **слова** (11,158). «Гам, гам, гам», – скулят газеты, книги, / Магазины Вольфа и Попова... / Нужны ль вам мои стихи-ковриги, / Фолиант сермяжный и **сосновый**? (10, 325-326) Недоуменно не кори, / Что мало радио-зари / В моих стихах – бетона, гаек, / Что о мужицком хлебном рае / Я нудным оводом бубню / Иль костромским **сосновым** звоном! (10,451)

Трущоба: Я верю вам, братья Есенин, Чапыгин, – / **Трущобным** рассказам и ветру-стиху (5,109).

Хвоя: Я – полесник **хвойных** слов / Из Олонецкого бора (5,91). Ты прими поклон мой вечный, родимая, / Свечу мою, бисер слов любви неподкупной, / Как гора необхватной, / Свежительной и мягкой, / Как **хвойные** омуты кедрового моря! (10,302) И будет два **солнца** на небе – Две раны в гремячих веках: Пурпурное – в Ленинской требе, Сермяжное – в **хвойных** стихах (12,194).

Цветы, трава, сад

Василёк: ...Чтобы гumno, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из **васильков**, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногривым скакуном (12,265).

Звездный зев: Чтоб ослепительные кони / Луга беззимние нашли, – / Там, как стихи, павлиноцветы, / Гремучий лютик, **звездный зев**... / Мы – китобойцы и поэты – / Взбурлили парусом напев (10,426).

Кувшинка: Не будет деда, но будет сказ, / Как звон **кувшинок** в лебяжий час, / Когда в просонки и в хмару вод / Влюбленный лебедь друг ведет... (10,295).

Лён: Любя, порадуйся со мной / Пчела со взяткой золотой. / Ты сладкой пасеке верна, / Я ж – песне голубее **льна**, / Когда **цветет** дремотно он / В просонки синие влюблен! (10,443)

Луг: О, молот-ведун, чудотворец-верстак, / Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак, / В ваш яростный ум, в многострунный язык / Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник, / Дышу восковиной, медыню цветов, Сжигающих Индий и Волжских **лугов**! .. (10,347) От косы ложится на страницы, / На **луга** стихов кривая тень... (10,430). Чтоб осле-

пительные кони / **Луга** беззимние нашли, – / Там, как стихи, павлиноцветы, / Гремучий лютик, звездный зев... / Мы – китобойцы и поэты – / Взбурлили парусом напев (10,426).

Лютик: Чтоб ослепительные кони / Луга беззимние нашли, – / Там, как стихи, павлиноцветы, / Гремучий **лютик**, звездный зев... / Мы – китобойцы и поэты – / Взбурлили парусом напев (10,426).

Мак: Пусть нивы Царского Села / Благоухают, как пчела, / Родя фиалки, росный **мак**... (13,38).

Мята: Кобылица-душа тянет в луг, где цветы, / **Мята слов**, древозвук, купина красоты (6,208).

Павлиноцвет: Чтоб ослепительные кони / Луга беззимние нашли, – / Там, как стихи, **павлиноцветы**, / Гремучий лютик, звездный зев... (10,426).

Подснежник: Мои застольные стихи / Свежей **подснежников** и **хмеля**, / Знать, недалеко до апреля, / Когда цветут лесные мхи... / Мои **подснежные** стихи (10,418).

Сад: И в кельице до синей мглицы, / До хризопрасовой звезды, / **Цвели словесные сады**. / Пылали **Цветника страницы** (13,23).
Словно ива ручью, внемлю росным словам: / « Родишь сына – звезду, алый песенный **сад**, / Где не властны забвенье и дней листопад, / Где береза серьюго и лапою ель / Тиховейно колышут мечты колыбель» (6,208). Баобабы – пасынки **сада** / Неувядаемого искусства. / В их душе притаились пумы, / Каннибалов жадный поселок, / Где треплются скальпы–думы (8,85).

Слива: Воспрянули мои страницы / Ретивей дикого **коня**. / В них **ржанье, бешеные гривы**, / Дух жатвы и **цветущей сливы!** (10,451)

Трава: На праздник разлук привезли плачем – / **Сток** песенных **трав**, / словозвучий ладью. / В беседной избе усадить на скамью / Все сказки, заклатья и клады / Устинья Прокопьевна рада! 13,36. Люблю **песнотравный** гремучий пригорок, / Где тайна пасет двоеточий семью! 11,119

Тысячецвет: Как полевой **тысячецвет** / Звенит, подругу опыляя, / Так **лира** чарая, чужая, / Запела горлицей из рая (13,25).

Фиалка: Пусть нивы Царского Села / Благоухают, как пчела, / Родя **фиалки**, росный **мак**... (13,38).

Цветы, цветение: Однажды в год **цвели** слова / Волнистого, как травы, шина, / И маменька, пышней павлина, / По горенке пускалась в пляс (13,23). О, молот-ведун, чудотворец-верстак, / Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак, / В ваш яростный ум, в многострунный язык / Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник, / Дышу восковиной, медыню **цветов**, Сжигающих Индий и Волжских лугов! .. (10,347) Осеняет Словесное дерево / Избяную, дремучую Русь! / Певчим **цветом** алмазно заиндевел / Надо мной древословный навес, / И страна моя, Белая

Индия, / Преисполнена тайн и чудес! (11,88) Не предавай меня безвестью, / Дитя родное. – Меж **цветов** / Благоухает **лепестков** / Звенящий ворох. Это песни. / За них стань прахом и воскресни. 12,271.

Шиповник: На горной выси, в глуши оврага, / Цветет **шиповник** пурпурных слов (10,375).

Яблоня: Как **яблоневые** макушки, / Благоухает звукоцвет (10,329).

Слово – животный мир

Птицы

Алконост: Золотые деревья / Свесят гроздьями созвучья, / Алконостами слова / Порассядутся на сучья (5,910).

Ворон: Сгиньте **воронов** стаи – словесная гарь! (8,57)

Гагара: Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излучам стихов / Наловил бы певучих **гагар** и бобров (8,39).

Голубь: Оттого на песенной кровле / Воркование **голубей**, / Мы – Исавы, в словесной ловле / Обросли землей до грудей (8,64).

Горлица: Так лира чарая, чужая, / Запела **горлицей** из рая (13,25).

Эстрафилъ: Не тебе, самоварное пузо – Рассея, / Мечут жемчуг и лал заревые налимья. / Не тебе в хлеборобье по теплым овинам / Паскараги псалмгят, гомонят **Эстрафили**. / Куманике лиловой да мхам журавинным / Эти свитки бересты, где вещи были... 12,132-133.

Жаворонок: **Жаворонками** скороговорки / Утонули в далах пустых (11,113). И сына сладкопевца / Повыпустишь из сердца, / Как **жаворонка** в рожь! / Он будет нищ и светел – / Во мраке вёший петел – / Трубить в дозорный рог (13,19).

Журавль: И родное, громное слово / **Журавлями** стонет вдали (10,387). И ветвятся стихи-кораллы, / Неявленные острова, / Где грядущие Калевалы / Буревые пожнут слова. / Где совьют родимые гнезда / Фламинго и **журавли**... (10,378). Словесный брат, внимли, внимли / Стихам – берестяным оленям: / Олонецкие **журавли** / Христосуются с «Голубенем» (10,401).

Иволга: И вот судьбою пролетарским / Казним за нежность, / тайну, слово, / За морок горенки в глазах, – / Орланом – иволга в кустах (12,275).

Коршун: Лечу на крыльях самума – / **Коршуна**, чье яйцо Россия, / В персты арабского Юма, / В огни и флейты степные (8,86).

Ласточка: Роятся **ласточки**-слова (14,99).

Лебедь: Как первенец ясный столикая книга / Лежит на руках у родимой страны. / В той книге страницы – китовьи затоны, / На буквенных скалах **лебяжий** базар, И каркают точки – морские вороны, / Почуя стихов ледовитый пожар (9,14).

Орёл: Пред нами вечных библий / Развернуты листы. / В божественные строки, / Дрожа, вникаем мы, / Слагаем, одиноки, / **Орлиные псалмы**. О, кто поймет, услышит / Псалмов высокий лад? (10,172) И вселенский день придет, – / Брак Любви с **орлиным** словом; ... (5,90). Ой вы, други, гости званые, / Сапожки на вас сафьянные, / Становой кафтан – индийская парча, / Речь **орлиная** смела и горяча (10,339).

Паскарага: Но никто за тысячу зим и весен / Не внимал **напеву Паскараги**! / Растворила вещья Планида, / Слово складень, камень несокомый, / И запела **ангельская птица**, / О невзгоде Русь оповещая (6,255). Не тебе, самоварное пузо – Рассея, / Мечут жемчуг и лал заревые налимы. / Не тебе в хлеборобье по теплым овинам / **Паскараги** псалмят, гомонят **Естрафили**. / Куманике лиловой да мхам журавиным / Эти свитки бересты, где вещи были... 12,132-133

Павлин: Это слово кровями купить, / Чтоб оно обернулось **павлином** (11,101). **Павлины** – декреты, пестры и слепящи, / В курятнике будней выводят птенцов. (12,178). Уловил я чудо-флейту / По пятнадцатому лету / В грозовой озимый срок, – / Птицу вещую в силок, / Самоцветного **павлина** / В дымной пазухе овина! (11,53).

Петел: И сына сладкопегца / Повыпустишь из сердца, / Как жаворонка в рожь! / Он будет нищ и светел – / Во мраке вещей **петел** – / Трубить в дозорный рог (13,19).

Птица: **Птицей** – волной белопенной / Рею я в диких стихах (7,151). Уловил я чудо-флейту / По пятнадцатому лету / В грозовой озимый срок, – / **Птицу** вещую в силок, / Самоцветного **павлина** / В дымной пазухе овина! (11,53).

Рябчик: Там некогда и я сиял, Но отягченный скатным словом, / Как **рябчик** к травам солодовым, / На землю скудную ниспал! (13,42)

Сирин: Где рай финифтяный и **Сирин** / Поёт на ветке расписной, / Где Пушкин говором просвирен / Питает дух высокий свой ... (12,93). Поёт мне **Сирин** издалече: / «Люби, и звёзды над тобой / Заполыхают красным вечем, / Где сердце – колокол живой» (12,93).

Сокол: Песня-сокол (13,27)

Сорока: Свершилась смертельная кража, / Развенчана Мать-красота! / Слепящий венец и запястье / В обмен на **сорочий язык**... / Народное горькое счастье / Прозябло кустом павилик (8,52).

Утка: По Заонежью бродят сказки, / Что я женат на Красоте. / Что у меня в суставе – **утка**, / А в утке – песня-яйцо... (12,168).

Филин: Ведь сказка с **филином** не дружит, / Араиной дозоры выюжит (13,42).

Фламинго: И ветвятся стихи-кораллы, / Неявленные острова, / Где грядущие Калевалы / Буревые пожнут слова. / Где совьют родимые гнезда / **Фламинго** и журавли... (10,378).

Яйцо: Песноспословного перелеска / Не ищите в славянской камке <...> Лечу на крыльях самума – / Коршуна, чье **яйцо** Россия, / В персты арабского Юма, / В огни и флейты степные (8,86). По Заонежью бродят сказки, / Что я женат на Красоте. / Что у меня в суставе – утка, / А в утке – **песня-яйцо**... (12,168)

Животные

Бобр: В той книге строка – беломорские села / С бревенчатой сказкою изб и дворов, / Где темь-медвеженок, и бабы с подола / Стряхают словесных куниц и **бобров** (9,14). Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излукам стихов / Наловил бы певучих гагар и **бобров** (8,39).

Златорог: Духостиhi – **златорогов стада**, / Их по удоям не счесть никогда, / Только следы да сиянье рогов / Ловят тенета захватистых слов (10,461). Я – из ста миллионов первый / Гуртовщик **златорогов** слов, / Похоронят меня не стервы, / А лопаты глухих веков! (11,126)

Караван: Мельхиседек и Креститель Иван / Песеннорогий блюдет **караван** (10,462).

Кит: Как первенец ясный столикая книга / Лежит на руках у родимой страны. / В той книге страницы – **китовьи** затоны, / На буквенных скалах лебяжий базар, И каркают точки – морские вороны, / Почуя стихов ледовитый пожар (9,14). Ткач пренебесный, что сердце потряс, / Полднем солов, ввечеру синеглаз, / Выткал затон, где напевы-**киты** / Дремлют в пучине до бурь красоты... (10,466). Чу! За божницу рыкают львы, В старой бадье разыгрались **киты**: / Ждите обвала – утесной молвы, / Каменных песен из бездн красоты (8,23). Стих – черпак на родной соловецкой барже, / Где премудрость глубин, торжество парусов. / Я в историю въеду на звонном морже / С пододонною свитой словесных **китов** (12,217). Чтоб ослепительные кони / Луга беззимние нашли, – / Там, как стихи, павлиноцветы, / Гремучий лютик, звездный зев... / Мы – **китобойцы** и поэты – / Взбурлили парусом напев (10,426). Только с паруса Ленина лик / С укоризной на Смольный глядит, / Где брошюрное море на миг / Потревожил поэзии **кит** (11,101);

Коза: И с нумидийским тигром **козы** / Резвятся в яростных стихах! (10,383)

Конь: **Конь**-шестоглав сторожит васильки, – / Струнная грива и песня зрачки (10,462). Тучнейте, отары голодных умов, / Прозрений телицы и **кони** стихов! (10,347) Училице красоты простой / И слова

воздушного — / Как табун белых **коней** в тумане (10,301). Воспрянули мои страницы / Ретивей дикого **коня**. / В них **ржанье**, бешеные **гривы**, / Дух жатвы и цветущей сливы! (10,451)

Куница: В той книге строка — беломорские села / С бревенчатой сказкою изб и дворов, / Где темь-медвеженек, и бабы с подола / Стряхают словесных **куниц** и бобров (9,14).

Лев: Чу! За божницею рыкают **львы**, В старой бадье разыгрались киты: / Ждите обвала — утесной молвы, / Каменных песен из бездн красоты (8,23). Познав веселье парохота / Баюкать песни и тюки, / Мы жаждем **львиного** приплота / От поэтической строки. / Напевный **лев** (он в черной хмаре) / Взревет с пылающих страниц (10,425). В стихотворном водопадном гуле / Зреет миру **львиная** обнова! (12,231) Песнословного перелеска / Не ищите в славянской камке: — / Питомец деда — Онега / Отведал **Львиного хлеба**, — / Прощайте изба, телега — / Моя родная потреба! (8,86).

Медведь: Когда сложу свою вязанку / Сосновых слов, **медвежьих** дум? (10,329)

Морж: Стих — черпак на родной соловецкой барже, / Где премудрость глубин, торжество парусов. / Я в историю въеду на звонном **морже** / С пододонною свитой словесных китов (12,217). Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной **реки**! / Проглазеют **моржа** златого / В половодном разливе строк, / Где ловец — **мужицкое слово** / За добычей стремит челнок! (11,125) Как раненый **морж**, многоротая книга / Возвала смертельно: приди! О, приди! 11,119

Олень: **Олений** гусак сладкозвучнее Глинки, / Стерляжьби молоки Верлена нежней, / А бабкина пряжа, печные тропинки / Лучистее славы и неба святых (10,331). Словесный брат, внимли, внимли / Стихам — берестяным **оленьям**: / Олонецкие журавли / Христосуются с «Голубенем» (10,401).

Пегас: **Пегасу** русскому в каменоломне / Нетопыри влетались в гриву / И пили кровь, как суховеи **ниву** (12,265).

Песец: Осыпайся, Октябрь, и в тресковые кадки / Брызны кровью стиха — голубого **песца** (7,245).

Скакун: ...Чтобы гumno, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из васильков, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногравым **скакуном** (12,265).

Сохатый: В этот миг я **сохатую** матку доил, — / Вижу кровь в молоке, и подойник мой пенен, — / Так рождается Слово — биение жил. / Так рождается Слово. (7,245).

Табун: Родится чадо — **табун** жеребят, / Музыка в холках, и в ржании лад (10,462). Училище красоты простой / И слова воздушного — / Как табун белых коней в тумане (10,301).

Телица: Тучнейте, отары голодных умов, / Прозрений телицы и кони стихов! (10,347)

Тигр: И с нумидийским тигром козы / Резвятся в яростных стихах! (10,383)

Холмогорка: О, если б кавычки – стада холмогорок / Сходились к перу – грозовому ручью! 11,119.

Слово – метеорологические явления

Буря: Уплывает в родимый туман / Мой корабль – буревые стихи (11,101).

Ветер: Я верю вам, братья Есенин, Чапыгин, – / Трущобным рассказам и ветру-стиху (5,109).

Самум: Песнословного перелеска / Не ищите в славянской камке <...> Лечу на крыльях самума – / Коршуна, чье яйцо Россия, / В персты арабского Юма, / В огни и флейты степные (8,86).

Гром: О, Боже сладостный, ужель я в малый миг / Родимой речи таинство постиг, / Прозрел, что в языке поруганном моем / Живет Синайский глас и вышний трубный гром (10,304).

Лавина: А ночи – вставки, в их гранях глуби / Стихов буренных, лавинных строк... (10,376).

Лава: Перо, омокнутое в лаву, / Я погружу его в дубраву, / Чтоб листопадом в лог кукуший / Стучались в стих убитых души... 11,230;

Шквал: Часы ураганны, мгновенья гремещи, / И мысленный шквал не найдет берегов (12,200).

Слово – лён, конопля, прядение, ткачество

Конопля: Но с Рязанских полей коловратовых / Вдруг забрезжил конопляный свет (11,88).

Куделя: За певучей куделью незримая пряжа / Мерит нитью затон, где Бессмертья ладь. (8,57)

Прядение: На дне всех миров, океанов и гор / Цветет, как душа, адамантовый бор, – / Дорога к нему с Соловков на Тибет, / Чрез сердце избы, где кончается свет, / Где бабкина пряжа – пришьельцу вежа: / Нырни в веретенце, и нитка-леха / Тебя поведет в Золотую Орду, / Где Ангелы варят из радуг еду, – / То вещей раздумий и слов пастухи, / Они за таганом слагают стихи, / И путнику в уши, как в овчий загон, / Сгоняют отары – волхвующий звон (10,312). Слова же сук, паук и внук / Напоминают дятла стук. / Чуждаясь осминогих слов, / Я смерть костлявой звать готов / И прялке прочу в женихи / Ефрема Сирина стихи! (13,18) Как бы в стихи, золотые, как солнце, / Впрясть волхвованье и

песенку ту? (10,274) Кольцо Светланы точит время, / Но есть ребячий городок / Из пуха, **пряжи** и созвучий (12,275).

Пряха: За певучей куделью незримая **пряха** / Мерит нитью затон, где Бессмертья ладья (8,57).

Сермяга: И моя **сермяжная** песня / Зазвучит чеченской зурной (10,399). И будет два солнца на небе – Две раны в гремячих веках: Пурпурное – в Ленинской требе, **Сермяжное** – в хвойных стихах (12,194). «Гам, гам, гам», – скулят газеты, книги, / Магазины Вольфа и Попова... / Нужны ль вам мои стихи-ковриги, / Фолиант **сермяжный** и основый? (10, 325-326)

Ткачество: Узнай меня, **ткач** дум и слова (14,95). Двудликие девушки **ткнут** песнопенья / – Усова – любовь, поцелуи – уток... (11,123).

Слово – знак, хлеб

Антидор: Миллионам ярых ртов, / Огневых взалкавших глоток, / **Антидор** моих стихов, / Строки ярче косоплеток (5,90). Миллионы звездных ртов / Взалчут песни-**антидора**... (5,91).

Брашно: А в ветвях её Сирий гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как взвесить нежных звуков опару, / Дрожжи звуков Всевышних не сквасить, / Чтобы выпечь животные хлебы. / Пищу жизни, вселенское **брашно**... / Побывал я под чудною елью / И отведал животного хлеба... (10,303).

Греча: Отдайте поэту родные овины, / Где зреет напев – просяной каравай! Где **гречневый** дед – золотая улыба / Словесное жито сыплет в сусек!.. (11,123).

Гумно: ...Чтобы **гумно**, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из васильков, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногрым скакуном (12,265).

Дрожжи: Ель покоя жильё осеняет, / А в ветвях её Сирий гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как взвесить нежных звуков опару, / **Дрожжи** звуков Всевышних не сквасить (10,303).

Зерно: Как **зерно** залягу в борозды / Новобрачной, жадной земли! (10,378)

Мякиш: Раздышалась **мякишем** книга, / Буква «Ша» – закваска в пере / И Казбеком блещет коврига / Каравану пестрых тире (11,124).

Жернов: На **жернове** суровых дней / Измельется ячмень багровый, / Ковригой испечется слово / Душистое, с мучным нагарцем (11,155).

Жито: Отдайте поэту родные овины, / Где зреет напев – просяной каравай! Где **гречневый** дед – золотая улыба / Словесное **жито** сыплет в сусек!.. (11,123). ... Душа всещедро-тверда, / Как **ток**, цепями убитый, / Где смуглый Ангел труда / Молотит созвучий **жито** (11,132). Кони Ильи, Одигитрии плат, / Крылья Софии, Попранье врат, / Дух и Невес-

та, Царица предста / В колосе **житном** отверзли уста! (10,459) Вот они, отчие борозды, – / Посеешь усатое **жито**, / А вырастет песен сыта! (12,304).

Каравай: Отдайте поэту родные овины, / Где зреет напев – просяной **каравай**! Где гречневый дед – золотая улыба / Словесное жито сыпает в сусек!.. (11,123)

Квасить: Буква «Ша» – **закваска** в пере (11,124). Ель покоя жильё осеняет, / А в ветвях её Сириин гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как взвесить нежных звуков опару, / Дрожжи звуков Всевышних не **сквасить** (10,303).

Коврига: Раздышалась мякишем книга, / Буква «Ша» – **закваска** в пере / И Казбеком блещет **коврига** / Каравану пестрых тире (11,124). На жернове суровых дней / Измелется ячмень багровый, / **Ковригой** испечется слово / Душистое, с мучным нагарцем (11,155). «Гам, гам, гам», – скулят газеты, книги, / Магазины Вольфа и Попова... / Нужны ль вам мои стихи-**ковриги**, / Фолиант сермяжный и сосновый? (10, 325-326)

Колос: Кони Ильи, Одигитрии плат, / Крылья Софии, Попрание врат, / Дух и Невеста, Царица предста / В **колосе** житном отверзли уста! (10,459)

Месить: Ель покоя жильё осеняет, / А в ветвях её Сириин гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как **взвесить** нежных звуков опару ... (10,303).

Молотьба:... Солома всему укрепа, / Хлеб – вселенская голова, / **Вымолотят** слова / Труда золотые цепи...(11,131). ...Душа всещедротверда, / Как **ток**, цепями убитый, / Где смуглый Ангел труда / **Молотит** созвучий жито. (11,132) ...Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из васильков, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногровым скакуном / И с **молотьбой** стиха свежее борозды / И непомернее смарагдовой звезды, / Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское, / Рождая струнный плеск и вещей сказок рой! (12,265)

Мука: И слёзные ливни, как сеть, / Я в памяти глубь погружаю, / Но вновь неудачлив улов, / Как хлеб, что пеку я без Мамы, – / **Мучнист** стихотворный испод (15,303). На жернове суровых дней / Измелется ячмень багровый, / Ковригой испечется слово / Душистое, с **мучным** нагарцем (11,155).

Опара: Ель покоя жильё осеняет, / А в ветвях её Сириин гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как **взвесить** нежных звуков **опару** ... (10,303).

Пеклеванный: Но мерцает в моих страницах / **Пеклеванных** созвездий свет (12,212).

Пища: А в ветвях её Сирий гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как взвесить нежных звуков опару, / Дрожжи звуков Всевышних не сквасить, / Чтобы выпечь животные хлебы. / **Пищу** жизни, вселенское брашно... / Побывал я под чудною елью / И отведал животного хлеба... (10,303).

Просо: Отдайте поэту родные овины, / Где зреет напев – **просяной** каравай! Где гречневый дед – золотая улыба / Словесное жито спсает в сусек!.. (11,123).

Раствор: И соль на губах от **созвучий**, / Знать, в замысла ярый **раствор** / Скатила слеза дождевая (15,303).

Сыта: Вот они, отчие борозды, – / Посеешь усатое жито, / А вырастет песен **сыта**! 12,304.

Ток: ...Душа всещедро-тверда, / Как **ток**, цепами убитый, / Где смуглый Ангел труда / Молотит созвучий жито (11,132).

Хлеб: Солома всему укрепа, / **Хлеб** – вселенская голова, / Вымолотят слова / Труда золотые цепи...(11,131). А в ветвях её Сирий гнездится: / Учит тайнам глубинным хозяйку, / Как взвесить нежных звуков опару, / Дрожжи звуков Всевышних не сквасить, / Чтобы выпечь животные **хлебы**. / **Пищу** жизни, вселенское брашно... / Побывал я под чудною елью / И отведал животного **хлеба**... (10,303). Но в победы час мировой, / Когда мои **хлебы** пекутся, / И печка мурлычет, пьяна / Хозяйской, бобыльною лаской, / В печурке созвездья встают (15,303). И слезные ливни, как сеть, / Я в памяти глубь погружаю, / Но вновь неудачлив улов, / Как **хлеб**, что пеку я без Мама, – / Мучнист стихотворный испод (15,303).

Цеп: Солома всему укрепа, / Хлеб – вселенская голова, / Вымолотят слова / Труда золотые **цепы**...(11,131).... Душа всещедро-тверда, / Как ток, **цепами** убитый, / Где смуглый Ангел труда / Молотит созвучий жито (11,132).

Ячмень: На жернове суровых дней / Измелется **ячмень** багровый, / Ковригой испечется слово / Душистое, с мучным нагарцем (11,155).

Слово – молоко

Чтоб была как подойник щедре / Душа **молоком** словесным (9,22). И точат иконы рублевскую вапу. / Молитв **молоко** и влюбленности сыр (9,10). В лесах диких грив, звездных рун и **вымян** / Крылатые боги раскинут свой стан, / По струнным лугам потечет **молоко**, / И певчей калиткою стукнет Садко (10,347). **Духостиhi** отдают **молоко** / Мальцам безудным, что пляшут легко (10,461). Не магнит, а стряпка Лукерья / Указует дорогу в рай. / Там сосцы тишины и крынки / С песенным **молоком**... (11,124). В этот миг я сохатую матку **доил**, – / Вижу кровь в **молоке**, и **подойник** мой пенен, – / Так рождается Слово – биение жил.

/ Так рождается Слово (7,245). И сорок титанов-отцов, / Как глыбу, тесали меня. / Придите из певчих **сосцов** / Отпить грозового огня! (12,218)

Слово – мёд, сладость

Восковина: В ваш яростный ум, в многострунный язык / Я **пчелкою-рифмой**, как в улей, проник, / Дышу **восковиной**, медынью цветов, / Сжигающих Индий и Волжских лугов! .. (10,347)

Мёд: Откуль-неоткуль добрый конь бежит, / На коне-седле удалец сидит, / На нем жар-булат, шапка-золото, / С уст текут **меды** – речи братские (6,220). Россия! Лучше б в курной саже, / С тресковым пузырем в прорубе, / Но в хвойной непроглядной шубе, / Бортняжный **мед** в кудесной речи / И блинный хоровод у печи (11,228); Заклятым стихам отдадут словно сотам / Мед глаз ярославец, вогул и киргиз (9,15). Стихов кошелоны полны липовым **медом**, Подковами радуг, лесными ау...(9,12). Над зыбкой, при свече, старуха запоем, Дитя, как злак росу, вливает певчий **мед** (11,298). Лебедь я, и шит не лыком, / Не корчажным впоен суслом, – / **Медом**, золотом загуслым / Из ладони смуглоглыбкой! (11,149) Был светел царский сад, / Струился вдоль оград / Смолистый воздух с **медом** почек, / Плутовки осы нектар строчек / Носили с пушкинской скамьи / В свое дупло (13,38).

Нектар: Был светел царский сад, / Струился вдоль оград / Смолистый воздух с медом почек, / Плутовки осы **нектар** строчек / Носили с пушкинской скамьи / В свое дупло (13,38).

Пасека: И фатой сестрица-сонь, / Утирая **сладкий** ротик, / Легкозвонной пчелкой в соте / Поселилась в мой язык. / За годами гуд и зык / Стали **пасекой** певучей (11,149). Любя, порадуйся со мной / Пчела со взяткой золотой. / Ты **сладкой пасеке** верна, / Я ж – песне голубее льна (10,443).

Пряник: Аль взаправду успокоился Садко, / Князь татарский с полонянкой далеко, / Призакрыв их след, как саваном, ковыль, / Источили самогуды ржа да пыль, / И не выйдет к нам царевна в жемчугах, / С речью **пряничной** на маковых губах? (10,340) Перед ними не вымолить корки / За сусальный **пряничный** стих... .. (11,113).

Пчела: И фатой сестрица-сонь, / Утирая **сладкий** ротик, / Легкозвонной **пчелкой** в соте / Поселилась в мой язык. / За годами гуд и зык / Стали **пасекой** певучей (11,149). Любя, порадуйся со мной / **Пчела** со взяткой золотой. / Ты **сладкой пасеке** верна, / Я ж – песне голубее льна (10,443). Пусть нивы Царского Села / Благоухают, как **пчела**, / Родя фиалки, росный мак... (13,38). В ваш яростный ум, в многострунный язык / Я **пчелкою-рифмой**, как в улей, проник (10,347).

Сласти: **Сластолюбивый** мой язык, / Покинув рта глухие пади, / Веприцей ринулся к ограде, / Но у столпов, рыча, поник (12,328) .

Сладость: Набат сердечный чует Пушкин – / Предвечных **сладостей** поэт... (10,329). Запою стихиру длинную, / **Сладословную**, умильную (6,246).

Слово – вино

Я смехом солнечным младенца / Пустыню жизни оживлю / И жажду душ из чаши сердца / **Вином** певучим утолю. / Так на рассвете вдохновеня / В слепом безумье грезил я <...> 10,110. Но есть волшебное **вино** / Продлить чарующее вечно. / Его испив, немеркнув я, / В полете времени безлетен, / Как моря вал – из бытия / Умчусь певуч и многоцветен.10,129. Перед Ним единым, / Как молокой сом, / Пьян **вином** овиным, / Исхожу стихом; / И в ответ на звуки / Гомонят улов / Осетры и щуки / Пододонных слов (10,465).

Слово – материальные ценности

Драгоценные камни и бисер

Аксамит: Кости мои от Маргарита, / Кровь – от костра Аввакума. / Узорнее **аксамита** / Моя золотая дума (12,242). **Аксамиты** напевов коротко иль долго / Будет мерить оравами бумажная сажень (11,132).

Алмаз: Помню щаный волжский дымок / Вкусней ржаного овина, / За таганом бурлацкий сказ, / Пляску барж, паруса-подолы, / С языка словесный **алмаз** / Прядал в русские темные долы (12,220). На дне всех миров, океанов и гор Хоронится сказка – **алмазный** узор (10,309). Певчим цветом **алмазно** заиндевел / Надо мной древословный навес, / И страна моя, Белая Индия, / Преисполнена тайн и чудес! (11,164)

Бисер: Ты прими поклон мой вечный, родимая, / Свечу мою, **бисер** слов любви неподкупной (10,302) Светлый Павел, утирая слезы, / Обронил из уст словесный **бисер** (12,319).

Жемчуг: Стихов **жемчужные** верей! (11,158) Вместят ли сказанье глухие стихи? Успение леса поведает тот, / Кто слово, как **жемчуг**, со дна достает (13,6). Купите, о други, поддонный товар, **Жемчужину**-солнце, песчинку-пожар! Мой стих – зазыватель в Христовы ряды охрип под туманами зла и беды (7,158). Ау! Я далеко, далеко... / Но в срок как жених вернуся, / Стихи – **жемчуга** востока / Сложить пред образом Руси (9,23). Я пил из лютни **жемчужовой** / Пригоршней, сапожком бухарским, / И вот судьбою пролетарским / Казним за нежность, тайну, слово (12,275).

Коралл: И ветвятся стихи-кораллы, / Неявленные острова, / Где грядущие Калевалы / **Буревые пожнут слова** (10,378). **Кораллы** на ладожской юфти – / К словесному знать половодью... (8,97).

Опал: Я не серый и не сирий, / Не Маланьин и не Дарьин, – / Особливый тонкий барин, / В чьем цилиндре, строгом банте / Капюшоном веет Данте, / А в глазах, где синь метели, / Серебрится Марк Аврелий, / В перстне перл – Александрия, / В **слове же опал – Россия!** (11,150)

Перл: Мысленные мрежи, / Слуха вертоград, / Глуби Заонежий / **Перлами** дарят (10,465).

Самоцветы: И ныряют слова в **самоцветную** хлябь, / Ронят радужный пух запятых и тире... (8,57). А в хлевушке, где дух вымян, / За удоем кривая Лукерья / В явь прозрела Индийских стран / **Самоцветы**, парчу и перья (7,200).

Скатный: Там некогда и я сиял, Но отягченный **скатным** словом, / Как рябчик к травам солодовым, / На землю скудную ниспал! (13,42)

Смарагд: ...Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов, / С Есениным в венке из васильков, / Бодягой поросло, унылым плауном, / В разлуке с песногрым скакуном / И с молотью стиха свежее борозды / И непомернее **смарагдовой** звезды, / Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское, / Рождая струнный плеск и вещей сказок рои! (12,265)

Драгоценный или красивый металл

Бронза: Как словесная **бронза ковка** / Шепелявой прозе на страх! (11,124)

Золото: Как бы в стихи, **золотые**, как солнце, / Впрямь волхвованье и песенку ту? (10,274) Кости мои от Маргарита, / Кровь – от костра Аввакума. / Узорнее аксамита / Моя **золотая** дума (12,242). Проглазуют моржа **златого** / В половодном разливе строк, / Где ловец – мужицкое слово / За добычей стремится челнок! (11,125) Тебе дается завещанье, / Чтоб мира Божьего сиянье / Ты черпал горсткой **золотой**, / Любил рублевские заветы (13,29). О, если б в страницах **златились** долины / И строфы плясали на звонкой земле! (11,119)

Медь: Стихотворная трубная **медь** / Оглашает журнальную мглу (11,100).

Серебро: Пиринеи словесной пакли / Падут под тараном – стихом. / На развалинах строк, созвучий / Каркнет ворон – мое перо, / И прольется из трубной тучи Живоносных рифм **серебро** (8,33). Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем **серебрилась** строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излукам стихов / Наловил бы певучих гагар и бобров (8,39).

Дорогая красивая ткань

Атлас: Родной поэзии атласы / Не износил Руси дудец, – / Взгляните, полон коробец, Вот **объярь, штоф и канифасы!** / Любуйтесь и поплачьте всласть! (13,22)

Камка: Песнослословного перелеска / Не ищите в славянской **камке:** – / Питомец деда – Онега / Отведал Львиного хлеба, – / Прощайте изба, телега – / Моя родная потреба! (8,86).

Канифас: Родной поэзии атласы / Не износил Руси дудец, – / Взгляните, полон коробец, Вот **объярь, штоф и канифасы!** / Любуйтесь и поплачьте всласть! (13,22)

Объярь: Родной поэзии атласы / Не износил Руси дудец, – / Взгляните, полон коробец, Вот **объярь, штоф и канифасы!** / Любуйтесь и поплачьте всласть! (13,22)

Парча: А в хлевушке, где дух вымян, / За удоем кривая Лукерья / В явь прозрела Индийских стран / Самоцветы, **парчу** и перья (7,200).

Штоф: Родной поэзии атласы / Не износил Руси дудец, – / Взгляните, полон коробец, Вот **объярь, штоф и канифасы!** / Любуйтесь и поплачьте всласть! (13,22)

Клад

И зажглись словесные **клады** / По запечным дебрям и мхам... / Стихотворные водопады / Претят бумажным жукам (11,126). **Клад** ты мой цареградский – / Песня – лапоть бурлацкий (13,28).

Слово – мир человека

Человек

Дитя: Они смеются над моей поддёвкой / Над рубахой соловецкой тресковой, / Им неведомо распутинской сноровкой / Как **дитя** взлелеянное **слово** (12,230).

Жрец: Бредете вы по золотому саду, / Не смея плод оброненный поднять. / В нем ключ от врат в Украшенный чертог, / Где слово – **жрец**, а стих – **раджа алмазный** (10,361).

Раджа: Бредете вы по золотому саду, / Не смея плод оброненный поднять. / В нем ключ от врат в Украшенный чертог, / Где слово – **жрец**, а стих – **раджа алмазный** (10,361).

Юноша: Песня – **юноша** в битве израненный – Алчет **солнца** и мира отрадного (12,206).

Кровь

И видят: поэт медведя / Питает **кровью словесной**... (11,127).

В этот миг я сохатую матку доил, – / Вижу кровь в молоке, и подой-
ник мой пенен, – / Так рождается Слово – биение жил. / Так рождается
Слово. И пуля в лопатке – / Двоеточье в строке, вестовые Конца... /
Осыпайся, Октябрь, и в тресковые кадки / Брызги **кровью** стиха – го-
лубого песка (7,245). Это слово **кровями** купить, / Чтоб оно оберну-
лось павлином (11,101)

Жильё

Дым: Тянет от пущ соловецких / Таборным **дымом** стихов (8,43).

Изба: Изба – питательница слов / Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов / Ты станешь Радуницей красной (11,89).
Оселяет Словесное дерево / Избяную, дремучую Русь! (11,88) А у ме-
ня **изба** новая – **Полати** с подзором, божница неугасимая, / Намел из
подлавочья ярого слова я / Тебе, мой соенок, птаха моя любимая!
тропинками! (11,175) Соловецкий бахарь в Ливерпуле / Славит **избу** –
наковальню слова... (12,231).

Печь: И кто в громах рожден, как тучи, / Тем не уловится текучий, /
Как сон, **запечный** ручеек! (12,275)

Терем: Нет премудрее народа, / У которого межбровье – / Голубых
лосей зимовье, / Бор незнаемый кедровый, / Где надменным нет про-
хода / В наговорный **терем** слова! (13,5)

Шалаш: Взыли грешные тени: / Он бумажный, он наш.... / Но про-
зрел я ступени В Божий певчий **шалаш** (10,319).

Слово – искусство

Музыка, музыкальные инструменты

Колокол: Где учился я по кожаной триоди / Дум прибою, слов **ко-**
локолам, / Величавой северной природе / Трепетно моляся по но-
чам... (12,311).

Лютня: Я пил из **лютни** жемчужовой / Пригоршней, сапожком бу-
харским, / И вот судьбою пролетарским / Казним за нежность, тайну,
слово (12,275).

Музыка: Миг выткал пелену, видение темня, / Но некая свирель томит с тех пор меня; / Я видел звука лик и **музыку** постиг, / Даря уста цветку, без ваших ржавых книг! (11,298-299)

Свирель: Миг выткал пелену, видение темня, / Но некая **свирель** томит с тех пор меня; / Я видел звука лик и музыку постиг, / Даря уста цветку, без ваших ржавых книг! (11,298-299)

Флейта: Песнословского **перелеска** / Не ищите в славянской камке <...> Лечу на крыльях самума – / Коршуна, чье яйцо Россия, / В персты арабского Юма, / В огни и **флейты** степные (8,86). Уловил я чудо-**флейту** / По пятнадцатому лету / В грозовой озимый срок, – / Птицу вещь в силов, / Самоцветного павлина / В дымной пазухе овина! (11,53).

Пляска: Как с Россией, простясь с бумагой, / Киммерийским журчу стихом. / И взирает Спас с укоризной / Из угла на словесный **пляс**... (11,122). О, если б в страницах златились долины / И строфы **плясали** на звонкой земле! (11,119)

Слово – религия, священные предметы, книги

Священные книги

Библия: Пред нами вечных **библей** / Развернуты листы. / В божественные строки, / Дрожа, вникаем мы, / Слагаем, одиноки, / Орлиные **псалмы**. / О, кто поймет, услышит / **Псалмов** высокий лад? (10, 173)

Талмуд: Увы, для паюсных умишек / Невнятен Огненный **Талмуд**, / Что миллионы чарых Гришек / За мной в поэзию идут (12,331).

Ладан

О, молот-ведун, чудотворец-верстак, / Вам **ладан** стиха, в сердце сорванный мак, / В ваш яростный ум, в многострунный язык / Я пчело-рифмой, как в улей, проник (10,347).

Слово – мистические явления, тайна

Сон, морок

Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть, / В затоне тишины созвучия ставит сеть (11,298). И кто в громах рожден, как тучи, / Тем не уловится текущий, / Как **сон**, запечный ручеек! (12,275) Ужель обманула зима, И **сны**, что про солнце шептали (6,158). И вот судьбою про-

летарским / Казним за нежность, / тайну, / слово, / За **морок** горенки в
глазах, – / Орланом – иволга в кустах (12,275).

Предсказания

Гороскоп: Пиджачный читатель скупает товар, / Амбары рассудка
бездонны, / И звездную тайну страницей зовет, / Стихами жрецов **го-
роскопы** (10,404).

Прозрение

А в хлевушке, где дух вымян, / За удоем кривая Лукерья / В явь
прозрела Индийских стран / Самоцветы, парчу и перья (7,200).

Тайна

Люблю песнотравный гремучий пригорок, / Где **тайна** пасет двое-
точный семью! 11,119 И вот судьбою пролетарским / Казним за нежность,
/ **тайну**, / слово, / За морок горенки в глазах, – / Орланом – иволга в
кустах (12,275). Пиджачный читатель скупает товар, / Амбары рассудка
бездонны, / И звездную **тайну** страницей зовет, / Стихами жрецов го-
роскопы (10,404). В глухих олонецких лесах / Сложилось **тайн** и песен
много / От Сахалинского острога / До звезд в глубоких небесах
(12,333).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

I.

Без посохов, без злата 1
Мы двинулись в путь; 2
Пустыня мглой объята, — 3
Нам негде отдохнуть. 4

Здесь воины погибли: 5
Лежат булат, щиты... 6
Пред нами вечных библий 7
Развернуты листы. 8

В божественные строки, 9
Дрожа, вникаем мы, 10
Слагаем, одиноки, 11
Орлиные псалмы. 12

О, кто поймет, услышит 13
Псалмов высокий лад? 14
А где-то росно дышит 15
Черемуховый сад. 16

За створчатую рамой 17
Малиновый платок, — 18
Туда ведет нас прямо 19
Тысячелетний рок. 20

Пахнуло смольным медом 21
С березовых лядин... 22
Из нас с Садко-народом 23
Не сгинет ни один. 24

У Садко — самогуды, 25
Стозвонная молва; 26
У нас — стихи-причуды, 27
Заморские слова. 28

У Садко — цвет-призорник, 29
Жар-птица, синь-туман; 30
У нас — плакун-терновник 31
И кровь гвоздиных ран. 32

Пустыня на утрате,	33
Пора исчислить путь,	34
У Садко в красной хате	35
От странствий отдохнуть.	36
	(1912)

(10, 173)

1. Тема стихотворения – духовные и культурные истоки русской народной поэзии.

2. Эта тема воплощается в лирическом сюжете стихотворения, который состоит из двух поэтических мотивов: библейского и фольклорного.

3. Каждый мотив имеет свои культурные символы в тексте.

Библейский мотив Божественного избранничества основан на аллюзии: используются сюжет и фразеология из Библии (см. строки ст-ния 1-14, 31-32). Клюев уподобляет поэтов апостолам, которых Иисус Христос послал в мир с проповедью. Имеются в виду строки из Евангелия от Луки: : «И послал их проповедовать Царствие Небесное и исцелять больных. И сказал им: ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды» (Лк. 9 2-3). Ср.: *Без посохов, без злата / Мы двинулися в путь* (1- 2 строки). Строки 3- 4 *Пустыня мглой объята, / Нам негде отдохнуть* – по смыслу соотносятся также со словами Иисуса Христа о Себе и о тех, кто возьмёт крест свой и последует за ним: «*Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову* (Лк. 9 58-59). Так же, как и апостолы, поэты – мужественные борцы за истину (стр 5-6: *Здесь воины погибли: / Лежат булат, щиты...*), готовые на самопожертвование, подобно Христу (*У нас – плакун-терновник / И кровь гвоздиных ран*, стр. 31-32). В последней цитате намёк на терновый венец и раны распятого на кресте Христа. Таким образом, Клюев подводит к мысли о том, что народные русские поэты – это гонимые за правду странники, нищие и бесприютные (стр. 1-6, 32), но это, в то же время, и Божии избранники, наделённые мужеством и высоким даром пророческого слова поэзии (стр. 7-14).

Слово *псалом* в стихотворении употребляется образно сразу в нескольких значениях: 1) священная песня, входящая в состав Псалтыри в Ветхом Завете Библии (псалмы царя Давида), которую поют или читаю верующие и священнослужители; 2) духовный народный стих, распространённый среди странников и искателей Божьей правды, 3) литературное поэтическое произведение духовного содержания – подражание библейскому псалму.

Фольклорный мотив всепобеждающей силы народного искусства основан на неоднократном упоминании имени сказочного и былинного

героя Садко, новгородского купца, прославившегося своей игрой на гуслях и пением и победившего Морского царя (стр. 23-26, 29-30, 33-39). Этот мотив воплощён также в фольклорной лексике и фразеологии: *самогуды* (гусли-самогуды), *цвет-призорник* (*призорник* от *призор* 'волшебство'), *жар-птица*, *синь-туман*, *плакун-терновник* (стр. 25, 29-31), *красная хата* ('красивая'). Образ-мифологема Садко дан обобщённо (*Садко-народ*) на фоне образа Родины – её характерных видов: *А где-то росно дышит / Черемуховый сад. За створчатую рамой / Малиновый платок* (стр. 15-18); *Пахнуло смольным медом / С березовых лядин...* (стр. 21-22). Здесь используются устойчивые поэтические символы России – *малиновый* (т.е. красивый) *платок*, *черёмуха*, *берёза*.

3. Образно-смысловая композиция стихотворения формируется на основе указанных выше образов: поэтов – Божиих избранников, одиноких странников в мире, – и полного жизни и силы талантливое народа. Композиция стихотворения имеет динамический характер, поскольку эти основные образы-мотивы взаимосвязаны: между ними возникает смысловое и эмоциональное напряжение, благодаря отношениям сопоставления и аппликации (наложения). Сопоставление наблюдается в строках в 13-16, 25-28, 29-32, наложение – в строках 23-24, 33-36. Особенно важную композиционную функцию имеет вопрос: *О, кто поймет, услышит / Псалмов высокий лад?* (стр.13-14) В нём заключена кульминация эмоционального напряжения первой части стихотворения, посвящённого поэтам-странникам. В контексте этой первой части данный вопрос воспринимается как риторический вопрос, содержащий отрицательный ответ: никто не поймёт, никто не услышит псалмопевцев. Однако при дальнейшем чтении стихотворения смысл этого вопроса изменяется, он уже не воспринимается как риторический, его композиционная функция иная – заострить внимание читателя в ожидании ответа, поскольку во второй части текста на него даётся противоположный ответ: народ-Садко услышит и поймёт псалмопевцев – *«Из нас с Садко-народом / Не сгинет ни один»* (23-24). Эта же мысль выражена и в концовке стихотворения (стр. 33-36).

4. Стихотворение написано в 1912 году молодым Клюевым. Его идейно-художественное содержание соответствует основному направлению эстетических установок поэзии Клюева того периода: воспеть глубину и красоту творчества народных поэтов и народной духовной поэзии. Современник Клюева Н.С. Гумилёв так определил эту особенность его творчества: «славянское ощущение равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге». В рассмотренном стихотворении это единство славянского (национального) и византийского (христианского, библейского) воплотилось в лексическую систему, в лирический сюжет и в образную композицию.

5. Идеино-художественные особенности стихотворения, несмотря на оригинальность стиля Ключева, соответствуют характерной черте поэтики Серебряного века – представлять поэтическое творчество как теургию, то есть как служение Божественному, как таинство.

2.

КОРАБЕЛЬЩИКИ

Мы корабельщики-поэты,	1
В водовороты влюблены,	2
Стремим на шквалы и кометы	3
Неукротимые челны.	4
И у руля, презрев пучины,	5
Мы атлантическим стихом	6
Перед избушкой две рябины	7
За вьюгою не воспоем.	8
Что романтические ямбы –	9
Осиный гуд бумажных сот,	10
Когда у крепкогрудой дамбы	11
Орет к отплытью пароход!	12
Познав веселье парохода	13
Баюкать песни и тюки,	14
Мы жаждем львиного приплода	15
От поэтической строки.	16
Напевный лев (он в чермной хмаре)	17
Взревет с пылающих страниц	18
О том, как русский пролетарий	19
Взнуздал багряных кобылиц,	20
Как убаюкал на ладони	21
Грозовый Ленин боль земли,	22
Чтоб ослепительные кони	23
Луга беззимние нашли, –	24
Там, как стихи, павлиноцветы,	25
Гремущий лютик, звездный зев...	26
Мы – китобойцы и поэты –	27
Взбурлили парусом напев.	28

И, вея кедром, росным пухом	29
На скрип словесного руля,	30
Поводит мамонтовым ухом	31
Недоуменная земля!	32

1926 год (10,426)

1. Тема стихотворения – обновляющая и преобразующая сила революционной поэзии.

2. Эта тема воплощается в лирическом сюжете стихотворения, который состоит из двух основных поэтических мотивов: революции и поэзии.

3. Каждый поэтический мотив имеет свои языковые средства выражения в тексте. Они группируются вокруг ключевых поэтических символов: **корабля и морской бури, льва, коня и луга.**

Буря. В стихотворении символический образ бури создаётся на основе употребления таких слов, как: *водовороты, шквалы, пучины, атлантический, грозовый, взбурлили*. Буря – это устойчивый символ революции: Он широко использовался в предреволюционной и революционной поэзии (у М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, Б. Пастернака и др.). Однако у каждого поэта он приобретал различные смысловые оттенки. У Клюева, как и поэтов – горячих сторонников революции, этот образ наполнен пафосом борьбы. Но, в отличие от них, Клюев включает символ бури в иной культурный и символический контекст, связанный с его представлениями о Святой Руси. Поэтому для поэта буря – нечто преходящее, это лишь временные испытания, которые останутся позади. Ведь его идеал – не борьба и волнения, а благодатный покой. Он мечтает о том, как поэты, вспоминая прошлое, будут воспевать:

Как убаюкал на ладони	21
Грозовый Ленин боль земли,	22
Чтоб ослепительные кони	23
Луга беззимние нашли, –	24
Там, как стихи, павлиноцветы,	25
Гремучий пютик, звездный зев...	26

Луга. Если буря – символ непокоя, опасности и борьбы, то луга – символ райского умиротворения и радости. Следуя христианской традиции, Клюев изображает желаемое Царство Небесное в образе вечноцветущих лугов (*луга беззимние*), на котором цветут удивительные цветы (*павлиноцветы, гремучий пютик, звездный зев*). Строки о предполагаемой поэтом миссии Ленина («Как убаюкал на ладони /

Грозный Ленин *боль земли*») также содержат намёк на христианское представление о Царстве Небесном, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная» (слова из «Молитвы об умерших»). С.Н. Смольников, посвятивший статью образу Ленина в поэзии Клюева, отмечает, что в данном стихотворении Ленин уподоблен ветхозаветному мессии – «вестнику Грядущего Царства Рая на земле» [Смольников 2002: 48].

Конь. Это также древний символ, имеющий множество смыслов в мировой культуре. Общим для них является то, что это животное символизирует силы жизни или силы смерти. В стихотворении Клюева этот символ также неоднозначен. С одной стороны, это символ революционных сил, преобразующих жизнь страны (*русский пролетарий / Взнуздal багряных кобылиц*). Это значение уже существовало у данного символа в русской поэзии ранее (вспомним строки Пушкина о Петре I). С другой стороны, Клюев мечтает о том, «*чтоб ослепительные кони Луга беззимние нашли*», и в этом случае возникает смысловая связь с библейскими конями Апокалипсиса Иоанна Богослова.

Таким образом, Клюев, как и другие крестьянские поэты, в первые годы революции воспринимал её коммунистические идеи в духе народной утопии о возможности построения Царства Небесного на земле.

Корабль. Символический образ корабля создаётся в стихотворении на основе употребления таких слов: *корабельщики, стремим челны, руль, дамба, отплытье, пароход, паруса*. Символы корабля и парусов являются очень древними в мировой культуре. За многотысячелетнюю историю они обросли множеством смыслов, поэтому в поэтической речи обладают сложной образной семантикой. Интересно отметить, что современные Клюеву символические значения *корабля* и *капитана (корабельщика)* как образы революционеров, которые преобразуют мир, восходят к очень древним смыслам этих символов. Известный этимолог М.М. Маковский указывает, что у понятия *корабль* и соответствующих слов «в индоевропейских языках намечается следующая цепочка значений: «двигаться, перемещаться» – «река, вода» (символ спасения, второго рождения) – «душа» (человек) – «новый, свежий» (воскресший к жизни из смерти или перешедший к смерти из жизни)» (Маковский 1996: 194). Вспомним мифологический сюжет о ладье, на которой перевозят умерших в мир иной. Парус – также древний символ души. В христианской традиции корабль – символ духовного спасения человека, поэтому нередко архитектура церквей напоминает корабль. Во времена Клюева символ корабля активно использовали также старообрядцы, которые называли свою общину кораблём, плывущим по житейскому морю, полному опасностей.

Образы корабля и корабельщиков, которые встречаются во многих стихотворениях Клюева, особенно в стихотворном цикле «Ленин», нельзя связывать только с традициями революционно-романтической поэзии. Поэтика Клюева корнями уходит в древность и его поэтические символы обычно имеют глубокий культурный контекст. Вместе с тем следует отметить, что эти образы в данном стихотворении наполнены революционным пафосом отрицания классической русской культуры. Так строки 5-8

И у руля, презрев пучины,	5
Мы атлантическим стихом	6
<i>Перед избушкой две рябины</i>	7
<i>За вьюгою не воспоем.</i>	8

содержат цитату из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» («Отрывки из путешествия Онегина», строфа 7): *Перед избушкой две рябины* [Гарнин 1999: 944]. Известный исследователь творчества Клюева С.И. Субботин в статье «На путях к Николаю Клюеву» установил, что первоначально восьмая строка в черновике стихотворения имела вид – *За Пушкиным не воспоем*, а девятая строка содержала выражение – *Блоковские ямбы* [Гарнин, 944]. Неоднократно встречаются в стихотворении обозначения красного – тревожного – цвета революции: *чермная* (красная, багровая) *хмара* (туча, мгла), *багряные кобылицы*. Таким образом, древнее значение корабля как символа духовного преобразования в революционную эпоху наполняется новым идеологическим смыслом. Впоследствии в своей последней поэме «Песнь о Великой Матери» Клюев со стыдом раскаивается в своих заблуждениях и неоправданном пророчестве: «Увы... Волшебный журавель / издох в октябрьскую метель. / Его лодыжкой в запал / я книгу «Ленин» намарал, / В ней мошкара и жуть болота / От птичьей желчи и помёта / Слезами умываюсь я, / и не сковать по мне гвоздя, / чтобы повесить стыд на двери».

Следует также отметить, что *корабль (чёлн)* и *корабельщики* имеют в стихотворении ещё одно символическое значение, также характерное для русской поэзии:

Мы <i>корабельщики-поэты</i> ,	1
В водовороты влюблены,	2
<i>Стремим</i> на шквалы и кометы	3
<i>Неукротимые челны.</i>	4

Это символы поэтического творчества и поэтов. Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Осень» встречаем такое развёрнутое сравнение:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим *корабль* в недвижной влаге,
Но чу! – *матросы* вдруг кидаются, ползут
Вверх вниз – и *паруса* надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Плывёт. Куда ж нам плыть?

В стихотворении Клюева это символическое значение воплощается в его лексической системе, в которую входят такие слова и выражения, как: *корабельщики-поэты, стремим челны, руль, атлантический стих, ямбы, пароход, львиный приплод, поэтическая строка, напевный лев, пылающие страницы, стихи, китобойцы и поэты, взбурлили парусом напев, словесный руль.*

Лев. Символ льва является сквозным в послереволюционном творчестве Клюева: Из всего множества символических значений, которое имеет лев в мировой культуре [Белова 2001: 160-162; Смольников 2002: 41], поэт избирает три значения, которые, взаимодействуя между собой, порождают особое, клюевское, образное осмысление. Этот образ появляется в 13-24 строках стихотворения и связан с темой поэзии, революции и мечты о Царствии Небесном: *Познав веселье парохода / Баюкать песни и тюки, / Мы жаждем львиного приплода / От поэтической строки. / Напевный лев* (он в черной хмаре) / *Взрвет с пылающих страниц / О том, как русский пролетарий / Взнузда багряных кобылиц, / Как убаюкал на ладони / Грозовый Ленин* боль земли, / *Чтоб ослепительные кони Луга беззимние нашли <...>*

Истоки этого сложного образного значения восходят к таким древним символическим значениям льва, как: 1) мужество, бесстрашие; 2) пророческое служение; 3) Христос, свидетельствующий о Царствии Небесном. Преобразованные в контексте всего творчества Клюева, они порождают новый поэтический символ – образ новой революционной поэзии.

3. Образно-смысловая композиция стихотворения основана на приёме гиперболизации. Все её образы носят космический, грандиозный масштаб и соответствуют вселенскому осмыслению происходящих в России революционных событий, их сакрализации.

Своеобразие образного построения текста заключается в совмещении разных культурных традиций словесного творчества: революционно-романтической и фольклорной, новой и старой поэтики.

ГЛАВА 2

НАРОДНОЕ СЛОВО В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА

ЛЕКСИКА ОБОНЕЖЬЯ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА

*Осенняя явь Обонежья,
Как сказка, баюкает дух.*

Н.А. Клюев

В одном из предсмертных стихотворений, написанных в сибирской ссылке, Н.А. Клюев сочинил такую эпитафию на своё надгробие: «Н.А. Клюев – певец олонецкой избы». Себя называл он *олонецким баяном, олонецким ведуном*, а к Олонецкому краю, Обонежью, своей малой родине, он обращался так:

*О ясли рождества моего,
Теплая зыбка младенчества,
Ясная келья отрочества,
Дуб, юность мою осеняющий,
Дом крепкий, пространный и убранный,
Училище красоты простой
И слова воздушного <...>*

(10,301)

Поэтические произведения Н.А. Клюева – это энциклопедия Обонежья. В них воплощена и поэтическая география этого края, и его история, и его материальная и духовная культура: *Мысленные мрежи, / Слуха вертоград, / Глуби Заонежий / Перлами дарят. / Палеостров, Выгу, / Кижы, Соловки / Выплескали в книгу / Радуг черпаки* (10,465).

Лучшую свою поэму «Песнь о Великой Матери» Клюев посвятил своей малой родине, любовью к которой была главным источником его поэтического вдохновения:

*Эти гусли – глубь Онега,
Плеск волны палеостровской,
В час, как лунная телега
С грузом жемчуга и воска
Проезжает зыбью лоской,
И томит лесная нега*

*Ель с карельской березкой.
Эти притчи – в день Купалы
Звон на **Киж**ах многоглавых,
Где в горящих покрывалах,
В заревых и рыбьих славах
Плещут ангелы крылами.*

(13, 4)

Словесные ментальные карты Обонежья и Русского Севера создаются поэтом на основе местных топонимов и производных от них слов [Яцкевич 2000: 154-195]. См. пример выше, а также: *Эти вести – рыба стая, / Что плывет, резвясь, играя, / Лосось с Ваги, язъ из Водлы, / Лещ с Мегры, где ставят мёрды <...>* (13,4). Всего им используется около тридцати топонимов Обонежья: Обонежье (1), Заонежье (8), заонежский (4), Заозерье (8), Онего (14), Онегушко (1), Онежские пороги (1), Олон (1), Олонец (5), Олонецкий (21); Вага (1), Ветлуга (2), Водла (1), р. Выг (2), о. Выго (2), Кемь (3), Кемский берег (1), Колывань (1), о. Лаче (4), Мегра (1), Сия (1); остр. Вайгач, Киж, Коневец (1), Карела (2), Карелия (1), Карельский (15); Вытегра (2), Данилово (3), Лекса (1), Пинега (1), Повенец (2), Пудож (1), Пудожский (4), Шуя (1), Кулда оя (1), Выдро оя (1). (В скобках указана частота употребления).

Используя имена собственные, топонимы и антропонимы, связанные с уникальной историей и культурой Обонежьем, Ключев создаёт яркие символические образы этого края: *От Лаче-озера до Выга / Бродяжил я тропой опасной. / <...> Вот чайками, как плат, расшито / Буланым пухом Заонежье / С горою вещью Медвежьей, / Данилово, где Неофиту / Андрей и Симеон, как сыту, / Сварили на прेमного леты / Необоримые «Ответы»* (15,624).

Своеобразие поэтического языка Н.А. Ключева во многом обусловлено тем, что он активно использовал в своих произведениях олонецкое наречие, местные слова Обонежья. Как большой мастер поэтического слова, Ключев умело включает диалектизмы в общий образный строй своей поэзии. Лексика Обонежья заняла достойное место в его поэтическом словаре. По данным «Поэтического словаря Н.К. Ключева» (ПСК), поэт использовал в своём творчестве свыше тысячи диалектизмов (всего в его словаре около 15 тысяч слов). Данный пласт языка поэта представляет большую культурную ценность, поскольку в нём достоверно отразилась материальная и духовная культура Обонежья.

Сравнение состава диалектизмов в творчестве Ключева с материалами существующих диалектных словарей, прежде всего со «Словарём русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) и «Словарём русских народных говоров» (СРНГ), показало, что в произ-

ведениях Ключева встречается большое количество слов, не зафиксированных в этих словарях и потому представляющих научный интерес.

Особый интерес для диалектологов и историков языка представляют архаичные местные слова: **Втымеж***, нареч. В ту пору, в то время. СРНГ, вып. 5, 225: *втамеж. На помин зеленой иве часто ветье заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена, / А как ива облетит, втымеж я буду убит».* 10,241. **Жира**, ж. 1. Раздолье, приволье. 2. Шалунья, баловница, игрунья, хоротунья. Д., 1,543. *А и всё-то она, ворона, грает, / На весь свет растопорха пеняет: / «Извели меня вороги-люди, / Опризорили зависть да лихо, / Разлучили с невестой-звездой, / Подружили с вороньею жирой, / С загумённую, пьяною долей!»* 11,67. **Пабида**, ж. Досада, огорчение. Д., 3, 5. СРНГ, вып. 25, 107-108: *пабида, пабидка 'обида, огорчение', пабидеть 'обидеть'.* **Увет**, м. Привет, радушие, ласка. Д., 4, 463. *Солетали ко мне други-воины / С братолюбным уветом да ласкою.* 12,97. **Вытыкать**, несов. Ткать, плести. СРНГ, 1970, вып. 6, 43. *«Помогай те Боже / Вытыкать рогожи!»* 10,238. **Опружить**, сов. Вылить, вывалить содержимое. СРГК, 4, 227. *Черпанул старик воды из Камы, / Черпанул с Онеги ледовитой, / И, дополнив ковш водой из Дона, / Три реки на каменку опружил.* 6,256. **Изочина**, ж. Отчество*. Опосля на нем – внукам памятку – / *Пишут теслами год родительский, / Чертят прозвище и изочину, / На суклиц щербят кость Адамову...* 6,237. СРГК, 2, 285: *Изотчина, ж. Отчество.* **Нуда***, ж. Надобность, необходимость. *Клад хоронился в тайнике, / А ключ в запечном городке / Жил в колдобине кирпичной, / И лишь по нуде необычной / На свет казал кротовье рыльце.* 13,34. СРГК, 4, 52: *нужа, ж.; Д, 2, 559: нужна, нужда.* **Рушать**, несов. 1. Резать, разделять на части. *Стелют настольник для мис золотых, / Рушают Хлеб для крылатых гостей* 10,461. 2. уничтожать, разорять. *Рушайте ж лебедь-судьбу, / В звон осластите губу, / Києва сполох-уста / Пусть воссияют, где Мста.* 10,348. СРГК, 5,587: *рушить.*

Тематические группы диалектной лексики в творчестве Ключева разнообразны, что также говорит о высокой культурной ценности его диалектного словаря. Рассмотрим их далее, используя подготовленные нами материалы к словарю «Лексика Обонежья в поэтическом словаре Н.А. Ключева».

1. В поэтических пейзажах Ключева, как правило, выполняющих символическую функцию и потому одухотворённых, очень часто образно воссоздаётся природа Обонежья. В таких случаях поэт активно использует местные названия природных явлений. Мир природы отразился в следующих группах диалектных слов в словаре Ключева.

1.1. Названия лесов, болот, лугов, побережий: **Араина**, ж. Сырое низменное место. СРНГ, 1965, вып. 1, 266. *Ведь сказка с филином не дружит, Араиной дозоры выюжит.* 13,42. **Корба**, ж. Чаща, непроходи-

мый лес. СРГК, 2, 420. Уж вы плящие, ярые свечи, / Темны корбы ли вами палити? 10,240. Али корба хвойная с бубенцами шишек, / С рушниками-зорями просини милей. 10,277. Заблудилось солнышко в корбах темныхвойных. 10,277. **Трущоба**, ж. Густой, непроходимый лес, заваленный буреломом. Д., 4, 438. Трущобы хвойная рука / В последки шарит по кибитке. 13,12. **Чарус**, м. Топь, непроходимое болото. Д., 4, 582: чаруса, мн. Он для меня покинул сруб / Среди болотных ляг и чарус. 13, 33. К этой группе относятся и такие слова из словаря Ключева: **загуберье**, **луда**, **лядина**, **понабережье**, **раека**, **сузёмки**, **сыр**, **удолье** и др.

1.2. Названия растений: **Пестушка**, ж. Растение хвощ полевой. СРГК, 4, 489: пестух и пестуш. Д., 3,105: пестышек. Что ты, нивушка, чернешенька, / Как в нужду кошель, порожнешенька, / Не взрастила ты ржи-гуменицы, / А спелегала – к солнцу выгнала / Неедняк-траву с горькой пестушкой? 10,264. **Неедняк**, м. Всякая сорная трава (Зелинская, 106). **Осоچه**, с. Многолетняя болотная трава с упругими длинными и узкими листьями, осока. СРГК, 4, 251: осота ж. Лютое поле, осочье шумливое / Полнятся вестью, что умерла мать. 10,210 **Призорник*** м. Трава, используемая для колдовства, ворожбы, сглаза. Не шуми, трава шелкова, / Бел призорник, зарецвет, / Вышиваю для милова / Левантиновый кисет. <...> Зелен ветер в палисаде / Всколыхнул призор-траву. / Не клонись, вещунья-травка, / Без тебя вдомек уму: Я – посадская чернавка, / Мил жирует в терему. <...> Дорог камень бирюзовый, / В стёг мудреный заплетись, / Ты, муравонька шелкова, / Самобранкой расстелись. 10,168 –169 (Посадская). У Садко – цвет-призорник, / Жар-птица, синь-туман; / У нас – плакун-терновник / И кровь гвоздиных ран. 10,173. Ср.: СРГК, 5, 164: призорник 'подзор, кружевная оборка на простыне'. **Призор-трав***, ж. То же, что призорник*. Зелен ветер в палисаде / Всколыхнул призор-траву. 10,168. Ср.: **призор**, м. Колдовство, ворожба, сглаз. И в саванах, по мхам олени, – / Блуждают сонмы поколений / От Вавилона и до Выга... / Цвети, таинственная книга / Призоров чарых и метелей. 13,25. **Знобьяник***, м. Подмаренник болотный (Зелинская, 107). Первый зык дурманней кос девичьих / У ручья знобьяник-цвет учуял. 6,256. К этой группе относятся и такие слова из словаря Ключева: **купырь**, **куро-слеп**, **лазунка***, **смолка**, **уста**, **куманика**.

1.3. Названия животных: **Паскарага**, ж. Ангельская птица*. Ты прими-ка, матушка Планида, / Во персты отмычки золотые, / Пробудившись, райскими ключами / Отомкни синь-камень несекомый, / Вызволь ты из каменной неволи / Паскарагу, ангельскую птицу, / Супротив стожарной Паскараги / Бирюча на белом свете нету!..» 6,254. Ср.: СРНГ, вып. 25, 255: 1. Птица сойка (или лесная сорока). Вытегор. Олон. 2. Птица дрозд. Петрозав. Олон.; Зелинская, 111: ворон.

Пачерага, ж. Рыба. Какая? Все прибывали китежане, – / От Ясных Ляг, где гон кабаний. / Из городища Турий Лоб, / И от Печёр, где узел троп / Подземной рыбы пачераги, / Что роет темные овраги, / Бездонный чарус, родники... 13,35. **Рох**, м. Птица. Какая? Зарождать жар-птицу, роха, сою / Я учусь у рябки, а не в Дерптах. 10,326. К этой группе относятся также такие слова из словаря Ключева: **витлюк**, **выжлец**, **габучина**, **дребезда**, **желна**, **горюша**, **загозка**, **зозуля**, **зегзица** / **зигзица**, **овсяник**, **язвец**, **вахирь**.

1.4. Названия метеорологических явлений, среди которых много названий ветров: **Полудник**, м. Название юго-восточного ветра. СРГК, 5, 63. Или кобыл золотоспинных / Пасет полудник, гривы чешет? 13,32. **Полудняк***, м. Название юго-восточного ветра. На завалине лыжи / Обсушил полудняк. 10,246. **Тороп**, м. Порывистый сильный ветер (обычно на море, озере). Д., 4, 420. Выйду в старо-старом рубище, / Нищим лыком опоясана... / Сгомонятся красны девушки, / Белоплице согрешушки, – / Как от торопа повального / Отшатятся на сторонушку. / Парни ражие, удалые. 10,111; Железняк летит, как гора валит, / Юдо водное Змию побратень: / У них зрак – огонь, вздохи – торопы. 6,238. **Шелоник**, м. Юго-западный ветер. Д., 4, 619. Эти тайны парусами / Убаюкивал шелоник. 13,4. К этой группе относятся такие слова из словаря Ключева: **веи**, **полузимник**, **зимник**, **зябель**, **осенница**, **отишье**, **таль**.

1.5. Названия физических явлений: **Брезг**, м. Свет. СРГК, 1, 112. СРНГ, 3,173. Брезг самоварной решетки / В избяной лиловатой мгле – / Провозвестник, что вечер кроткий / Гостит на трудной земле. 10,398. Над глыбкой чернью брезг креста / Граненым бледным изумрудом. / Святой Покров, где церковь-чудо! 13,12. **Потемы***, мн. Темень, темнота, потёмки. Уж мелицы да потемы / Закутали хоромы / В косматый балахон. 13,19. Ср. СРГК, 5, 108: потемень, потёмны. Сюда же относятся слова **блесня**, **сполох**.

2. Ключев хорошо знал народные промыслы и крестьянский быт, поэтому в его словаре широко представлена лексика мастеров-умельцев и названий предметов крестьянского обихода:

2.1. Названия изделий из металла и их свойств: **Басменный***, прил. Покрытый тонкими металлическими листами (чаще серебряными) с тиснёными узорами. Сума же кладом дразнит, / В ней правит тихий праздник / Басменный образок / И с кисточкой вязейка... 13,20. **Сканьё**, ср. Вид ювелирной техники – ажурный, или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой, серебряной и т.д., гладкой или свитой в верёвочки; филигрань. МАС, 4, 104, 568. **Браньё**, с. Филигранный узор. Она (лампада) устюжского сканья, / Искусной грани и бранья. 13,9. СРНГ, 3, 151: ср. значения.

2.2. Названия орудий, приспособлений, повозок: **Плотка**, ж. Креса-
ло для добывания огня. СРГК, 4, 549. *Во леса ступить – зверю мир
нести, / Не держать огня, трута с плоткою, / Что ль того ножа по-
дорожного.* 6,239. **Почерпальце**, с. Ведро, прикреплённое к длинной
деревянной ручке. СРГК, 5,127. *Они, как матушка, пророчат / Судь-
бину – не чумной обоз, / А студенец в тени берез / С чудотворящим
почерпальцем!..* 11,226. **черпуга**, ж. То же, что почерпальце. *Извечно
мерно скрипит черпуга.* 12,317.

2.3. Плотницкая лексика, названия частей избы: **Подзор**, м. Резные
украшения на дереве. *А у меня изба новая – / Полати с подзором,
божница неугасимая, / Намел из подлавочья ярого слова я ...* 11,175.
Ср. СРГК, 4, 632: **Подзор**, м. Дом или часть его, обшитая тёсом. Подзо-
рение. **Поруб**, м. 1. Сруб. *И грудь стропилами ключицы / Вперила в
порубы светлицы, / Где сердце сирином в коруне / Вот-вот на кровь
пожаром дунет / И закипит смолой руда!..* 12,269. 2. Тюрьма. *Угодити
мне из горниц, / С белоструганых половиц / В поруб – лютую тюрь-
му!* 10,187. **Предызбица**, ж. Сени. СРГК, 5, 141: **предызбье**. *Полых-
нувши золотом, прянет гость в предызбицу, / Краснобайной сказкою
пряху улестит...* 10,278. **Рундук**, м. Небольшой помост перед крыль-
цом в виде настила из досок, положенных на брёвна. СВГ, 2002, 72. *Но
предоволен прозорливец, / На рундуке перёных крылец / Семь крат
положено метанье.* 13, 33. К этой же группе относятся такие слова из
словаря Ключева: **водоскат**, **выструг**, **закомары**, **кокоря**, **матица**,
ободверье, **потоки**, **прируб**, **шеломок** и др.

2.4. Льноводческая и ткацкая терминология: **Рясно**, с. **ряски**, мн. 1.
Нитки не необшитом крае ткани. СРГК, 5,615. *Гоген Рублеву не загад-
ка, / Матисс – лишь рясно от каймы / Моржовой самодеской прял-
ки...* 11,220. 2. Бахрома, кисти или другие украшения. СВГ, 2002, 82.
*Глядь, у морозного погоста, / Как рог у лося, вырос крин, / На нем
финифтяный павлин, / Но светел лик и в рясах плечи...* 13,11. **Ткея**,
ж. Ткачиха. Д., 4, 408. *Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце / Помор
за сетью, ткея за донцем, / Петух на жердке дозорит беса.* 12,317.
Пасмо, ср. Единица счёта льняных ниток; моток льняных ниток. Д., 3,
22. *«Спасибо, Федор Калистратыч! .. / Подладь у прялки спицу на
стычы!..» / И поправляет пасмо он.* 13,14. К этой группе относятся та-
кие слова из словаря Ключева: **донце**, **кросно**, **мотовило**, **мочище**,
мяло, **мялица**, **ряднина**, **рядно**, **скальцы**, **стлище**, **усновище**, **уток**,
веретнище.

2.5. Названия одежды, украшений: **Накосник**, м. Женская головная
повязка, которую носят под повойником. Украшение в косе. СРНГ, вып.
19, 343. Повойник, т.е. шапочка, которой закрывают волосы (Зелин-
ская, 101). *Сядь, моя жадобная, в сарафане сборчатом, / В камчатом
накоснике, за послушный лен.* 10,277. **Косоплётка**, ж. Тесьма, лента,

вплетаемая в косу. Д., 2, 173. **Повойница**, ж. Головной убор замужней женщины. СРГК, 4,595. *И без повойницы расплошкой / У нас не видывана баба!* 13,32. **Охобень**, м. Старинная длинная верхняя одежда; верхняя крестьянская одежда, сермяжный zipун. Д., 2, 630. На повозной паре / Ехали бояре, / Охобни бобровы, / Сами чернобровы: / «Помогай те Боже / Вытыкать рогожи!» 10,238. К этой группе относятся также слова из словаря Ключева: **гуня, долгуша, запона, калиги, каньги, кика, корзна/ корзно, окрута, повязь, покрута, репейка, скрута, становица, станушка.**

2.6. Названия посуды, утвари: **Жарник**, м. 1. Чугун, в котором гасят угли. СРГК, 2, 38. *Эво, на валежине, словно угли в жарнике, / Половет лапчатый золотой стихарь...* 10,277. 2. Огонь в печи? *Здынься по крылечу к жарнику приветному, / От росы да мокрети лапти обсуши!* 10,278. **Кошница**, ж. 1. Корзина, плетёная сумка. Д., 2, 183. СРНГ, вып. 15, 153. *И ангелы, златя убором / Лохмотья елей, ржавь коряжин, / В кошницу из лазурной пряжи / Слагали, как фиалки, души.* 11,227. 2. Сокровищница, множество чего-л. ценного, красивого*. (Ср. кошной, -ая, -ое. 1. Красивый. 2. Добрый. 3. Чистый. 4. Хороший. СРНГ, вып. 15, 153; СВГ, 1987, 117: 1 знач. *Подивись же на меня, Европа – / Я кошница с перлами Антропа!* 11,148. *Кошница яблок и сирени, / Где встарь по соловьям гадали, – / Чернигов с Курском – Бык из стали / Вас забодал в чуму и в оспу.* 11,229. 3. Множество, большое количество*. *Кошница дев, и сонм героев ратных / В моих зрачках томятся по Тебе.* 7,153. *Есть Демоны чумы, проказы и холеры, / Они одеты в смрад и в саваны из серы. / Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей.* 11,228. 4. Знач? *Здравствуй, вечер, сумерек кошницы, / Холод рук и синяя сирень!* 10,430. В эту группу входят и другие слова: **скрыня, тулка, шаргунец*** и др.

2.7. Рыбачья, морская и судостроительная лексика: **Сойма**, ж. Род одномачтового палубного судна на Ладожском и Онежском озёрах и на Мариинском сообщении. (Заимств. из финского?) П., 2, 349. Д., 4, 262. *Чудно вышиты паруса у сойм, / Гнали паруса гуси махами, / Селезни с чирятами-кряками, / Солнышко в снастях бородой трясло, / Месяц кормовое прямил весло, / Серебряным салом смазывал – / Поморянам пути указывал.* 12,335. К этой группе относятся также слова из словаря Ключева: **беляна, верша, косовуша, мёрда, мережа, расшива, свежье.**

2.8. Кулинарная лексика. **Брашно. Варенуха. Глупыш. Драчёны. Загуста. Косовик. Пенник. Раствор. Солодяга. Сусало. Сыть. Пеклеванный.**

3. Названия болезней: **веред, грызь, костоеда. Маета, маята. Огневица. Парха. Подноготница. Чёс. Чирея. Грызезя.**

4. Лексика народного словесного творчества: **бахарь**, м. Исполнитель былин, народных песен; рассказчик. *Соловецкий бахарь в Ливерпуле / Славит избу – наковальню слова... 12,231. Поет ли бахарь, орда ли мчится, / Звериным пойлом полна криница... / Извечно мерно скрипит черлуга. 12,317.* К этой группе относятся также такие слова из словаря Ключева: **балакирь**, **баюн**, **певник**, **виноградье**, **овсень**, **погуда**, **погудка**, **погудь**, **припlachка**, **причит**, **сказанец**.

5. Названия игр, развлечений, гуляний: **Ночнина**, сущ. **ночна**, ж. Вечернее, ночное летнее гулянье молодёжи. СРГК, 4, 49. *Собирались в ночнину, / Становились в тесный круг. / «Кто старшой, кому почину / Повести за стругом струг? 10,197. Шин*, м. Пляска, род четвёрки, кадрили. Д., 4, 633. *Все девушки: «Ахти-ахти! / Красивее нельзя пройти / Размеренным досюльным шином / Речной лебедушке с павлином!..» 13,14; городок, супрядки и др.*

6. Эмоционально-оценочная лексика: **Бажонный / бажёный**/. Нежный, ласковый, любимый. СРГК, 1, 29. *Ты прощай-ка, родимая стороноушка, Что ль бажонная теплая семейоушка! 6,219. Болезно*, безл.-пред. Жалко, горько. СРГК, 1, 87. СРНГ, вып.3, 72. *Чудно, болезно мужичью / За жизнь суровую свою, / Как землянику в кузовок, / Сбирать слезинки с Божьих щек! 12,324. Болезный*. (10) 1. Сострадательный, мягкосердечный, милосердный. *Не в догад болезной повитухе, / Что он был давяще-яр в плечах. 7,112. 2. Вызывающий жалость, сострадание, горький. Ай же плат, много в устье морское / Льетса речек, да счет их известен, / На тебе ж, словно рос на покосе, / Не исчислить болезных слезинок! 10,293. Полетай, моя дума болезная, / Дятлом-птицею в сыр-темен бор... 10,268. 3. Ласковое обращение – милый, дорогой. Привиденьем жуть железная, / Запахнувшись в саван, бродит, – / Не с того ль, моя болезная, / Солнце тучи хороводит? 10,262. Жадобный*, обычно в обращении. Желанный, дорогой. СРГК, 2, 31. *Сядь, моя жадобная, в сарафане сборчатом, / В камчатом на-коснике, за послушный лен. 10,277. Порато*, нареч. Очень, в высшей степени. СРГК, 5, 80. *Порато баско весной в Сиговце, По белым из-бам на рыбьем солнце. 12,313.* К этой группе относятся также слова: **разваруха**, **сугревный**, **сухота**, **удатный**, **шмоха**, **шур**, **ярун** и др.

7. Изобразительно-выразительная лексика: **Бобчатый**. Цветистый; яркий.* *Вы, шелки мои – бобчаты поясья, / По сугорам ли вас растиласти? 10,240. СРГК, 1, 81: 'пятнистый'. СРНГ, 3, 38:** бобчатый 'цветистый, яркий' * < бобки 'цветы'. **Бурнастый**. Фольк. Рыже-бурый (о масти животных). СРНГ, вып. 3, 294. *И спрятав когти, осторожно, / Топтыгин обнимал меня, / И слезы, как смола из пня, / Катились по щекам бурнастым... 13,31. Пеганый*. Пёстрый. Д., 3, 549. Пегий; седой; серый; полосатый // неоднородный по цвету. СРНГ, вып. 25, 312. *Полощется в озере маковый свет, / В пеганые глубы уходит. 10,282.*

Чалый. Пепельный*. У меня – сахарны губы, / Косы чалые в ладонь. 10,168. Д., 4, 561: чалый 'рыжий с сединой'. **Лоский*.** Отливающий блеском, лоснящийся*. Эти гусли – глубь Онега, / Плеск волны па- леостровской, / В час, как лунная телега / С грузом жемчуга и воска / Проезжает зыбью лоской. 13,4. Лоски на стлищах холсты. 10,214. СРГК, 3, 149-150: **лоснутый, лоснучий, лосны, лоснявый, лосня- стый, лоснятый, лоснячий** < **Лоса, Лёсо.** Спокойная поверхность воды, гладь. 3, 149. > **Лосеть.** 1. Успокаиваться, затихать (о море, вет- ре). 2. Делаться гладким, отливать блеском. К этой группе относятся также: **медносорчатый, зарный, звончатый, наводчатый.**

8. Изобразительно-оценочная лексика: **Ощерый*.** Оскаленный*. Вон леший – боро денка козья – / Нырнул в ощерое дупло! 13,12. Д., 2, 779: ощериться 'оскалиться'. **Размычливый*.** Преодолевающий горе, благоприятный*. От «горе размыкать» Разогнать, рассеять. Не всякое горе размычливо. Д., 4, 37. Али корба хвойная с бубенцами шишек, / С рушниками-зорями просины милей, / Красики с волынками слаще звездных пышек. / И громов размычливей гомон журавлей? 10,277. К этой группе также относятся: **мызглый*, приволожный, растопорха** и др.

8. Названия периодов времени, праздников, гуляний: **Пабедок, м.** Послеполуденный приём пищи до обеда или после, а также время су- ток, приближающееся к вечеру. СРГК, 4, 363. Братья, это наша кре- стьянская, красная культура, / Где звукоангелы – сопостники люд- ских пабедок и-просонок! 5,107. **Рассветки** > в рассветки (на рассвет- ках). мн. Рано утром, на рассвете. СРГК, 5, 466. Печные прибои пья- нящи и гулки, / В рассветки, в косматый потемочный час . 10,313.. **Досюльный, -ая, -ое.** Сохранившийся от далёкого прошлого (обычно о фольклоре). СРГК, 1, 498. СРНГ, вып. 8, 153: прежний, старинный, прил. к наречию **досюль** 'прежде, в прошлом, в прежнее время'. Что куколь розовый во ржи, / Цвели в прирубе посиделки. / Опосле утушки и белки / Пошли в досюльный строгий шин. 13,13. Все девушки: «Ах- ти-ахти! / Красивее нельзя пройти / Размеренным досюльным шином / Речной лебедушке с павлином!..» 13,14. **ДОСЮЛЬНАЯ.** Название песни. 10,187; Ой, яра кровь орлиная, / Повадка – поступь гульная, / Да чарка злая, винная, / Что песенка досюльная, / Не мимо канет- молвится. 11,67. Сюда же относятся и такие слова: **предутрие, про- сонки, репорез, сутемень, сутеменки, сутемки.**

В словарях, прилагаемых к изданиям Клюева, состав диалектной лек- сики в его творчестве отражен далеко не полностью. При этом постоянно встречаются неточности при толковании диалектизмов. Это связано с тем, что их составители ставили перед собой чисто прикладные цели и научные принципы лексикографического описания таких слов ими не рас- сматривались. Таким образом, назрела необходимость в составлении специального словаря «Лексика Обонежья в поэзии Н.А. Клюева».

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛЮЕВА

Я – полесник **хвойных слов**
Из Олонецкого бора.

Н.А. Ключев

азям, м. *Старинная верхняя одежда крестьян, долгополый кафтан.* СРНГ, 1965, вып 1, 215. Христу почет, а не руде, / Не праху в старческом азяме!.. 13, 33.

антютик, м. *Сказочный персонаж романа С.А. Клычкова «Чертухинский балакирь». Образовано от анчутик – чёрт.* СРНГ, 1965, вып 1, 262. И от тверских дубленых пахот, / С антютиком лесным под мышкой, / Клычков размыкал ли излишки / Своих стихов – еловых почек, / И выплакал ли зори-очи / До мертвых костяных прорех / На грай вороний – черный смех?! 12,266.

араина, ж. *Сырое низменное место.* СРНГ, 1965, вып 1, 266. Как златно-бурую лису / Полесник чует по уметам, / Не правя лыжницу болотом. / Ведь сказка с филином не дружит, Араиной дозоры выюжит. 13,42.

аржаной. *Ржаной.* Д., 1, 22. СРНГ, 1965, вып 1, 274. Аржаное мое чучело, / Что тебя замучило? / 13,27.

атлабас, м. *Алтабас, парча.* ПЦСС, 13: *Алтабас, древнерусское, заимствов. из турецкого.* Пеклеванным жезлом указывает Коврига / Первопуток в узор, в златошвейну луны. / Там по камчатым взморьям цветет атлабас, / Птицы – нитка с иглой – ловят яхонт и лал. 11,134.

атлабасный. *Алтабасный, парчовый.* За ними Новгород и Псков – / Зятя в кафтанах атлабасных. 12,329.

баба, ж. > **гуменная баба**. *Сверхъестественное существо, дух, живущий на гумне.* * Кого ты сполохался-спужался, / <...> Аль гуменной бабы с метлюю. 11,176.

бадейка, ж. *Уменьш. к бадья.* *Глубокая глиняная посуда в виде чаши или ведёрка.* Д., 1, 37. Глядь в бадейке с опарою плещется кит. 12,216.

бадожок, м. *Посох.* Д., 1, 36. Барабинские шляхи, бесследье Турана / Убаюканы лаптем, тверским бадожком. 11,133.

бадья, ж. *Деревянная кадка.* Д., 1, 37. СПЛСР, 1, 29. Изжаждалась бадья, вихрастая мочалка / Тоскует, что давно не моется крыльцо. / Теперь бы плеск воды с веселою уборкой, / В окне кудель лучей и сказка без конца... 10,272. В старой бадье разыгрались киты. 8,23. Река дымится, месяц пряткий, / Как сиг в серебряной бадье, / Ныряет в черной полынье. 13,12.

бажонный / бажёный / *Нежный, ласковый, любимый.* СРГК, 1, 29. Ты прощай-ка, родимая сторонушка, Что ль бажоная теплая семеюшка! 6,219.

бакан *, м. *Краска тёмно-малинового цвета.* Г., 990. Там олений привал, глухаринные токи, / На гагарьем желтке ягелёвый бакан, / Что-бы охрить икону «Звезда на Востоке», / Щиплет гуся на снедь – ледовитый туман. 11,133.

балахонец, м. Ум.-ласк. к **балахон**. *Верхняя летняя крестьянская одежда их холста.* Д., 1, 42. На нем балахонец убогий, / Но в сутемень видится мне, / Как свечкою венчик двурогий / Маячит в глухой глубине. 10,244.

баркасодел, м. *Тот, кто делает баркасы, т.е. большие многовёсельные лодки.* Голубоокий и пригожий, / Смолисторудый, пестрядной, Мне улыбался край родной, / Широкоскуло, как Вавила, – / Баркасодел с моржовой силой, / Приветом же теплей полатей! 13,33.

басенка, ж. *Рассказ, сказка.* Д., 1, 52. От озерной прибауточки, / Водяной потайной басенки, / Понабережье насупилось, / Пенной-саваном окуталось. 10,113.

басенький. *Красивый.* СРГК, 1, 43. СВГ, 1983, 22. СРНГ, 1966, вып. 2, 132. Иван Богослов, Дай басеньких слов. 6,255.

баско. 1. нар. *Нарядно.* СРГК, 1, 45. Я куплю тебе гостинец – скатну нить, Буду баско оболоченной водить. 10,230. 2. *Безл.-предик. Красиво, хорошо.* В зимы у нас баско. 12,320; Порато **баско** весной в Сиговце, По белым избам на рыбьем солнце. 12,313; Порато баско зимой в Сиговце! Снега как шапка на Устьысольце. 12,316.

басменить*, несов. *Покрывать тонкими металлическими листами (чаще серебряными) с тиснёными узорами.* *басменить < басма 'оттиск, отпечаток', тюрк. ПЦСС, 32. Маковки, кресты басменили. 12,336.

басменный* . *Покрытый тонкими металлическими листами (чаще серебряными) с тиснёными узорами.* Красна домашняя молена, / Горя оковкою басменной, / Иконы – греческая прорись. 13,13. Сума же кладом дразнит, / В ней правит тихий праздник / Басменный образок / И с кисточкой вязейка... 13,20.

бахарь, м. *Рассказчик, сказочник.* Д., 1, 56. Соловецкий бахарь в Ливерпуле / Славит избу – наковальню слова... 12,231. Поет ли бахарь, орда ли мчится, / Звериным пойлом полна криница... / Извечно мерно скрипит черпуга. 12,317.

бахилы, мн. *Мягкие кожаные сапоги с очень длинными голенищами.* СРЯ, 1, 65. Солнцу ж я за спесь, за непокорство, / С ног разую красные бахилы. 6,252.

бахорь, м. *То же, что и бахарь.* Думы столетий без песни бахоря. 12,210.

беднушка*, ж. *Бедный, убогий человек.* Д., 1, 152: **бедник, бедныш.** Погляжу я, беднушка, в стекольчато окно – / Не увижу ль милого за рядой во торгу. 10, 241.

безрыбный. *Такой, где не водится рыба.* СРГК, 1, 54. Все реже полесся, безрыбнее губы. 13, 37.

безудный *. *О скопце.* Д., 1, 76. О, скопчество – арап на пламенном коне, / Гадательный узор о незакатном дне, / Когда безудный муж, как отблеск маргарит, / Стокрылых сыновей и ангелов родит! 7, 116. Духостиhi отдают молоко / Мальцам безудным, что пляшут легко. 10, 461.

беличка, ж. *Женщина, живущая в монастыре, но не постриженная в монашество.* Д., 1, 154. Березки – бледные белички, / Потупясь, выстроились в ряд. 10, 174.

белокорый, -ая, -ое. *Имеющий белую кору.* Та березка белокорая, / Деревинка не ядреная, / До сырой земли наклонится, / Как былинка переломится. 12, 43.

бель, ж. *Белизна.* Д., 1, 155. Монашка прядет паутины кудель, / Смежает зеницы небесная бель. 10, 183. Зреть красно березку и монашку – Бель и чернь, в них Руси дух сказался. 12, 176.

беляна, ж. *Красивая белокурая девушка.* Д., 1, 155. Напустил змею котобрысю / На беляну с распрекрасной Василисою. 13, 28.

бёрда, мн. *Принадлежность ткацкого станка, род гребня с зубьями.* Д., 1, 81. Как пошла Васиха / Слободе на лихо / Бёрда наживати, / Самобранку ткати. 10, 238.

бердище, с. *Увеличит. к бёрдо.* Дали ей бёрдище / По колу зубище... 10, 238.

бересто, с. *Верхний светлый слой берёзовой коры.* Д., 1, 83. Дымится пень, ему лет со сто, / Он в шапке, с сивой бородой... / Скрипит пощенное бересто / У лаптевяза под рукой. 10, 252

беседный / бесёдный, прил. *Используемый, предназначенный для беседы.* СРГК, 1, 69. Беседный наигрыш, стих доброписный. 6, 250. Беседная изба – подобие вселенной: / В ней шолом – небеса, полати – Млечный Путь, / Где кормчему уму, душе многоплачевной / Под веретенный клир усладно отдохнуть. 10, 300. В беседной избе усадить на скамью / Все сказки, заклатья и клады / Устинья Прокопьевна рада! 13, 36.

бескрестный, прил. *Не имеющий креста.* Там могилушка бескрестная / Безголосьем кости нежит / И луна, как свечка местная, / По ночам над нею брезжит. 10, 261. Сирин мне вести носил / С плах и бескрестных могил. 10, 348.

бесслепица*, ж. *Бездорожье, отсутствие пути**. Душа летит на огонек, / В бесслепицу и замаять поля, / Где у костра сидит недоля. 11, 142.

блесня, ж. *Ожерелье*. * СРГК, 1, 76 и СРНГ, 3, 20: др. значения. На ней пятишовка, из гривен блесня. 10,183. Вон огоньки на яре – / Из грошиков блесня. 13,19.

бобряха, м. *Бобр*. СРНГ, 3, 38: **бобря**, **бобрешка**, ср. значения. СРГК, 1, 81: **бобрик**, **боброчка**. Андрей и Симеон, как сыту, / Сварили на премноги леты / Необоримые «Ответы». / О книга – странничья киса, / Где синодальная лиса / В грызне с бобряхою подонной, – / Тебя прочтут во время оно. 11,226.

бобчатый. *Цветистый; яркий*. * СРГК, 1, 81: 'пятнистый'. СРНГ, 3, 38: **бобчатый** 'цветистый, яркий' * < бобки 'цветы'. Вы, шелки мои – бобчаты пояся, / По сугорам ли вас расстилати? 10,240. С шеи Солнца бобчатую гривну / Кобелю отдам на ожерелок. 6,252.

бобыльный*, прил. *Образн. Одинокий*. Образовано от **бобыль**. Но в победы час мировой, / Когда мои хлебы пекутся, / И печка мурлычет, пьяна / Хозяйской, бобыльною лаской, / В печурке созвездья встают. 12,145.

богосуженый, м. *Жених*. СРГК, 1, 84. СРНГ, 3, 53. Не проедет по подоконью / Богосуженый с гармоникой. 12,44.

бодожок, м. Уменьш.-ласк. к **бодог**. *Посох, палка*. СРНГ, 3, 56. Бодожок Каргопольского Бегуна – коромысло весов вселенной. 5,107. Прощай, мой пестун, бурый дед! / Дай лапу в бодожок дорожный! .. 13,31.

божатка, ж. и м. *Крестная мать или родственник*. СРГК, 1, 84. СРНГ, 3, 61. Им крылья – гробовые доски, / А саван уподоблен перьям / Лететь к божаткам и деверьям. 13,32.

божница, ж. 16. *Полка или киот с иконами*. СРЯ, 1, 103. А у меня изба новая – / Полати с подзором, божница неугасимая, / Намел из подлавочья ярого слова я ... 11,175. Изба засыпает. С узорной божницы / Взирают Микола и сестры Седмицы.

болезно, безл.-пред. *Жалко, горько*. СРГК, 1, 87. СРНГ, 3, 72. Чудно, болезно мужичью / За жизнь суровую свою, / Как землянику в кузовок, / Сбирать слезинки с Божьих щек! 12,324.

болезный, прил. 1. *Сострадательный, мягкосердечный, милосердный*. Не в догад болезной повитухе, / Что он был давяще-яр в плечах. 7,112. 2. *Вызывающий жалость, сострадание, горький*. Ай же плат, много в устье морское / Льется речек, да счет их известен, / На тебе ж, словно рос на покосе, / Не исчислить болезных слезинок! 10,293. Полетай, моя дума болезная, / Дятлом-птицею в сыр-темен бор... 10,268. 3. *Ласковое обращение – милый, дорогой*. Привиденьем жуть железная, / Запахнувшись в саван, бродит, – / Не с того ль, моя болезная, / Солнце тучи хороводит? 10,262.

болезь, ж. *Болезнь, а также всё нехорошее, вредное, неблагоприятное*. СРГК, 1, 89. СРНГ, 3, 74. Болезь да засуха, / На скотину

мор. 10,263. Аль и солнышко отмыкало / Болест нив и бездорожий / И земле в поминок выткало / Золоченые рогожи? 10,262.

болотина, ж. *Небольшое болото, низкое, болотистое место.* СРНГ, 3, 78. Вышел журушка из болотины. 6,238.

бранье, с. Филигранный узор. СРНГ, 3, 151: ср. значения. Она (лампада) устюжского сканья, / Искусной грани и бранья. 13,9.

брезг, м. *Свет.* СРГК, 1, 112. СРНГ, 3, 173. Смерть моих костей не обглодала, / Из телес не выплавил сала, / Чтоб отлить свечу, чей брезг бездонный / У умерших теплится во взоре, / По ночному кладбищу блуждает. 10,260. Брезг самоварной решетки / В избяной лиловой мгле – / Провозвестник, что вечер кроткий / Гостит на трудной земле. 10,398. Над глыбкой чернью брезг креста / Граненым бледным изумрудом. / Святой Покров, где церковь-чудо! 13,12.

бродни, мн. *Различные виды крестьянской обуви: лапти без обор, одеваемые на босу ногу; просторные рабочие сапоги и др.* СРГК, 1, 115. СРНГ, 3, 188-189. Мой сон – кленовая опушка, / Где дупелей и бродней след. 14,98.

броженица*, ж. *Следы на земле или снегу.** Броженица ли воронья – / На снегу вороньи лапки, 13,5.

брусовый, прил. СРГК, 1, 122. СПЛСР, 1, 58: **брусовой**. *Сделанный из толстой доски.* Довела головку буйную / До брусовой перекладины. 12,44.

брусяный, прил. *Сделанный из бруса, толстых досок.* СПЛСР, 1, 59: **брусяной**. По брусяной новой горнице, / По накатной половичине / Разудалый ходит походом, / Голосит слова ретивые: 10,187. Ах, брусяные хоромы, / В вас кому ли жировати, / Красоватися кому? 10,187.

брыкастый, прил. *Имеющий свойство, обыкновение брыкаться; брыкливый.* Кому же сивыйклады прочит, / Напевом золотит копыта, / Когда черемуха убита – / Сестра душистая, чьи пальцы / Брыкастым и комоным мальцем / Его поили зельем мая?! 11,163. С того ль у Маланьи груди / Брыкасты, как оленята? 10,431.

булыжина, ж. *Дикий камень, булыжник, валун.* СРНГ, 3, 272: **булыжина** < **булыга**. Братья-старища свиховались, / О булыжину лбами стукнули. 6,237.

буреломник, м. 1. *Дерево или лес, сваленные бурей.* СРГК, 3, 285. Не хочу Коммуны без лежанки, / Без хрустальной песенки углей! / В стихотворной тягостной вязанке / Думный хворост, буреломник дней. 12, 189.

бурнастый, прил. *Фольк. Рыже-бурый (о масти животных).* СРНГ, 3, 294. И спрятав когти, осторожно, / Топтыгин обнимал меня, / И слезы, как смола из пня, / Катились по щекам бурнастым... 13,31.

бухлый, прил. *Влажный, волгалый*. СРНГ, 3, 323. Солнце спит / Теленком рыжим на дорожке. / И веет гроздью терпко-винной / От бухлых слизистых раakit. 10,453.

бучило, ср. *Ящик, в котором кипятят льняное бельё в щёлоке для отбеливания*. СРГК, 1, 149. Вечерние зори – ширинки в бучиле. 11,135.

бытиться*, несов. *Везти (об удачливом человеке)*. СРНГ, 3, 352: **бытить**. Жировалось, бытилось братанам Елисеевым, / Налимьей ухой текла Молога синяя, / Не было помехи игрищам затейливым, / Саянам-сарафанам, тройкам в лунном инее. 12,244.

валежина, собир. *Валежник*. СРГК, 1, 158. Эво, на валежине, словно угли в жарнике, / Половеет лапчатый золотой стихарь... 10,277.

вдомек, безл.-предик. *Известно, понятно тому, кто догадался*. Д., 1, 173. Не клонись, вещунья-травка, / Без тебя вдомек уму: / Я – посадская чернавка, / Мил жирует в терему. 10,168

ведкий*, прил. *Обладающий тайным, мистическим знанием*. Непомерное ведкое слово! 13,37.

ведок*, м. *Колдун, знахарь*. И вот Аринушка с Васихой, / Рогатиной на злое лихо, / Приводят в горенку ведка, / В оленьих шкурах старика, / В монистах из когтей медвежьих. 13,16.

ведро, ср. *Сухая солнечная погода*. Д., 1, 174. На сивом плесе гагарий зык, – / Знать, будет ведро и зной велик. 10,242. И славил ведро гагарий зык. 10,243.

ведун, м. 1. *Колдун, волшебник*. Д., 1, 330. А уж ведун на задних крыльцах. 13,16. 2. *Перен. Человек, владеющий духовным знанием и поэтическим мастерством*. И конь бы радовался сбруе, / Как песне непомерный Клюев! / Он жив, олонецкий ведун, / Весь от снегов и выюжных струн / Скуластой тундровой луной / Глядится в яхонт заревой! 10,445. Ср. Д., 1,330: **ведец**, м. *Мастер, знаток, искусник*.

ветье, ср., собир. *Ветки*. На помин зеленой иве часто ветье заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена». 10, 241.

водополь, м. и **водополье**, ср. *Разлив, половодье*. СРГК, 1, 215. По вечерам коровьи вздохи / Снотворней бабкиных речей: / «К весне пошло, на речке глыбко, / Буренка чует водополь...» 10,280. Повернет небесный кит / Хвост к теплу и водополью... 10,225.

водоскат, м. *Водосток, приспособление для стока воды (труба, желоб)**. Мы готовим ароматы / Из березовой губы, / Чтоб помазать водоскаты / У Марииной избы. 10,466.

водяник, м. *Мифическое существо, живущее в воде; водяной*. Водяник прядет кудель, / Что волна, то пасмо пряжи... 10,224.

воздынуть, сов. *Поднять*. СРГК, 1, 218. И Лопский погост – многоглавый петух – / На кедровом гребне воздынет кресты. 12,316.

волвянка, ж. *Гриб-груздь*. СРНГ, 5, 37: ср. значения. СРГК, 1, 221: **волванка**. И, брашен солнечных вкусив, / Набрать младенческих волвянок. 10,257. Али корба хвойная с бубенцами шишек, / С рушниками-зорями просини милей, / Красики с волвянками слаще звездных пышек. 10,277.

волевать, несов. < волю волевать. *Своевольничать, распутничать*. СРГК, 1, 221. СРНГ, 3, 38. Было б друженьке где волю волевать, / В сарафане-разгуляне щеголять. 10,267.

волжонный*, прил. *Сделанный из прута таволги, таволжанный*. Д., 1, 232: **волжанный**. К утру-свету лен повыпряди, / У портищ чтоб были строчены рубцы, / Гасник шелковый с кисточкою, / Ещё пугвица волжонная... 10,229.

волок, м. *Дорога, путь между сёлами, населёнными пунктами; отрезок пути*. СВГ, 1983, 79. СРНГ, 1970, 5, 49. По разливам, по заглазьям, лукоморьям / В светлый Град проложен путь Егорьем. / Тем бы волоком достигнуть околицы, / Вышли бы устрет все богородицы. / Семхозерная, Толгская, Запечная. 13,28. На песке реки таежной / След от крохотных лапотцев – / Хитрый волок соболиный. 13,5.

вольтота, ж. *Свобода, удобство, благоприятные обстоятельства*. Д., 1, 239. Милостыня сота – / Будет душеньке вольтота / Хозяину в дому, / Как Адаму во раю, / Детушкам в дому, / Как орешкам во меду! 11,71.

вольтотно, безл.-предик. *Хорошо, легко, свободно*. Вольтотней бы на поклоне в Золотую Орду / Изведать ятагана с ханской насечкой! 11,177.

вопь*, ж. Крик, взывание с жалобой, мольбой, плач. Д., 1, 241: **воп, вопа, вопль**. О, русская сладость – разбойника вопь – / Идти к красоте через дебри и топь / И пестер болячек, заноз, волдырей / Со стоном свалить у Христовых лаптей! 12,316.

ворог, м. *Враг*. Лежит он в логу, окровавлен чекмень, / Не выведаль ворог про чудо-кистень!» 10,183.

впоследствии*, нареч. *Под конец, впоследствии*. СРГК, 1, 239: **впоследку**. Трущобы хвойная рука / Впоследствии шарит по кибитке, 13,12.

всколыбнуться*, сов. *Закачаться, заколеться внезапно**. Д., 2, 144: **колыбать**. Всколыбнулося било вселенское, / Взявляли гласы серафимские. 6,75.

встрепыхаться, сов. *Тревожно зашевелиться, завестись, хлопотать*. Д., 1, 270. Чаицы, гагары встрепыхались. 12,336.

втымеж*, нареч. *В ту пору, в то время*. На помин зеленой иве часто ветье заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена, / А как ива облетит, втымеж я буду убит». 10,241. СРНГ, вып. 5, 225: **втамеж**.

выжлец, м. *Гончая собака. Здесь образно. Баба Василиста / На язык речиста, / Как выжлец у сала, / Мерином заржала. 10,239. Пес, выжлец!.. 13,17. Ах он выжлец, кобель саврасый! .. 13,17.*

выструг*, м. *Выступ, лавка? На выструге ж в светлице, / Где будут зори шиться, / Для гостыюшки покой. 13,19.*

вытыкать, несов. *Ткать. СРГК, 1, 306. «Помогай те Боже / Вытыкать рогожи!» 10,238.*

вязейка*, ж. *Вязаная вещь, здесь, видимо шаль. СРГК, 1, 320: вязейка, ж. Вязаная шерстяная шаль. Сума же кладом дразнит, / В ней правит тихий праздник / Басменный образок / И с кисточкой вязейка... 13,20.*

гасник, м. *Опушка, пояс у брюк (штанов), юбки. СРГК, 1, 330. К утру-свету лен повыпряди, / У портищ чтоб были строчены рубцы, / Гасник шелковый с кисточкою, / Ещё пугвица волжонная... 10,229.*

гатище, с. *Топкое место, болото. СВГ, 1983, 110. Д., 1, 346: гать, ж. Дорога, проложенная через болота, топи. Как на озере Пододонница, / Зелень кос чеша, гребень выронит, / И пойдет стозвон по зажоринам, / Через гатища, до матерых луд. 6,238.*

глумство, с. *Шутовство, чудачество. Д., 1, 357: глум, м. Шутка, смех, насмешка, забава. Быть тебе, Васиха, / В терему ткачихой, / За глумство-отвагу / Трескать солодьягу. 10, 239.*

глыбкий. *Глубокий. СРГК, 1, 342. А все за грехи, за измену зыбке, / Запечным богам Медосту да Власу. / Тошнехонько облик кровавый и глыбкий / Заре вышивать по речному атласу! 11,176. Но испить до дна не всякий / Может глыбкую страницу. 13,5. Над глыбкой чернью брезг креста / Граненым бледным изумрудом. / Святой Покров, где церковь-чудо! 13,12. Месяц, месяц – селезень зобатый, / Окунись, как в плесо, в глыбкий стих! 10,429.*

гоголий, прил. *Здесь образно: с гордой осанкой*. Д., 1, 364: Относящийся к гоголю (утке). Ср.: ходить гоголем. Не завихрился бы в поле / Подкопытный прах столбом, / Как проскачет конь гоголий / С зарнооком седоком. 10,168.*

гоголиный, прил. *Здесь образно: с гордой осанкой*. Д., 1, 364: Относящийся к гоголю (утке). Ср.: ходить гоголем. У милого – кунья шуба, / Гоголиной масти конь. 10,168.*

головщица, ж. *Управляющая клиросом. Д., 1, 368. Как белый воск, огню покорный, / Сияла матушка... Станицей / За нею хоры с головщицей, Мужицкий велегласный полк. 13,33.*

голубень*, ж. *Голубизна*. Эка зарь, и голубень, и просинь, / Празелень, березовая ярь! / Под коровье треньканье на плесе / Завертит-ся месячный кубарь. 10,429.*

голубец, м. *Надгробный памятник, крест со скатной кровелькой. Д., 1, 371. Что поминальный голубец / Дознает повести конец!.. 13, 17.*

Что ноне дедов души / По зорьке лапти сушат / У голубцов да плит.
13,18.

гонка, м. *Народная игра, по ходу которой деревянный шар закатывают в лунки.* Д., 1, 375. Опосле утушки и белки / Пошли в досюльный строгий шин. / «Я Федор, Калистрата сын, / Отложите прялицу в сторонку!..» И вышла Пашенька на гонку. 13,13

гостибье, с. *В свадебном обряде: первое посещение молодыми родителей новобрачной через несколько дней после свадьбы.* СРГК, 1, 381. Здесь: *пирование.* Я гуляла-пировала круглую неделю / С кудреватым, вороватым, с головой разбойной. По разлуке, по гостибью разума хватилась. 10,207.

грядний, прил. от **грядня** *Передняя комната в избе.* СРГК, 1, 398. Ай да баба-пава, / Грядняя забава... 10, 239.

грудистый, прил. *Грудастый.* 1, 401. Баба Василиста / Хороша, грудиста. 10, 238

губа, ж. *Морской или озёрный залив.* Все реже полесья, безрыбнее губы. 13,37.

гуменница, ж. *Поле, на котором растут кормовые травы.* СРГК, 1, 415. Что ты, нивушка, чернешенька, / Как в нужду кошель, порожнешенька, / Не взрастила ты ржи-гуменицы, / А спелегала – к солнцу выгнала / Неедняк-траву с горькой пестушкой? 10,264.

гуторить, несов. *Говорить, беседовать.* Стрижами над вечерним садом, / Гуторил пестрый бабий рай. 13,16.

дознать, сов. *Узнать что-н. путём расспросов.* СРГК, 1, 473. Скажи, что рысь убила... курку! / Что дознает повести конец!.. 13, 17.

дозорить, несов. *Досматривать, надзирать, караулить.* Д., 1, 454. Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце / Помор за сетью, ткея за донцем, / Петух на жердке дозорит беса. 12,317. И я затрепетал по маме, / О сундуке, где Еруслан / Дозорит сполох-сарафан. 13,31.

долгушка, ж. *Рубаха с длинными рукавами.* Б., 518. Старухи в долгушках, а деды – стога, Их рассказы внукам милей пирога. 10,281.

домовище, ср. *Гроб.* Светит их крестам, криницам, / Домовищам и колодам! .. 13,5.

донце, с. *Прялка.* Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце / Помор за сетью, ткея за донцем, / Петух на жердке дозорит беса. 12,317.

доступить, сов. *Подойти, приблизиться к кому-л., чему-л., преодолевая трудности; пробиться.* По разливам, по заглазьям, лукоморьям / В светлый Град проложен путь Егорьем. / Тем бы волоком доступить околицы, / Вышли бы устрет все Богородицы. / Семиозерная, Толгская, Запечная <...>13,28.

досюльный, -ая, -ое. *Сохранившийся от далёкого прошлого (обычно о фольклоре).* СРГК, 1, 498. СРНГ, вып. 8, 153: *Прежний, старинный.* Прил. к нар. **досюль.** *Прежде, в прошлом, в прежнее время.*

Что куколь розовый во ржи, / Цвели в прирубе посиделки. / Опосле утушки и белки / Пошли в досюльный строгий шин. 13,13. Все девушки: «Ахти-ахти! / Красивее нельзя пройти / Размеренным досюльным шином / Речной лебедушке с павлином!..» 13,14. ДОСЮЛЬНАЯ – *Название песни*. 10,187; Ой, яра кровь орлиная, / Повадка – поступь гульная, / Да чарка злая, винная, / Что песенка досюльная, / Не мимо канет-молвится. 11,67.

дроля, м. и ж. *Милый, любимый*. Вещий знак, что много дроль пригожих / На Руси без милых отдевочат. 6,256.

дыбиться, несов. *Подниматься, стоять*. Д., 1, 506. Чтoб льны дыбились тучней дубрав. 10,243.

жадобный, *обычно в обращении. Желанный, дорогой*. 2, 31. А купчик млад / В избу, как кречет, уходу рад. / Чтoбы с жадобным уснуть часок, / Сымает Зорька ему сапог. 10,242. Чтoбы девку не сушила сухота, / Без жадобного не сгибла б красота. 10,237. Сядь, моя жадобная, в сарафане сборчатом, / В камчатом накоснике, за послушный лен. 10,277.

жарник, м. 1. *Чугун, в котором гасят угли*. СРГК, 2, 38. Эво, на валежине, словно угли в жарнике, / Половеет лапчатый золотой стихарь... 10,277. 2. *Огонь в печи? Очаг?* Здынься по крылечичу к жарнику приветному, / От росы да мокрети лапти обсуши! 10,278.

жаровый, -ая, -ое *Сухой, высохший (о дереве)*. СРГК, 2, 39. Сучит оборы жаровый пень, / И ткет онучи чернавка-тень. 10,242.

жердка, ж. *Длинная тонкая палка, жердь*. Здесь – *насест для кур*. СРГК, 2, 50. Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце / Помор за сетью, ткея за донцем, / Петух на жердке дозорит беса. 12,317.

жировати, несов. *Жить, существовать*. // *Жить в достатке, ни в чём не нуждаясь*. Д., 1, 543. Ах, брусяные хоромы, / В вас кому ли жировати, / Красоватися кому? 10,187.

жировой, -ая, ое. *Жировая пчела. Бесплодная матка у пчёл*. Д., 1, 543. Златой же удел – быть пчелой жировой, / Блюсти тайники, медовые срубы. 11,176.

жубровать, несов. *Тихо, невнятно говорить, здесь – петь, ворковать*. Д., 1, 546. Петухи поют дворовое, / Пташки жубруют садовое. 12,44.

зажорина, ж. *Подснежная вода в яме, на дороге*. Д., 1, 578. Как на озере Пододонница, / Зелень кос чеша, гребень выронит, / И пойдёт стозвон по зажоринам, / Через гатища, до матерых луд. 6,238.

зазноба, м. и ж. *Любимый, возлюбленный*. Он поблек, как щеки ненаглядной / На простинах с воином-зазновой. 6,256.

загуменье, с. *Пространство за деревескими гумнами*. * На загуменье ж поступь железная – / Полуночный Егорьев дозор. 10,268.

заломать, сов. *Сломать*. СРГК, 2, 152. На помин зеленой иве часто ветье заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена». 10,241.

закомара, ж. *Декоративное полукруглое завершение наружных стен здания*. СПЛСР, 1, 216. Лемехом свинчатый крыли кровлища, / Закомары, лазы, переходища. 12,336.

заполоветь, сов. *Пожелтеть, поблѣкнуть*. Д., 3, 263. Заполовели у древа щеки, / И голос хлябкий, как плеск осоки, / Резчик учуял: «Я – Алконост, / Из глаз гусиных напьюся слез! 12,314.

зарный, -ая, -ое. *Яркий, как зарево*. Д., 1, 627. Да погасла зарная свеченька, моя лесная лампадка, / Ушел ты от меня разбойными тропинками! 11,175.

звончатый, -ая, -ое. *Звонкий*. Ты пошто, гармонь звончатая, / До поры обезголосилась. 12,44.

знобняк* м. *Подмаренник болотный*. Зелинская, 107. Первый зык дурманней кос девичьих / У ручья знобняк-цвет учуял. 6,256.

зобать, несов. *Есть*. СРГК, 2, 256. У Степаниды, веселой Насти / В коклюшках кони живых брыкастей, / Золотогривы, огнекопытны, / Пьют дым плетены и зоблют ситный. 12,314.

зыбка, ж. *Колыбель*. А все за грехи, за измену зыбке, / Запечным богам **Медосту да Власу**. / Тошнехонько облик кровавый и глыбкий / Заре вышивать по речному атласу! 11,176.

издалеча, нареч. *Издалека*. Как по этой ли дороге воевать милой ушел, / Издалеча слал поклоны, куньей шапкою махал. 241.

изочина, ж. *Отчество*. СРГК, 2, 285: **Изотчина**. Опосля на нем – внукам памятку – / Пишут теслами год родительский, / Чертят прозвище и изочину, / На суклин щербят кость Адамову... 6,237.

калига, ж. *Обувь странника, лоскут кожи, затянутый по подъёму ремнём*. Д., 2, 78. В калигах и в посконной рясе, / В пузатом сумском тарантасе, / От хмурой Колы на Крякву / Я пробирался к Покрову. 13,32.

каньга, ж. *Лопарская обувь в виде полусапожек*. Г., 1004. У нас в узорных черемисах / Бобер на шапках, каньги в лисах. 14,99.

касатый, ая, ое. ? *Стриж летит над колокольнею, / Канет ласточка касатая – / Стонет медь позеленевшая, / Больно крыльями задетая*. 12,43.

кика, ж. *Головной убор крестьянки, род повойника*. Д., 2, 107. Я рядилась в уборы – в дорогую кикку, / Еще в алу косоплетку – по любезну память. 10,207.

кликать, несов. *Звать*. Только мне, неприголубленной, / Кликать некого в окошечко. 12,44.

колода, ж. *Выдолбленный из толстого дерева (колоды) гроб, обычно используемый среди старообрядцев.* Д., 2, 138. Светит их крестам, криницам, / Домовищам и колодам! .. 13,5.

колдобойна, ж. *Большая глубокая яма.* Д., 2, 135. Клад хоронился в тайнике, / А ключ в запечном городке / Жил в **колдобойне** кирпичной, / И лишь по нуде необычной / На свет казал кротовые рыльце. 13,34.

команика, ж. *Куманика или морошка.* СРГК, 2, 409: **команица**. Нудят сердце болью нежной, / Как слюду в резном оконце, / Разузорить стих сурьюмою, / Команикой и малиной. 13,5.

корба, ж. *Чаща, непроходимый лес.* 2, 420. Уж вы плящие, ярые свечи, / Темны корбы ли вами палити? 10,240. Заблудилось солнышко в корбах темнойвойных. 10,277. Али корба хвойная с бубенцами шишек, / С рушниками-зорями просини милей. 10,277.

косоплетка, ж. *Лента, реже – тонкая тесьма, шнурок, вплетённая в конец косы.* 2, 442. Я рядилась в уборы – в дорогую кичу, / Еще в алу косоплетку – по любезну память. 10,207.

кошница, ж. 1. *Корзина, плетёная сумка.* Д., 2, 183. СРНГ, вып. 15, 153. И ангелы, златя убором / Лохмотья елей, ржавь коряжин, / В кошницу из лазурной пряжи / Слагали, как фиалки, души. 11,227. 2. *Сокровищница, множество чего-л. ценного, красивого.** (Ср. кошной, -ая, -ое. 1. *Красивый.* 2. *Добрый.* 3. *Чистый.* 4. *Хороший.* СРНГ, вып. 15, 153; СВГ, 1987, 117: 1 знач. Подивись же на меня, Европа – / Я кошница с перлами Антропа! 11,148; Кошница яблок и сирени, / Где встарь по соловьям гадали, – / Чернигов с Курском – Бык из стали / Вас забодал в чуму и в оспу. 11,229. 3. *Множество, большое количество*.* Кошница дев, и сонм героев ратных / В моих зрачках томятся по Тебе. 7,153; Есть Демоны чумы, проказы и холеры, / Они одеты в смрад и в саваны из серы. / Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей, 11,228. 4. ? Здравствуй, вечер, сумерек кошницы, / Холод рук и синяя сирень! 10,430.

красик, м. *Гриб рыжик.* СРГК, 3, 10. Чтоб рос под елью малыш-красик. 10,243. Али корба хвойная с бубенцами шишек, / С рушниками-зорями просини милей, / Красики с волвянками слаще звездных пышек. 10,277.

легота, ж. *Уменьшение тягот, трудностей; облегчение, свобода.* СРГК, 3, 105. Д., 2, 423. Покуль старища Спасу плакались, / На кажину тварь легота нашла. 6,238.

левантин, м. *Восточная шелковая ткань.* Д., 2, 242. Я по алу левантину / Расписной разброшу стёг, / Вышью Гору Соколину, Белокаменный острог. 10,267.

левантиновый, -ая, -ое. *Сшитый из левантина.* Д., 2, 242. Вышиваю для милова / Левантиновый кисет. 10,267.

легота, ж. Уменьшение тягот, трудностей; облегчение. СРГК, 3, 105. Покуль старица Спасу плакались, / На кажину тварь легота наша. 6,238.

летнина, ж. Летняя шерсть животного. СРГК, 3, 118. Скидает летнину хорек. 10,244.

леха, ж. 1. Полоса пашни, посева; борозда; вешка для указания границ участка на пашне. Где бабкина пряжа – пришельцу вежа: / Нырни в веретенце, и нитка-леха / Тебя поведет в Золотую Орду. 10,312. 2. Деталь сохи или плуга. Повыковать плуг – сошники Гималаи, / Чтоб чрево земное до ада вспахать, / Леха за Олонцем, оглобли в Китае, / То свет неприступный – бессмертья печать. 10,406.

лешужный, -ая, -ое. Относящийся к лешу. В нем ни ката, ни база-ра лешужного. 12,210.

лешуга, ж. Мифическое лесное существо. И таежный звонарь – хохлатая лешуга, / Усевшись на суку, заодно пучит зоб. 10,253. Тыщу лет и Лембэй пущей правит, / Осенщину-дань собирая с твари: / С зайца шерсть, буланный пух с лешуги. 6,255.

листодер, м. Осенний холодный ветер, северо-восточный, дующий с начала сентября и обнажающий деревья. Д., 2, 255. СРГК, 3, 130. Скупцу ж листоде-ру чрез мокреть и гать / Велю золотые ширинки постлатъ. 10,271.

лихо, с. Беда. Как пошла Васиха / Слободе на лихо / Бёрда наживати, / Самобранку ткати. 10,238.

личко, ср. Ум.-ласк. к **лицо**; **личико**. Покуль белое личко уываю – Мне изюмный калачик испечен, / Покуль в цветное платье обряжаюсь – Мне-ка чарочка меду подана. 11,61.

ловитва, ж. Ловля. Д., 2, 261. Как плахой, поражен ловитвой, / Я пролил вопли к жертве ада. 11,226.

лодейный / **ладейный**, -ая, -ое. К ладье относящийся. Д., 2, 233. Просинь – море, туча – кит, / А туман – **лодейный** парус. 10,224.

лыжня, ж. Лыжный путь, след; лыжня. Д., 2, 275. Как златно-бурую лису / Полесник чует по умётам, / Не правя лыжницу болотом. 13,42.

лоский, -ая, -ое. Отливающий блеском, лоснящийся. СРГК, 3, 150: **лоснутый**, **лоснучий**, **лосны**, **лоснявый**, **лоснястый**, **лоснятый**, **лоснячий** < **Лоса**, **Лёсо**. Спокойная поверхность воды, гладь. СРГК, 3, 149. > **Лосеть**. 1. Успокаиваться, затихать (о море, ветре). 2. Делаться гладким, отливать блеском. СРГК, 3, 149. Эти гусли – глубь Онега, / Плеск волны палеостровской, / В час, как лунная телега / С грузом жемчуга и воска / Проезжает зыбью лоской. 13,4. Лоски на стли-цах холсты. 10,214.

луда, ж. *Каменистая или скалистая отмель*. СРГК, 3, 154. Как на озере Пододонница, / Зелень кос чеша, гребень выронит, / И пойдет стозвон по зажоринам, / Через гатища, до матерых луд. 6,238.

лукоморье, с. *Морской берег; излучина*. Д., 2, 272. По разливам, по заглазьям, лукоморьям / В светлый Град проложен путь Егорьем. / Тем бы волоком достигнуть околицы, / Вышли бы устрет все Богородицы. / Семиозерная, Толгская, Запечная. <...> 13,28.

любовать, несов. *Рассматривать с интересом, любоваться*. // *Рассматривать, выбирая*. СРГК, 3, 167. Любовал Онорий высь нагорную / Повестроить церковь соборную. 12,336.

ляга, ж. *Заболоченное место, топь, трясина*. СРГК, 3, 172. Он для меня покинул сруб / Среди болотных ляг и чарус. 13, 33.

лядина, ж. *Покинутая и заросшая лесом земля*. Д., 2, 286. Пахнуло смольным медом / С березовых лядин... 10,173.

марь*, ж. *Туман, мгла, муть*. Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных, / Износило лапчатый золотой стихарь: / Не бежит ли красное от людей разбойных, / Не от злых ли кроется в сутемень да в марь? 10,277.

матерый, ая, -ое. *Относящийся к руслу или к гористому берегу реки*. Д., 2, 305. Как на озере Пододонница, / Зелень кос чеша, гребень выронит, / И пойдет стозвон по зажоринам, / Через гатища, до матерых луд. 6,238.

матица, ж. *Балка, брус поперёк всей избы, на котором настлан накат, потолок*. Д., 2, 306. На матице ожила карлиц гурьба, / Топтыгин с козой – избяная резьба. 10,183.

мглица, ж. Ум.-ласк. к **мгла**, т.е. *туман*. Уж мглицы да потемы / Закутали хоромы / В косматый балахон. 13,19. На завалинах рать сарафанная, / Что ни баба, то горе-вдова; / Вечерами же мглица багряная / Поминальные шепчет слова. 10,268.

медносорчатый, -ая. *О гармонии с медными уголками, которые крепят сборки (мехи)*. Г., 1013. Ах, тальянка медносорчатая, / Голосистая, узорчатая. 10,237;

медынь, ж. *Луговая трава с медовым запахом*. Г., 1013. Стучат сердечные песты, / И жернов-дума мерно мелет / Медыни месяца, метели / И вести с Маточкина Шара. 13, 33.

мерда, ж. *Рыболовная снасть в виде воронки, сплетённая из прутьев или ниток*. СРГК, 3, 223. Лещ с Мегры, где ставят мёрды, / Бок изодран в лютой драке. 13,4.

мигач, м. *Тот, кто любит подмигивать; // волокита*. Д., 2, 325. Рассвет-кудрявич, лихой мигач, / В лесной избушке жует калач, 10,242.

могилице*, с. *Могильный памятник, надгробие*. Становилася нища братия / На велик камень, со которого / Бел плитняк плитят на могилице. 6,237.

можежевьель, м. *Можжевьельник, хвойный кустарник, которым посыпают путь при похоронах.* Д., 2, 338. К коленям материнским путь / Пестрел ромашкой, можежевелем. 13, 33.

мрежа, ж. *Рыболовная сеть.* Д., 2, 319. Мысленные мрежи, / Слуха вертоград, / Глуби Заонежий / Перлами дарят (10,465).

муравчатый, -ая, ое. *Глазурованный. С поливкой.* Д., 2, 359. Ты согрева – муравчата лежанка, / Не смолой ли тебя растопити? 10,240

мызглый, ая, ое. *Затасканный, потрёпанный.* Д., 2, 364: **мызгать**, **несов.** *затаскивать, занашивать, истирать.* Ну, что же?! – Не будет голым / Тот, кого проклял Бог, / И ведьма с мызглым подолом – / Софией Палеолог! 12,249.

наживати, **несов.** *Собирать.* СРГК, 3, 319. Как пошла Васиха / Слободе на лихо / Бёрда **наживати**, / Самобранку ткати. 10,238.

накатный, -ая, ое. *Относящийся к накату, то есть настилу досок поверх балок для пола или потолка.* Д., 2, 421. По брусной новой горнице, / По накатной половичине / Разудалый ходит походом, / Голосит слова ретивые. 10,187.

накосник, м. *Головной убор девушки, повязка или лента в косу.* Д., 2., 173. Г, 1015. Сядь, моя жадобная, в сарафане сборчатом, / В камчатом накоснике, за послушный лен. 10,277.

налеп, м. *Гипсовое лепное украшение.* Г., 1015. Крыльцо. СРГК, 3, 345. Узорили налепами да бусами, 12,336.

налобник, м. *В конской узде: поперечный ремень на лбу.* Д., 2, 435. Как влачит по ночным перелесицам / Сполох-конь аксамитный чепрак / И налобником ясным, как месяцем, / Брезжит в ельник, пугаючи мрак. 10,269.

неедняк, м.* *Всякая сорная трава.* Зелинская, 106. Что ты, нивушка, чернешенька, / Как в нужду кошель, порожнешенька, / Не взрастила ты ржи-гуменицы, / А спелегала – к солнцу выгнала / Неедняк-траву с горькой пестушкой? 10,264.

неладный, -ая, -ое. *Негодный, недобрый.* Д., 2, 521. Таково ли молоденьке за неладным мужем, / Как за вороном касатке, годы коротати. 10,207.

нерполов*, м. *Тот, кто ловит нерпу (разновидность тюленей).* То Федя – нерполова сын / Идет в метелицу один. 13,17.

ноне, нареч. *В настоящее время, теперь.* СРГК, 4, 38. Знать, того ты сробел до смерти, / Что ноне годочки пошли слезовы. 11,176.

нонева, нареч. *В настоящее время, теперь.* СРГК, 4, 38. Ах ты, горенка – светлая сидельня, / Мне-ка нонева не до рукоделья, / А еще не до смирных беседы! 10,240.

норовиться, **несов.** *безл. Нравиться.* СРГК, 4,41: *норовиться 'стараться, стремиться сделать что-н.'* Чтoб голубке норовилося, /

Сизу-голубю любилосся, / Старцу ветхому, преклонному / По Писанию молилося. 12,45.

ночинна, ж. *Вечернее, ночное летнее гулянье молодёжи.* СРГК, 4, 49: **ночна**. Собиралися в ночнину, / Становились в тесный круг. / «Кто старшой, кому по чину / Повести за стругом струг?» 10,197.

нуда, ж. *Надобность, необходимость.* СРГК, 4, 52: **нужа**. Клад хоронился в тайнике, / А ключ в запечном городке / Жил в колдобоине кирпичной, / И лишь по **нуде** необычной / На свет казал кротовые рыльце. 13,34.

нудить, несов. *Принуждать, заставлять.* Д., 2, 559. Нудят сердце болью нежной, / Как сюду в резном оконце, / Разузорить стих сурью, / Команикой и малиной. 13,5.

обезголоситься, сов. *Лишиться голоса, охрипнуть.* Ты пошто, гармонь звончатая, / До поры обезголосилась. 12,44.

ободворный, -ая, -ое. *Относящийся к участку возле дома.* СРГК, 4, 96: **Ободворина**. Ободворица. **Ободворок**. **Ободворье**. **Ободворочный**. Открою завтра же калитку / На ободворные зады. 13,23.

оболочь, сов. *Одеть кого-н. во что-н.* СРГК, 4, 101. В епанчу, поверх кольчуги, / Оболоч Размыка стан. 10,197.

обрада, ж. *Радость. Образовано от обрадеть – обрадоваться.* СВГ, 1990, 127. Д., 2, 445: **обраденье**. Вот они, отчие борозды, – / По-сеешь усатое жито, / А вырастет песен сыта! / На обраду баба с пузаном – / Не укрыть извозным кафтаном, / Полгода, а с телку весом. 12,304.

обряд, м. *Наряд.* Д., 2, 618. И баба пошла – прощальный обряд, – / Платок не по брови и речью соромна. 13,37.

обрядить, сов. *Одеть, нарядить.* Д., 2, 618. Сгонит с облика белила и сурьму, / Не обрядит в расписную бахромю. 10,267.

обряжать, несов. *Одевать, наряжать.* Д., 2, 618. Ах вы, сукна-заволоки, / Вами сосны ли крутити, / Обряжать пути-мосты? 10,187.

обряжаться, несов. *Одеваться, наряжаться.* Д., 2, 618. Покуль белое личко умываю – / Мне изюмный калачик испечен, / Покуль в цветное платье обряжаюсь – / Мне-ка чарочка меду подана. 11,61.

овершьє, с. Верхняя, внешняя часть чего-либо*. СРГК, 4, 129: *Верхний слой сена в стогу.* Еще дитятку Алешеньке / Зыбку с пологом алешеньким, / Чтобы полог был исподом канифас, / На овершьи златоризый чудный Спас. 4,21.

овинник, м. *Строение для сушки снопов перед молотьбой; овин.* СВГ, 1993, 17. Плакал дымом овинник, а прясла солому / Пускали по ветру, как пух лебединый. 11,175.

овсень, м. 1. *Первый день весны; 1 марта в Древней Руси начинался новый год.* Г., 1016. «Овсеня кликать да весну / Ты будешь ли, учитель светлый?». 13,40. 2. *Величально-поздравительная песня ма-*

гического характера, исполняемая во время колядования. Б., 527. И первой песенкой моей, / Где брачной чашею лилея, / Была: «Люблю тебя, Рассея, / Страна грачиных озимей! « И ангел вторил: « Буди, буди! / Благословен родной овсень! / Его, как розаны в сосуде, / Блюдет Христос на Оный День!» 12,282.

овчарник, м. *Овчарня*. СРГК, 4, 133. Я родился не в башне, не в пагоде, / А в лугу, где овчарник обительский. 12, 157.

огневица, ж. *Горячка*. Д., 2, 645. В желтухе Царьград, в огневице Калуга. 11,100; <...> проказа со скребницей, / Чтоб утолить колтун палящей огневицей. 11,228.

Огневище, *Костёр, огонь, разведённый в поле*. СРГК, 4, 137. Стихи-огневища о милой невесте. 9,10.

одежа, ж. *Одежда*. По одеже он купецкий сын, / По обличью парень-пахотник. 11,177.

ожерелок, м. *Ошейник*. СРГК, 4., 163. С шеи Солнца бобчатую гривну / Кобелю отдам на ожерелок. 6,252.

оконница, ж. *Оконная рама*. Д., 2, 664. Ненароком заглянешь в оконницу – / Видишь въявь, как от северных вод / Копьеносную звездную конницу / Страстотерпец на запад ведет. 10,268.

окрай, *предл., с род. пад. Возле, около*. СРГК, 4, 188. Как лебедь в первый час прилета, / Окрай проталого болота, / К гнезду родимому плывет. 13,9. И увидал я государя. / Он тихо шел окрай пруда. 13,39.

омежа, ж. *Граница земельных участков, межа*. СРГК, 4, 199. С той поры полевые омежи / Дыбят желчь и траву костолом. 13,38.

омежек, м. *Граница земельных участков, межа*. 4, 199. Спят за омежками риги. 10,214; Луговые потемки, омежки, стога, / На пригорке ракита – сохачьи рога. 10,245; Что ты, нивушка, чернешенька, / <> Оттого я, свет, чернотой пошла, По омежикам замуравела. 10,264.

онучи, мн. *Портянки*. Сучит оборы жаровый пень, / И ткет онучи чернавка-тень. 10,242.

опашень, м. *Верхняя летняя мужская одежда; широкий долгополый кафтан с короткими широкими рукавами*. Тебе бы сад с калиткой / Да опашень враскидку / У лебединых вод. 11,137.

опеть, сов. *По суеверным представлениям, криком петуха отогнать нечистую силу*. СМ, 307. И тетушка Анна отрез / Снесла под куриный навес, / Чтоб петел обновку опел, / Где дух некрещеный сидел. 13,8.

ополдён нар. *В полдень*. СРГК, 4,217. Сторона наша забытая, / Бездорожная, окольная, / Ополдён некрасовитая, / На закате беспотёмная. 12,60.

ополночь, нар. *В полночь*. Д., 2, 682. Ополночь бабкино страданье / Взошло над бедною избой / Васяткиною головой. 12,330.

опружить, сов. *Вылить, вывалить содержимое.* 4, 227. Черпанул старик воды из Камы, / Черпанул с Онеги ледовитой, / И, дополнив ковш водой из Дона, / Три реки на каменку опружил. 6,256.

осеница, ж. *Пасмурная холодная осенняя погода.* Д., 2, 696. Потом на каменной заслонке / Зарочный плат вручат огню, / Чтоб осенницей новоженке / Запелось «баюшки-баю!» 14,99.

осмердить, сов. *Перен. Осквернить.* Тут ниспала полынная звезда, – / Стали воды и воздуха желчью, / Осмердили жизнь человечесю. 13,28.

осочье, с. *Многолетняя болотная трава с упругими длинными и узкими листьями, осока.* СРГК, 4, 251. Лютое поле, осочье шумливое / Полнятся вестью, что умерла мать. 10,210.

остожье, ср. *Специально приготовленное для стога место; втыкаемый в землю шест, вокруг которого смётывается стог.* СРГК, 4, 259. Я люблю остожья, грай сорочий, / Близь и дали, рощу и ручей. 10,219.

острупеть, сов. *Одолеть; покрыться струпьями.* Д., 2, 707. Вот и острупел ты веселой скукой / В кабацком буруне топить свои лодки! 11,176

отдевочить, * сов. *Провести время до замужества.* СРГК, 4, 288. Вещий знак, что много дроль пригожих / На Руси без милых отдевочат. 6,256.

отишье, с. *Тишь, тишина.* Д., 2, 726. Негде нищему куса вымолить, / Малу луковку во отишьи съесть? 6,238

откуль и откуля, нареч. *Откуда.* СРГК, 4, 302. «Откуля, добротот?» – «С Владимира-Залесска...». 10,358.

отмыкать, сов. *Перестать; закончить труд, страдания.* Д., 2, 739. Аль и солнышко отмыкало / Болеть нив и бездорожий / И земле в поминок выткало / Золоченные рогожи? 10,262.

отплакать, сов. *В свадебном обряде: проводить невесту с плачем, причитаниями из родительского дома.* СРГК, 4, 317. Лучина отплакала смолю, / Ендова показала течь, / И на гостя с тупою болью / Дымоходом воззрилась печь. 12,307.

отступка *, ж. **Без отступки.** *Неотступно.* Одна изба кольчужной рубки / Стоит пред роком без отступки, / И ластами в бугор вперясь, / Все ждет, когда вернется князь. 13,34.

охобень, м. *Старинная длинная верхняя одежда; верхняя крестьянская одежда, сермяжный зипун.* Д., 2, 630. На повозной паре / Ехали бояре, / Охобни бобровы, / Сами чернобровы: / «Помогай те Боже / Вытыкать рогожи!» 10,238.

очап, сущ. *Прикрепляемый к потолку деревянный шест, на котором висит и качается детская колыбель, а также сама детская колыбель.* СРГК, 4, 352. И очап скрипит. / Пахнет кашей, свивальником, /

И чутется тяжесть осенней земли. 7,110. Сладчайшее Чадо в моря спеленай, / На очапе радуги зыбку качай! 7,157. Чтоб не пустовали ясли Мира – Великого Единорога. – / Чтобы мерна была жвачка Гималайнозубых полушарий, / (Она живет в очапе и в ткацком донце). 5,108.

ощерый, -ая, -ое. *Оскаленный*. Д., 4, 656. Вон леший – бороденка козья – / Нырнул в ощерое дупло! 13,12.

пабедок, м. *Послеполуденный приём пищи до обеда или после, а также время суток, приближающееся к вечеру*. СРГК, 4, 363. Братья, это наша крестьянская, красная культура, / Где звукоангелы сопостники людских пабедок и просонок! 5,107.

парусовый, -ая, ое. *Перен. Развешивающийся подобно парусу*. И погрузив лицо в сиянье / Рассветной тучки на убрусе. / Я поклонился прядю русой / И парусовой бороде. 13, 33.

пасмо, ср. *Единица счёта пряжи в разных местностях (в 30, 40, 60, 90, 120 ниток*. СВГ, 1997, 13. СРНГ, 1990, вып. 25, 258. Водяник прядет кудель, / Что волна, то пасмо пряжи... 10,224.

пахотник, м. *Пахарь*. Д., 3, 25. По одеже он купецкий сын, / По обличью парень-пахотник. 11,177.

паскарага, ж. *Ангельская птица*. Ты прими-ка, матушка Планида, / Во персты отмычки золотые, / Пробудившись, райскими ключами / Отомкни синь-камень несекомый, / Вызовь ты из каменной неволи / Паскарагу, ангельскую птицу, / Супротив стожарной Паскараги / Бирюча на белом свете нету!... 6,254. Ср.: СРНГ, вып. 25, 255: 1. *Птица сойка (или лесная сорока)*. Вытегор. Олон. 2. *Птица дрозд*. Петрозав. Олон.; Зелинская, 111: *ворон* [6].

пачерага, ж. *Рыба. Какая?* Все прибывали китежане, – / От Ясных Ляг, где гон кабаний. / Из городища Турий Лоб, / И от Печёр, где узел троп / Подземной рыбы пачераги, / Что роет темные овраги, / Бездонный чарус, родники... 13,35.

пегана, ж. *Пегая лошадь*. Ах, пегана у цыгана, сани на базаре. 10, 208.

пеганка. *Пегая лошадь*. СРГК, 4, 419. «Еще станешь ли, негодный, на гульбу возити?» / – «Ой, боярыня-жена, буду на пеганке!» 10,208.

пеганый, прил. *Пегий; седой; серый; полосатый // неоднородный по цвету*. СРНГ, вып. 25, 312. СРГК, 4, 419. Полощется в озере маковый свет, / В пеганые глубы уходит столбом / До сердца земного, где праотцов дом. / Там, в саванах бледных, соборы отцов / Ждут радужных чаек с родных берегов: / Летят они с вестью, судьбы бирючи, / Что попрана Бездна и Ада ключи. 10,282

пелегать, несов. *Нежить, холить, баловать; растить*. СРГК, 4, 421. Иртыш пелегает тигренка – / Васильева в полынном шелке... 12,276.

перелесица, ж. *Перелесок*. <...> Как влачит по ночным перелесицам / Сполох-конь аксамитный чепрак / И налобником ясным, как месяцем, / Брезжит в ельник, пугаючи мрак. 10,269.

палить, несов. *Жечь*. Не палила б мои кречеты глаза / Неумная капучая слеза! 10,237.

перёный. *Имеющий перила*. СРГК, 4, 458. Но предоволен прозорливец, / На рундуке перёных крылец / Семь крат положено метанье. 13, 33.

пестрядный, -ая, ое. *Сделанный из домотканого разноцветного полотна*. СРГК, 4, 488. Голубокий и пригожий, / Смолисторудый, пестрядной, / Мне улыбался край родной, 13, 33.

пестушка, ж. *Растение хвощ полевой*. СРГК, 4, 489: **пестух и пестуш**. Д., 3, 105: **пестышек**. Что ты, нивушка, чернешенька, / Как в нужду кошель, порожнешенька, / Не взрастила ты ржи-гуменицы, / А спелегла – к солнцу выгнала / Неедняк-траву с горькой пестушкой? 10,264.

писанка, ж. *Кисть. Проволочный крючок, который макают в воск; расписанный им предмет, положенный в краску, окрашивается только в пробелах*. Д., 3, 113. И в стружках липовых лошкарь / Старобрядчесний тропарь / Малюет писанкой на ложке! 13,40.

плотка, ж. *Кресало для добывания огня*. СРГК, 4, 549. Во леса ступить – зверю мир нести, / Не держать огня, трута с плоткою, / Что ль того ножа подорожного. 6,239.

плящий, -ая, -ое. *Палящие, жгучие, очень яркие*. Обр. от глаг. *Плить. Палить*. Д., 3, 126. Уж вы плящие, ярые свечи, / Темны корбы ли вами палити? 10,240. 2.

повадиться, сов. *Стать обычным, зачастить*. СРГК, 4, 575. Он повадился телке недужной / Приносить на копыто пластырь. 10,352.

повалуша, ж. *Общая спальня; холодное помещение, куда вся семья уходила на ночь из топленной избы*. Д., 3, 141. По горенкам и повалушам / Слонялся человекчий сброд. 12,327.

поваренка, м. *Большая разливная ложка*. Д., 3, 141. А давно ли нянюшка ворожила-баяла / Поваренкой вычерпать поморья-океаны. 12,244.

повойница, ж. *Головной убор замужней женщины*. СРГК, 4,595: **повойник**. И без повойницы расплошкой / У нас не видывана баба! 13,32.

подзор, м. *Деревянные резные украшения*. Д., 3, 175. А у меня изба новая – / Полати с подзором, божница неугасимая, / Намел из подлавочья ярого слова я ... 11,175.

подлавочье, с. *Место под скамейками*. СРГК, 4,641. А у меня изба новая – / Полати с подзором, божница неугасимая, / Намел из подлавочья ярого слова я ... 11,175.

пододонница, ж. *Русалка*. Как на озере Пододонница, / Зелень кос чеша, гребень выронит, / И пойдет стозвон по зажоринам, / Через га-тища, до матерых луд. 6,238.

покрута, ж. *Всякая одежда; приданое*. СРГК, 5, 46. Счастливо, до-ченька, гостить, / Не осрами отца покрутой!.. 13,10.

покуль, союз. *Пока*. На помин зеленой иве часто ветье заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена». 10,241. Покуль ста-рища Спасу плакались, / На кажину тварь легота нашла. 6,238.

полати, мн. *В избе: нары для спанья, устраиваемые под потол-ком между печью и стеной*. СО., 477. А у меня изба новая – / Полати с подзором, божница неугасимая, / Намел из подлавочья яркого слова я ... 11,175. На полатах трезво уловимы / Звезд гармошки и полет сера-фима. 10,352.

полесник, м. *Охотник*. Д, 3, 269. Как златно-бурую лису / Полесник чуёт по умётам, / Не правя лыжицу болотом. 13,42. Не язвец в норе на полесника / Смертным голосом кличет Ангела, – / Что ль зверино-го добра пестуна, – / Братья-старища свиховались, / О булыжину лбами стукнули. 6,237.

полесный, -ая, -ое. *Лесной*. Что глухаринные кладуши / В осоке вы-вели цыплят – / К полесной гари... 13,32. Мне скажут – дальше опиши / Красу двух елочек полесных! 13,12. СРГК, 5, 53: ср. значения.

половеть, несов. *Желтеть, полыхать*. Д., 3, 263. Эво, на валежи-не, словно угли в жарнике, / Половет лапчатый золотой стихарь... 10,277.

половичина, ж. *Половая доска*. СРГК, 5, 56. По брусной новой горнице, / По накатной половичине / Разудалый ходит походом, / Голо-сит слова ретивые. 10,187.

полог, м. *Завеса*. Д., 3., 256. Заря одна / Пошла за полог бледнее льна, / Слезой сытовой смочить рукав. 10,243.

полудник, м. *Название юго-восточного ветра*. СРГК, 5,63. Или кобыл золотоспинных / Пасет полудник, гривы чешет? 13,32.

полудняк, м. *Название юго-восточного ветра*. На завалине лыжи / Обсушил полудняк. 10,246.

полузимник, м. *Середина зимы, конец января*. СРГК 5,63. Споро-дила я сына-богатыря / Под потокою на сиверке, / На холодном полу-зимнике, / Чтобы дитятко по матери пошло. 10,222.

полюдьё, с., *Народ, люди*. Д., 3, 269. Жаворонковый бисер, как в давнем, / При посаднике, земской избе, / И заводь цветком купавным / Теплит слезку в полюдьё-судьбе. / Полюдьё же лаптем железным / Попирает горбыль кедрачам. 12,263.

полуночь, ж. *Север, норд, северная сторона*. Д., 3, 252. Меня ве-тер отпоет, полуночь глаза сомкнет, / А поплачут надо мной вороньё с ковыль-травой! 10,241.

помелище, с. *Вершина дерева, его верхние ветви.* Помелища со-сен / В небеса стучат. 10,263.

помин, м. *Воспоминание, память.* Д., 3, 272. На помин зеленой иве часто ветвь заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена». 10,241.

поминок, м. *Подарок, приношение в знак памяти, любви.* Д., 3, 272. Аль и солнышко отмыкало / Болесть нив и бездорожий / И земле в поминок выткало / Золоченые рогожи? 10,262.

помога, ж. *Помощь, подмога.* Д., 3, 274. «Ты, Владычица Одигитрия, / На помогу нам вышли Митрия, / На нем ратная сбруна чеканена, / Одолеет он половчанина!» 12,337.

помяльце, с. *Помело.* СРГК, 5,72. Овдовел я без тебя, как печь без помяльца. 11,176.

понабережье, с. *Берег, местность около берега.* От озерной прибауточки, / Водяной потайной басенки, / Понабережье насупилось, / Пеной-саваном окуталось. 10,113.

понява, ж. *Платок, повязка, женский головной убор.* Д., 3, 288. Деревня – жатва в косах и в поняве. 11,161.

поприще, с. *Мера пути, суточный переход около 20 вёрст.* Д., 3, 306. Так сорок поприщ пели мы – / Колодники в окно тюрьмы. 13, 33.

порато, нареч. *Очень, в высшей степени.* 5,80. Порато баско весной в Сиговце, По белым избам на рыбьем солнце. 12,313. Порато баско зимой в Сиговце! Снега как шапка на Устьысыльце. 12,316.

поруб, м. 1. *Сруб.* И грудь стропилами ключицы / Вперила в порубы светлицы, / Где сердце сирином в коруне / Вот-вот на кровь пожаром дунет / И закипит смолой руда!.. 12,269. 2. *Тюрьма.* Угодити мне из горниц, / С белоструганых половиц / В поруб – лютую тюрьму! 10,187.

поставец, м. *Посудный шкаф.* Д., 3, 342. Лишь в поставце, как скряга золото, / Теленье числа и удой, / Подойник с крынкою щербатой / Тревожат сумрак избяной. 10,281.

потемочный, -ая, -ое. *Относящийся к потёмкам.* И небо – Микулов бороздчатый глаз / Смежает ресницы – потемочный сказ. 10,310. Печные прибои пьянящи и гулки, / В рассветки, в косматый потемочный час. 10,313.

потемы, мн. *Темень, темнота, потёмки.* Ср. СРГК, 5,108: **потемень, потёмны.** Уж мглицы да потемы / Закутали хоромы / В косматый балахон. 13,19.

походом, нареч. > **ходить походом.** *Ходить очень быстро.* По брусяной новой горнице, / По накатной половичине / Разудалый ходит походом, / Голосит слова ретивые: 10,187.

почерпальце, с. *Ведро, прикрепленное к длинной деревянной ручке.* СРГК, 5,127: **почерпуга**, ж. Они, как матушка, пророчат / Судьбину

– не чумной обоз, / А студенец в тени берез / С чудотворящим почер-
пальцем!.. 11,226.

поясьё, с. *Широкий пояс, украшающий женскую одежду*. СРГК, 5, 135. Вы, шелки мои – бобчаты поясья, / По сугорам ли вас расстила-
ти? 10,240.

предутрие, с. *Время перед наступлением утра*. Поморский дом
плывет китом, / Ему смарагдовым копьём / В предутрия, просонки, зор-
ри / Указывает путь Егорий. 13,16.

предызбица, ж. *Сени*. СРГК, 5, 141: **предызбье**. Полыхнувши зо-
лотом, прянет гость в предызбицу, / Краснобайной сказкою пряху уле-
стит... 10,278.

преклонливый, -ая, -ое. *Податливый, на всё согласный*. Д., 3, 392. Станет друженька преклонливей травы, / Не услышит человече-
ской молвы, 10,267.

препон, м. *Преграда, препятствие*. Д., 3, 394. Положу препон си-
ле Змиевой, / Проращу в аду рощи тихие. 6,238

приворот, м. *Колдовское, знахарское снадобье*. Д., 3, 404. Реснит-
чатый пух на деревню ползет – / Загадок и тайн золотой приворот.
10,310.

пригорошня, ж. *Горсть*. Д., 3, 409. В слове же опал – Россия! / Он
играет – нежный камень, / Речкой, облачком, стихами, / И твоим, дитя,
письмом, – / Голубым, лесным цветком! / В нем слезинок пригорошня...
11,150.

призорник, м. *Трава, используемая для колдовства, ворожбы, сглаза*. Не шуми, трава шелкова, / Бел призорник, зарецвет, / Выши-
ваю для милова / Левантиновый кисет. <...> Зелен ветер в палисаде /
Всколыхнул призор-траву. / Не клонись, вещунья-травка, / Без тебя
вдомек уму: Я – посадская чернавка, / Мил жирует в терему. <...> До-
рог камень бирюзовый, / В стёг мудреный заплетись, / Ты, муравонька
шелкова, / Самобранкой расстелись. 10,168 –169. У Садко – цвет-
призорник, / Жар-птица, синь-туман; / У нас – плакун-терновник / И
кровь гвоздиных ран. 10,173.

призор-трава, ж. . *Трава, используемая для колдовства, ворожбы, сглаза*. Зелен ветер в палисаде / Всколыхнул призор-траву. 10,168.

примозолиться, сов. *Набить мозоли*. СРГК, 5, 180. Белые руки
примозолились, / Животы-приданое трунь взяла! 10,241.

прируб, м. *Часть деревянного дома*. СРГК, 5, 196: **прирубка**. Иль
ворон человекй зуб / Занес на девичий прируб. 13,16.

притин, м. *Укромное, спокойное место*. Д., 3, 452. У поморской лу-
ны есть притин пододонный: Ядра – Маточкин Шар, пуп – белужий
Вайгач. 11,134.

прогал, м. *Просека в лесу*. СРГК, 5, 245. И вдруг Кондратий, / Как
воин булавой на рати, / В прогалы указал кнутом. 13, 33. От Лаче-

озера до Выга / Бродяжил я тропой опасной, / В прогалах брезжил саван красный, / Кочевья леших и чертей. 11,226.

пролетье, с. *Начало лета, июнь, пора до Петрова дня.* Д., 3, 494. Допретже страды мужики поговели, / Отпарили в банях житейскую прель, / Чтoб лоснилась душенька – росная ель / Иль речка лесная – пролетья купель, / Где месяц – игрок на хрустальной свирели. 13,36.

промен, м. *Обмен.* СРГК, 5,277. Крутобокoе седельце у дружка в промене, / Погонялочка с уздицей – в кабаке на спице. 10,208.

просонки, мн. *Время и состояние пробуждения от сна.* Д., 3, 516. Поморский дом плывет китом, / Ему смараговым копьем / В предутрия, просонки, зори / Указывает путь Егорий. 13,16.

простины, мн. *Расставание, прощание.* Он поблек, как щеки ненаглядной / На простинах с воином-зазнойбой. 6,256.

прясла, мн. *Скрещённые колья для навешивания скрирды, стога.* СРГК, 5, 338. Плакал дымом овинник, а прясла солому / Пускали по ветру, как пух лебединый. 11,175.

птичина, ж. *Птица.* СРГК, 5, 341. Зуб – литой чугуn, печень медная – / Запропасть от них Божью страннику, / Зверю, птичине на убой пойти, / Умной рыбице в глубину спляснуть! 6,238.

пупорезка, ж. *Повивальная бабка.* СРГК, 5, 349. Опосле с маленькою дочкой / Она ходила к пупорезке. 13,12.

пупырь, м. *Прыщ, шишка, пузырь.* Д., 3, 539. Черноземье с сибиряками / В пупыре захотело огня! 12,307.

пустолай, м. *Собака, лающая без толку.* СРГК, 5, 355. Волчку же пир за караваем, / Чтoбы усердным пустолаем / Обрядной встречи не сплугнуть. 13, 33.

пялцы, мн. *Пяльцы.* За оконцем Настенька в пялцы душу / впялила. Вышить небывалое кровью да огнем... 12,245.

пялы, мн. *Пяльцы или устройство для плетения кружев.* СРГК, 5,375. Ах вы, пялы мои золочены, / Ворота ли вами подпирати? 10,240.

пялки, мн. *Перен. Ноги и руки; лапы.* СРГК, 5,375: **Пялы, пяла.** Хороша, грудиста, / Голова кувшином / С носом журавлиным, / Руки – погонялки, / Ноги – волчьи **пялки**. 10,238.

разваруха, ж. *Растяпа.* СРГК, 5, 400. Кого ты сполохался-спужался, <...> / Старухи ли разварухи. 11,176.

размычливый, -ая, -ое. *Преодолевающий горе, благоприятный*.* От «горе размыкать» Разогнать, рассеять. Не всякое горе размычливо. Д., 4, 37. Али корба хвойная с бубенцами шишек, / С рушниками-зорями просини милей, / Красики с волеванками слаще звездных пышек. / И громов размычливей гомон журавлей? 10,277.

расшива, ж. *Большое парусное судно.* Д., 4, 84. Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья / Укрылись родной красоты корабли. / Вон

песни баркас – пламенеющий парус, / Ладья поговорок, расшива былин... (5,108).

репище, с. *Поле, где растёт репа.* СРГК, 5, 516. Глядь, в осенний репорез / Вор на репище залез. 10,233.

репорез, м. *День св. великомученика Никиты 15 (28) сентября, когда крестьяне начинали убирать репу.* Глядь, в осенний репорез / Вор на репище залез. 10,233.

ронить, сов. и несов. 1. *Образно. Выпускать из рук, не удерживать, ронять, терять.* Сердце, как малиновка в тенётах, / Словно сад в осенних / позолотах, / Ронит давнее, как листья в гать. 10,446. 2. *Образно. Терять, сбрасывать (перья, листья и др.).* А тучи ронят перья / В лесную темь и гать. 10,227. Горькая осинушка / Ронит лист-руду. 10,205. На поморские мхи олениха-молва / Ронит шерсть и чешуйки с рогов... 10,372. И ныряют слова в самоцветную хлябь, / Ронят радужный пух запятых и тире... 8,57. Не косач в силке ломит шибанки, / Черный пух роня, кровью капая, <...> / Братья-старица свиховались, / О булыжину лбами стукнули. 6,237.

рох, м. *Птица. Какая? Зародать жар-птицу, роха, сою / Я учусь у рябки, а не в Дерптах.* 10,326.

руда, ж. *Кровь.* Д., 4, 108. И грудь стропилами ключицы / Вперила в порубы светлицы, / Где сердце сирином в коруне / Вот-вот на кровь пожаром дунет / И закипит смолой руда!.. 12,269. Христу почет, а не руде, / Не праху в старческом азяме!.. 13, 33. > **рудюю изойти.** *Изойти кровью.* Под осень не трясина осины, / Не то рудюю изойдет!.. 13,17.

рудеть, несов. *Становиться красным.* Д., 4, 108. Это – Суббота опосле Креста... / Кровью рудеют России уста. 10, 466.

рундук, м. *Небольшой помост перед крыльцом в виде настила из досок, положенных на брёвна.* СВГ, 2002, 72. Но предоволен прозорливец, / На рундуке перёных крылец / Семь крат положено метанье. 13, 33. А на крылечных рундуках / С рассветным облачком в руках – / Владычицей Семиозёрной, / Как белый воск, огню покорный, / Сияла матушка... 13, 33.

рушать, несов. 1. *Резать, разделять на части.* СРГК, 5, 587. Стелют настольник для мис золотых, / Рушают Хлеб для крылатых гостей 10,461. 2. *Уничтожать, разорять.* Рушайте ж лебедь-судьбу, / В звон осласите губу, / Киева сполох-уста / Пусть воссияют, где Мста. 10,348.

рыбица, ж. *Народно-поэтич. Рыба.* Зуб – литой чугу́н, печень медная – / Запропасть от них Божью страннику, / Зверю, птичине на убой пойти, / Умной рыбице в глубину спляснуть! 6,238.

рыда, ж. *Торговля.* СРГК, 5, 606: *Плата по договору, соглашению.* Погляжу я, беднушка, в стекольчато окно – / Не увижу ль милого за рядой во торгу. 10, 241.

рядить несов. *Одевать, наряжать.* Зорька в пестрядь и лыко / Рядит сучья раки. 10,246.

рядиться глаг. *Одеваться, наряжаться.* СРГК, 5, 607. Страховито деревинке под грозой стояти, / Я рядилась в уборы – в дорожную кичу, / Еще в алу косоплетку – по любезну память. 10,207.

ряднина, ж. *Толстый холст из грубой льняной пряжи.* СВГ, 2002, 79. Побратались с детиной / Лыки с белою рядниной. 10,187.

рядно, с. *Толстый холст из грубой льняной пряжи.* Ткачиха-метель напевает в окно: / «На саван повольнику ткися, рядно». 10,183.

рясно, с. 1. *Нитки не необшитом крае ткани.* СРГК, 5, 615. Гоген Рублеву не загадка, / Матисс – лишь рясно от каймы / Моржовой само-едской прялки... 11,220. 2. *Украшение. Какое?* СВГ, 2002, 82. Глядь, у морозного погоста, / Как рог у лося, вырос крин, / На нем финифтяный павлин, / Но светел лик и в ряснах плечи... 13,11.

рясный, -ая, -ое. *Крупный, частый, яркий и обильный.* Д., 4, 126. Февраль рассыпал бисер рясный, / Когда в Сиговец, златно-бел, / Дву-ликий Сирин прилетел. 12,321.

саврасый, -ая, ое. *Светлогнедой с желтизною.* Д., 4, 127. Заря Рассвету: «Ах, в руку сон! / Я пряла тучку – саврасый лен». 10,242. Ах он выглядец, кобель саврасый! .. 13,17.

сбруна, ж. *Доспехи.* Ты, Владычица Одигитрия, / На помогу нам вышли Митрия, / На нем ратная сбруна чеканена, / Одолеет он полов-чанина! 12,337.

светелка, м. *Светлая, чистая комната, гостиная.* Д., 4, 158. Аринушка с душой Прасковьей, / Два горностая на зимовье, / В светел-ке низенькой сошлись / И потихоньку заперлись. 13,16. Дудец запел перед светелкой. 13,17.

светлица, ж. *Светлая, чистая комната, гостиная.* Д., 4, 158. Во светлице новорубленной / Одинокой тяжелешенько. 12,44.

свинчатый, -ая, -ое. *Свинцовый, из свинца.* Д., 4, 149. Лемехом свинчатым крыли кровлища, / Закомары, лазы, переходища. 12,336.

свиховаться, сов. *Помешаться, сойти с ума.* Д., 4, 151. Не язвец в норе на полесника / Смертным голосом кличет Ангела, – / Что ль зве-ринога добра пестуна, – / Братья-старица свиховались, / О булыжину лбами стукнули. 6,237.

сгибнуть, сов. *Погибнуть.* Чтобы девку не сушила сухота, / Без жадобного не сгибла б красота. 10,237.

скрута, ж. *Праздничная одежда.* Д., 4, 210. Парасковья дочь отец-кая, / На ней скрута не немецкая! 13,13. Вороньи пени на горний свет / Под образами прослышал дед. / Он в белой скруте, суров пробор, / Во взоре просинь и рябь озер... 10,295.

скрыня, ж. *Ларец, короб, сундук.* Д., 4, 209. Настигло лихо мать-пустыню, / И кто ограбил бора скрыню, – / Златницы, бисеры и смазни, / Злодей и печенег по казни. 13, 33.

слезница, ж. *Сосудец древних, в который будто бы скоплялись слёзы родных, плачущих о покойнике. Слезник ставили в могилу.* Д., 4, 219. На платок он умильно воззрился, / Величал его честной слезницей. 10, 293.

слезовый, -ая, -ое. *Слёзный. Здесь: печальный, горестный.* Знать, того ты сробел до смерти, / Что ноне годочки пошли слезовы. 11, 176.

смазень, м. *Поддельный драгоценный камень; дублет.* Д., 4, 230. Настигло лихо мать-пустыню, / И кто ограбил бора скрыню, – / Златницы, бисеры и смазни, / Злодей и печенег по казни. 13, 33.

смолка, ж. *Так называют травянистые растения различного вида.* Д., 4, 236. К коленям материнским путь / Пестрел ромашкой, можжевелем, / Пчелиной кашкой, смолкой, хмелем. 13, 33.

согрева, ж. *То, что согревает.* Ты согрева – муравчата лежанка, / Не смолой ли тебя растопит? 10, 240.

сойма, ж. *Род одномачтового палубного судна на Ладожском и Онежском озёрах и на Мариинском сообщении.* П., 2, 349. Д., 4, 262. Чудно вышиты паруса у сойм, / Гнали паруса гуси махами, / Селезни с чирятами-кряками, / Солнышко в снастях бородой трясло, / Месяц кормовое прямил весло, / Серебряным салом смазывал – / Поморянам пути указывал. 12, 335.

солодяга, ж. *Варёное корчажное месиво для лошадей.* Д., 4, 267. Быть тебе, Васиха, / В терему ткачихой, / За глумство-отвагу / Трескать солодягу, 10, 239.

соромный, -ая, ое. *Постыдный, позорный.* Д., 4, 276. И баба пошла – прощальный обряд, – / Платок не по брови и речью соромна. 13, 37.

спелегать, сов. *Вырастить.* Что ты, нивушка, чернешенька, / Как в нужду кошель, порожнешенька, / Не взрастила ты ржи-гуменицы, / А спелегала – к солнцу выгнала / Неедняк-траву с горькой пестушкой? 10, 264

спляснуть, сов. *Нырнуть с плеском.* Зуб – литой чугу́н, печень медная – / Запропасть от них Божью страннику, / Зверю, птичине на убой пойти, / Умной рыбице в глубину спляснуть! 6, 238.

спознать, сов. *Узнать.* Тогда, у волчьего сугроба, / Спознала я свою судьбу... 13, 17.

сполохаться, сов. *Вспокоиться, внезапно испугаться.* Д., 4, 295. Ты скажи, мое дитятко удатное, / Кого ты сполохался-спужался. 11, 176.

спужаться, сов. *Испугаться.* Ты скажи, мое дитятко удатное, / Кого ты сполохался-спужался. 11, 176.

сробеть, сов. *Оробеть, испугаться*. Д., 4, 304. Знать, того ты сробел до смерти, / Что ноне годочки пошли слезовы. 11,176.

станушка, ж. *Рубаха*. «Что ты, Паня! / Отмоемся золою в бане, / Оденем новые станушки». 13,16.

старище, с. *Старик*. Покуль старица Спасу плакались, / На кажину тварь легота нашла. 6,238.

стёг, м. 1. *Шитьё, вышивка стежками*. Я по алу левантину / Расписной разброшу стёг, / Вышью Гору Соколину, Белокаменный острог. 10,267. 2. *Узор*. Дорог камень бирюзовый, / В стёг мудреный заплетись, / Ты, муравонька шелкова, / Самобранкой расстелись. 10,168.

стекольчатый, -ая, -ое. *Со стёклами*. Д., 4, 321. Погляжу я, беднушка, в стекольчато окно – / Не увижу ль милого за рядой во торгу. 10, 241. Так не вейтесь, вихри звонкие, / Вкруг стекольчата окошечка. 12,44.

страховито, безл.-предик. *Страшно, ужасно*. Д., 4, 337. Страховито деревинке под грозой стояти. 10,207.

студенец, м. *Родник; колодец с холодной водой*. Д., 4, 346. Они, как матушка, пророчат / Судьбину – не чумной обоз, / А студенец в тени берез / С чудотворящим почерпальцем!..11,226.

сугор, м. *Холм, пригорок, горушка*. Д., 4, 353. Вы, шелки мои – бобчаты пояся, / По сугорам ли вас расстилати? 10,240.

сударка, сущ. *Любимая девушка*. Д., 4, 354. На помин зеленой иве часто ветье заломал: / «Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена». 10,241. В лабазе сукна алей огня, / До звезд, сударка, не жди меня... 10,243.

судинушка, ж. *Участь, доля; то, что суждено быть*. Д., 4, 356. Ты, судинушка – чужая сторона, / Что свекровыми попреками красна, 10,167.

суклин < на суклин. *В виде клина, клином*. Опосля на нем – внукам памятку – / Пишут теслами год родительский, / Чертят прозвище и изочину, / На суклин щербят кость Адамову... 6,237.

сулица, ж. *Ручное холодное оружие, род копья или рогатины*. Д, 4, 359. Не счесть ударов от сулиц, / От копий на рязанской свите. 13,31.

супрядки, мн. *Зимнее собрание баб и девок с прялками; вечеринка, на которой поют и играют*. Д., 4, 362. Я человек, рожденный не в боях, / А в горенке с муравленою печкой, / Что изразцовой пестрою овечкой / Пасется в дреме, супрядках и снах / И блеет сказкою о лунных берегах, / Где невозвратнее, чем в пуще хвойный прах, / Затеряно Светланино колечко! 12,274.

суслон, м. *Прислонённые друг к другу снопы на сжатом поле для просушки*. Д., 4,364. В суслонах усатое жито. 10,243.

сутеменки, мн. *Вечерние сумерки*. Д., 4, 364. Ко полудню вытки белые холсты, / К сутеменкам муженьку сготовь порты. 10,229. Лишь

златогривый горбунок / За печкой выискал клубок, / Его брыкает в су-
теменки... 12,324.

сутемень, ж. *Вечерние сумерки*. Д., 4, 364. Всякий день, / Едва
раскинет сутемень / Свой чум у таежных полян, / В лесную келью
сквозь туман / Сорока грамотку носила. 12,324. Заблудилось солнышко
в корбах темныхвойных, / Износило лапчатый золотой стихарь: / Не
бежит ли красное от людей разбойных, / Не от злых ли кроется в суте-
мень да в марь? 10,277.

сухота, ж. *Грусть, тоска, кручина*. Д., 4, 366. Чтобы девку не су-
шила сухота, / Без жадобного не сгибла б красота. 10,237.

сучить, несов. *Свивать, скручивать*. Д., 4, 368. Сучит оборы жа-
ровый пень, / И ткет онучи чернавка-тень. 10,242.

сымать, несов. *Снимать*. А купчик млад / В избу, как кречет, уходу
рад. / Чтобы с жадобным уснуть часок, / Сымает Зорька ему сапог.
10,242.

сыта, ж. *Подслащённая мёдом вода, медовый взвар, разварной
мёд на воде*. Д., 4, 377. Андрей и Симеон, как сыту, / Сварили на пре-
многои леты / Необоримые «Ответы». 11,226.

сытовый, -ая, ое. *Медовый*. И хлопнул дверью... Заря одна / По-
шла за полог бледнее льна, / Слезой сытовой смочить рукав. 10,243.

тальянка, ж. (*Искажённое «итальянка»*) *Лирическое название
русских гармоний конца XIX – начала XX веков*. Г., 1032. Ах, тальянка
медносборчатая, / Голосистая, узорчатая. 10,237.

ткея, ж. *Ткачиха*. Д., 4, 408. Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце /
Помор за сетью, ткея за донцем, / Петух на жердке дозорит беса.
12,317.

торг, м. *Рынок, базар, место продажи и купли*. Д., 4, 418. Погляжу
я, беднушка, в стекольчато окно – / Не увижу ль милого за рядой во
торгу. 10, 241.

тороп, м. *Порывистый сильный ветер*. Д., 4, 420. Выйду в старом-
старом рубище, / Нищим лыком опоясана... / Сгомонятся красны де-
вушки, / Белолицые согревушки, – / Как от торопа повального / Отша-
тятся на сторонущку. / Парни ражие, удалые. 10,111; Железняк летит,
как гора валит, / Юдо водное Змию побратень: / У них зрак – огонь,
вздохи – торопы. 6,238.

трунь, ж. *Хлам, лохмотья, ветошь*. Д., 4, 437. < **трунь** *взяла*.
Превратиться в лохмотья, в ветошь. Белые руки примозолилися, /
Животы-приданое трунь *взяла*. 10,241.

трущоба, ж. *Густой, непроходимый лес, заваленный бурломом*. Д.,
4, 438. Трущобы хвойная рука / В последки шарит по кибитке, 13,12.

туга, ж. *Печаль, тоска, горе*. Д., 4, 440. Избы во Лидде – яхонты, /
Не знают мужики туги-пахоты. 12,336.

тулка, ж. *Трубка, которую втыкают в бочонок, а также сам бочонок или ведро для воды и кваса.* Д., 4, 441. Как будто из тонкой серебряной тулки / В ковши звонкогорлые цедится квас. 10,313.

тутошний, -ая, -ое. *Здесьний. Здесь: с того света.* Постучится солнышко под оконцем створчатым / Шлет-де вестку матушка с тутошних сторон. 10,277.

тятка, м. *Отец, батюшка.* Д., 4, 456. И День затмился: «Любовь не в час! / Не тятка ль Вечер спешит в лабаз!» 10,243.

убрус, м. *Платок или полотенце, вышитые узорами, расшитые золотом, жемчугом и т. д.* Д., 4, 459. Гробно выбелим убрусы / И с заранкой-снегирем / Пеклеванному Иусу / Алевастры понесем. 10,466.

увет, м. *Привет, радушие, ласка.* Д., 4, 463. Солетали ко мне дру-ги-воины / С братолюбным уветом да ласкою. 12,97.

угодье, с. *Выгода, прибыль.* Д., 4, 467. Повыйду замуж не в угодье / За калистратово отродье за Федьку в рыболовный чум!.. 13,17.

удатный, -ая, -ое. 1. *Уступчивый, трусливый; от удать 'выдать, струсив, имение своим', удатчик 'кто удал, выдал, сплеховал, исплошился в общем деле'* 2. *Удалой, храбрый, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, котрому в отваге всегда удача.* Д., 4, 471. Здесь присутствуют оба значения. Ты скажи, мое дитятко удатное, / Кого ты сплеховался-спужался. 11,176.

уздица, ж. *Ум.-ласк. к узда.* Крутобокое седельце у дружка в промене, / Погонялочка с уздицей – в кабаке на спице. 10,208.

узорить, несов. *Украшать.* Узорили налепами да бусами, 12,336. Не скудному мирскому слову / Узорить отчие гроба. 13,24.

улещать, несов. *Склонять к чему-либо ласками, лестью, обещаниями; соблазнять, прельщать.* Д., 4, 488. Улещала муженечка в рощу погуляти. 10,207.

улучать, несов. *Находить, захватывать.* Д., 4, 489. Улучала молоденька времени маленько – / Привязала лиходея ко дремучей ели. 10,207.

умёт, м. *Помёт, навоз.* Д., 4, 493. Как златно-бурую лису / Полесник чует по умётам, / Не правя лыжницу болотом. 13,42.

упеки, мн. *Солнцелёк, зной.* Д., 4., 501. Неба ясные упеки / Наведу на уголки, / Бирюзой занижу реки, С Беломорьем – Соловки. 10,267.

урочище, с. *Естественный межевой знак: река, гора, овраг, дерево, лес и др.* Д., 4, 509. Кручинушка была деду лесному, / Трепались по урочищам берестяные седины. 11,175.

услежка, ж. *Наблюдение.* Дунет ветер и зайчок / Взыбит лапки наутек. / А колдунье головешке / Не до пепельной услежки. 13,35.

устрет, нареч. *Навстречу.* По разливам, по заглазьям, лукоморьям / В светлый Град проложен путь Егорьем. / Тем бы волоком доступить

околицы, / Вышли бы устрет все богородицы. / Семиозерная, Толгская, Запечная <...> 13,28.

финить, ж. *Финифть; эмаль по металлу*. Дорога ноне, что финить! 13,35.

хороводить, несов. *Толпиться, тянуть дело*. Д., 4, 561. Не с того ль, моя болезная, / Солнце тучи хороводит? 10,262.

чаица, ж. *Чайка*. Чаицы, гагары встрепыхались. 12,336.

чалый, -ая, -ое. *Русый*. У меня – сахарны губы, / Косы чалые в ладонь. 10,168.

чарус, м. *Топь, непроходимое болото*. Д., 4, 582. Он для меня покинул сруб / Среди болотных ляг и чарус. 13, 33. От Ясных Ляг, где гон кабаний. / Из городища Турий Лоб, / И от Печёр, где узел троп / Подземной рыбы пачераги, / Что роет темные овраги, / Бездонный чарус, родники... 13,35.

чарый, -ая, -ое. *Колдовской, волшебный*. Цвети, таинственная книга / Призоров чарых и метелей, / Быть может, в праздник новоселий / Кудрявый внук в твои разливы / Забросит невод глаз пытливых, / Чтоб выловить колдунью рыбу – / Певучеротую улыбу! 13,25.

чепрак, м. *Суконная, ковровая или меховая подстилка под конское седло сверх потника*. Д., 4, 582. Как влачит по ночным перелесикам / Сполох-конь аксамитный чепрак / И налобником ясным, как месяцем, / Брезжит в ельник, пугаючи мрак. 10,269.

черпуга, ж. *Колодезная бадья*. Извечно мерно скрипит черпуга. 12,317.

чувальный, -ая, -ое. *Относящийся к очагу, чувалу*. Д., 4, 611. Милый друг, моя кручина – / Не чувальная зола, / Что зайчонком прилегла / У лопарского котла. 13,35.

шаргунец*, м. *Бубенчик, колокольчик*. Д., 4, 635: **ширкунец**. Звонаря же Зоя брать негоже, – / Без него трущоба – скит без била, / Зой кукую загозье, гомон с гремью / Шаргунцами вешает на сучья; / Ввечеру ж монашком сладкогласным / Часослов за елями читает... 6,254.

шелоник, м. *Юго-западный ветер*. Д., 4, 619. Эти тайны парусами / Убаюкивал шелоник. 13,4.

шерстобит, м. *Тот, кто бьёт, треплет шерсть, готовя её для пряжи или валки*. Д., 4, 631. Желтый волос, ус лихой косатый / Остригу на войлок шерстобитам. 6,252.

шибанки, мн. *Крылья*. Г., 1039. Не косач в силке ломит шибанки, / Черный пух роня, кровью какая, <...> / Братья-старица свиховались, / О булыжину лбами стукнули. 6,237.

шин, м. *Пляска, род четвёрки, кадрили*. Д., 4, 633. Все девушки: «Ахти-ахти! / Красивее нельзя пройти / Размеренным досюльным шином / Речной лебедушке с павлином!..» 13,14; «Пусть растерзает и меня, / Чтоб не ходила красным шином!..» 13,14; Однажды в год цвели

слова / Волнистого, как травы, шина, / И маменька, пышней павлина, / По горенке пускалась в пляс / Жар-птицей и лисой-огневкой, / Пока серебряной подковкой / Не отбивался «подзараз», / И гаснул танец-хризопрас. 13,23; Что куколь розовый во ржи, / Цвели в прирубе посиделки. / Опосле утушки и белки / Пошли в досюльный строгий шин. / «Я Федор, Калистрата сын, / Отложите прялицу в сторонку!..» И вышла Пашенька на гонку. 13,13; У сына Калистрата / В глазах сугроб лобатый / Пошел с корягой в шин. / Она, она! .. Параня!.. 13,20.

язвец, м. *Барсук*. Д., 4, 674. Не язвец в норе на полесника / Смертным голосом кличет Ангела, — / Что ль звериною добра пестуна, — / Братья-старища свиховались, / О булыжину лбами стукнули. 6,237.

яр, м. 1. *Овраг, обрыв*. Он темной древности посланец, / По яру — леший, в речке — сом. 13,16. 2. *Огонь, пламя, свет*. Д., 4, 679. Пригож, волосья — красный яр. 13,17.

яро, нареч. 1. *Сильно, пылко*. Олень же вербу любит яро... 13,17. 2. *Яростно, гневно*. У Прони скатерть синей Онега — / По зыби едет луны телега, / Кит-рыба плещет, и яро в нем / Пророк Иона грозит крестом. 12,314.

ярый, -ая, ое. 1. *Яркий, пылающий*. Д., 4, 679. Уж вы плящие, ярые свечи, / Темны корбы ли вами палити? 10,240. 2. *Блестящий, крупный*. Где судьба ему в прах рассыпаться, / Засинеть на дне ярим жемчугом. 6,238. 3. *Перен. Сильный, выразительный, красивый*. А у меня изба новая — / Полати с подзором, божница неугасимая, / Намел из подлавочья ярого слова я ... 11,175.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ КЛЮЕВА

*Жизнь на родимых гнёздах,
под опонецкими берестяными звёздами
дала мне песни, строила сны святые,
неколебимые, как сама земля.*

Н. А. Клюев

Филологи – исследователи устного народного творчества установили, что исторически язык фольклора явился эстетической основой для развития языка художественной литературы. Как отмечает А.Т. Хроленко, «практически во всех шедеврах духовного творчества современности отыскиваются элементы традиционного народного искусства» [Хроленко 1992: 3].

Одной из ярких стилистических особенностей творчества Клюева является его любовь к народно-поэтическому слову. Эта любовь проявляется в его поэзии по-разному: в частом использовании фольклорного слова, в большом количестве таких слов в составе его поэтического словаря, в знании фольклорных традиций символического и метафорического употребления слов, в умении создавать свои авторские неологизмы по словообразовательным моделям, существующим в народном словесном искусстве. Многие исследователи творчества Клюева удивляют органическое родство его поэтики образному языку народно-поэтического искусства [Базанов 1990; Лазарев 1997; Маркова 1997]. А некоторые современники поэта первоначально вообще сомневались в авторстве Клюева. «Знакомясь с «Песнями из Заонежья», критики недоумевали: что это? Народные песни, записанные Клюевым, или песни самого Клюева, созданные на основе заонежского песенного фольклора?» – пишет В.Г. Базанов [Базанов 1977: 29]. Даже свои автобиографии Клюев писал в фольклорном ключе, используя миф как образное средство постижения мира и осмысления своей судьбы. Словно волшебную сказку рассказывает поэт в записях 1919 года, с великой любовью создавая образ своей матери Парасковьи Дмитриевны, которая передала сыну богатства словесного искусства Северной Руси: «... Родительница моя была садовая, а не лесная, во чину серафимовского православия. Отроковицей видение ей было: дуб малиновый, а на ней птица в женьчужном оплечье с ликом Пятницы-Параскевы. Служила птица канон трём звёздам, что на Богородичном плате пишутся; с того часа прилепилась родительница моя ко всякой речи, в которой звон цветёт знаменный, крюковой, скрытный, столбовой ... Памятовала она несколько тысяч словесных гнёзд стихами и полууставно, знала Лебедя и Розу из Шестокрыла, новый Маргарит – перевод с языка чёрных христиан, песнь искупителя Петра III, о христовых пришествиях из книги латинской удивительной, огненные пись-

ма протопopa Аввакума, индийское Евангелие и многое другое, что потайно осоляет народную душу – слово, сон, молитву, что осолило и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни... <...> Жизнь моя – тропа Батыева: от студёного Коневца (головой коня) до порфирного быка Сивы пролегла. Много на ней слёз и тайн запечатленных» (16, 30).

Своё миропонимание Ключев также выражает в народно-поэтических образах, причём прямо говорит об этом как об основополагающем принципе своей поэтики: «Мой же мир: Китеж подводный, там всё по-другому. Рассказывая про тайны этого мира, я со страхом и трепетом разгребаю словесные груды, выбирая самые точные образы и слова для выявления поддонной народной правды. Ни убавить, ни прибавить словесной точности я не дерзаю, считаю за грех. Самоцветный поддонный ум может быть судим только всенебесным собором» (16, 59).

Как представитель старообрядческой культуры, Ключев отрицательно относится к современной интеллигенции, далёкой от истоков народной культуры: «Наша интеллигенция до сих пор совершенно не умела говорить по-русски; и любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем «Пепел» Андрея Белого» (16, 53).

Он высоко ценил новокрестьянских поэтов (в том числе вологодского поэта Алексея Ганина), Есенина и свою поэзию именно за то, что все они приобщились к сокровенным тайнам народно-поэтического искусства и воплотили их в своём творчестве. В 1924 году Ключев писал: «За меня и за себя Есенин ответ дал. Один из исследователей русской литературы представил Есенина своим гостям как писателя «из низов». Есенин долго плевался на такое непонятие: «Мы, – говорит, – Николай, не должны соглашаться с такой кличкой! Мы с тобой не низы, а самоцветная маковка на златоверхом тереме России, самое аристократическое – что есть в русском народе» (16, 62). В статье «Великое зрение», посвящённой фольклору, Ключев говорит: «...народное понимание искусства, «великое зрение», как бают наши олонецкие мужики-сказители, безмерно, многообразно, глубоко и всегда связано с чудом, с Фаворским светом, – будь это «сказание про царища Андриянища» или скоморошья весёлая дудка» (16, 117).

В первые годы революции, когда поэт ещё верил, что она принесла с собой освобождение и счастье народное, Ключев занимался просветительской деятельностью – старался защитить древнюю народную культуру Русского Севера, родного Обонежья. Некоторые его выступления сохранились. Так, например, было восстановлено слово, сказанное поэтом в Вытегорском красноармейском клубе «Свобода» перед пьесой «Мы победим» в 1919 году. Это слово легло в основу статьи «Медвежья цифирь», целиком посвящённую рассказу о красоте

произведений народного искусства, о былых культурных традициях крестьянского мира. Ниже приводится отрывок, посвященный народным сказителям:

«Покуль не было на Руси грамотных баянов, то сказ вёлся ими устно, переходим был.

В белом полукафтанье, в лисьем, с алой макушкой колпаке, при поясе, с хитрой медной насечкой, ходил баян по немереным родным волостям, погостам да городищам, и был он гостем чаанным, желанным, не токмо избяным мужицким али теремным боярским, но и палатным княженицким, а почасту и государевым. Не завсегда баян в понитке ходил, а иногда и в терлике бархатном щеголял, в сапогах выворотных козловых, с морёным красным закаблучьем – «меж носов носов хоть стрела лети, под каблук-каблук – хоть яйцо кати ...»

Что думал народ, в чём его правда да сила муромская – всё баяны стихом выражали, за ретивое кажинного человека красным умильным словом задеть ухитрялись; вот эта-то хитрость песенная, пересказная, ныне искусством зовётся» (16,154-155).

Всё это говорит о том, что Ключев высоко ценил фольклорное слово, прекрасно знал и понимал народно-поэтическое творчество, а свою поэтическую речь старался не оторвать от этого живоносного источника.

В филологической науке существуют лингвистический и фольклористический подходы к определению понятия «язык фольклора» [Никитина 1993: 62; Бобунова 2004: 6]. М.А. Бобунова, вслед за С.Е. Никитиной, отмечает: «Лингвисты под языком фольклора понимают художественную форму языка, реализуемую в устно-поэтических текстах, и говорят о фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе этого языка. Фольклористы же вкладывают в это сочетание другой смысл, понимая под языком фольклора совокупность поэтических формул и правила их соединения, называемые поэтической грамматикой. Кроме того, в качестве основной единицы словаря языка фольклора предполагается рассматривать мотив как сюжетообразующий элемент и говорить о словаре эпических мотивов» [Бобунова 2004: 6]. Именно в таком ключе рассматривается творчество Ключева в книге Е.И. Марковой «Творчество Николая Ключева в контексте севернорусского словесного искусства» [Маркова 1997]. Некоторые фольклорные мотивы в творчестве Ключева упоминались в первой главе, они будут рассмотрены также в третьей главе «Словесные образы и символы» в связи описанием образных значений слов *мир, хлеб, вода, мать, изба, душа*. В данной части книги основное внимание будет уделено собственно фольклорной лексике в творчестве Ключева.

Понятие «фольклорная лексика» или «народно-поэтическая лексика» также не имеет однозначного определения, что отразилось в практике её включения в словари различного типа [Бобунова 2004: 9-83]. Существует широкое и узкое понимание фольклорной лексики. В широком смысле фольклорная лексика – это лексический состав фольклорных текстов. В узком смысле фольклорными являются слова, которые обладают жанрово-стилистической спецификой народной поэзии, сохраняют традиционный фольклорный колорит независимо от того, в текстах каких стилей и жанров русского языка оно употребляется. Так, узнаваемы такие фольклорные слова, как *кручиниться*, *удалой*, *лада*, *берёзынька*, *жалковать-кручиниться* и др. В данном разделе книги рассматривается фольклорная лексика в узком её смысле, то есть те слова, которые сохранили яркую фольклорную окраску в своей структуре и в значении. Кроме этого, привлекаются слова, созданные Ключевым по продуктивным фольклорным моделям, и поэтому обладающие традиционным фольклорным колоритом.

Семантика фольклорного слова была предметом пристального внимания на протяжении XIX и XX веком. «К концу XX столетия современная отечественная лингвофольклористика многое сделала для того, чтобы основательно изучить фольклорное слово, его семантическую структуру, поэтические функции, текстовые связи, а также фольклорный текст [Артёменко 1988; Тарланов 1981, 1999; Хроленко 1981, 1992] и вплотную приступить к разработке теории народно-поэтической лексикографии» [Бобунова 2004, 5]. Фольклорные основы поэтического творчества Ключева также рассматривались исследователями его творчества [Маркова 1997; Юхименко 1997; Ситько 1997; Полякова 1997]. Однако словарь фольклорной лексики Ключева до сих пор не был составлен и охарактеризован. В данном разделе приводятся некоторые материалы к такому словарю и даётся лингвостилистический комментарий к ним. В современной лингвофольклористике указывают на такие специфические особенности фольклорного слова, как: оценочность, изобразительность, эмоционально-стилевые и этнокультурные коннотации, иерархическая значимость в тексте, символичность значения, ритуальность значения, межсловные композиционные отношения, определяемые жанром текста [Хроленко 1992; Бобунова 2004; Климас 2004]. В дальнейшем при характеристике фольклорной лексики Ключева мы используем подобную методику семантико-стилистического анализа фольклорного слова.

Оценочность фольклорного слова

Как отмечает А.Т. Хроленко, «народное слово не только строит фольклорный мир, но и одновременно оценивает его. Это обуслови-

вает наличие в семантической структуре фольклорного слова особой оценочной характеристики, которая довольно часто преобладает и даже нейтрализует номинативную, как в словах *свет, душа, сердце* и т. п. Здесь слово превращается в своеобразный показатель сверхположительной оценки» [Хроленко 1992: 71]. Среди существительных, получивших такую оценочную функцию в фольклорном контексте, автор указывает названия деревьев (*берёза, рябина, малина* и др.), имена прилагательный-цветообозначения (*белый, зелёный лазоревый, красный*), а также *новый, садовый, золотой, серебряный* и др. В поэзии Клюева все эти слова, а также многие другие, также приобретают оценочные значения. Достаточно сказать, что слово *берёза* и производные от неё слова употребляются в поэзии Клюева около 80, *малина, малиновый, малиновка* – 48, *рябина, рябиновый* – 12, *белый* – 153 + около 30 производных, *зелёный* – 75, *лазоревый* – 18, *красный* – 122 раза + около 20 производных.

Кроме того, оценочность в произведениях Клюева проявляется в употреблении большого числа имён существительных и прилагательных с эмоционально-оценочными суффиксами, а также глаголов с подобными суффиксами и приставками. Далее рассмотрим основные словообразовательные типы таких слов. В состав примеров включены не только слова, зафиксированные в фольклорных текстах, но лексемы, созданные Клюевым по фольклорным продуктивным моделям и на основе исходного фольклорного языкового материала.

Словообразовательные типы имён существительных.

Существительные с эмоционально-экспрессивными суффиксами:

а) уменьшительно-ласкательными:

-ушк-, -ышк- / -ышек-, -ешк-: *беднушка, веретенышко, детинушка, долинушка, досадушка, елушка, княгинюшка, колешко, зазнобушка, ивушка, крапивушка, кровинушка, кручинушка, кустышек, могилушка, морозушко, нивушка, озерышко, осинушка, перинушка, полотенышко, пустынюшка, путинушка, согревушка, солдатушка, соловушко, судинушка, судьбинушка, утушка, хлевушек, сердечушко, серебрушка, сметушка, черемушка, шеюшка*; всего 35 слов;

-иц-: *кельица, богатырица, виноградице, гуляницы, изголовьице, искрица, лавица, мелица, прялица, пташица, столованице, уздица, чаица* – 13 слов;

-иньк- / -ыньк- / -еньк- / -оньк-: *березынька, глазыньки, друженька, косынька, листынек, муравонька, полосынька* – 7 слов;

-ек- / -ок-: *муженечек, сторожочек, целкачок, шоломок, ямщицек* – 5 слов;

-ец-: *кафтанец, колобеч, кувшинец, сторожец* – 4 слова;

-к-: *нивка, светелочка, тропиночка* – 3 слова;

-ек- : *гробичек, колодечек* – 2 слова;
-ечк- / -очк- : *епанечка, зыбочка* – 2 слова;
-ц- : *лапотцы, чадце* – 2 слова;
-ик- : *крылечико*;
-яш- : *миляша*;
-чик- : *покойчик*;

б) увеличительными:

ищ- : *бердище, берложища, зубище, китище, могилища судище* – 6 слов;

-яг- : *котяга*.

Существительные с приставкой **раз-/рас-**, которые обозначают: а) действия, которые проявляются с большой интенсивностью (*раздумище, розмысел, розмысли*) или б) лицо, в высшей степени обладающее признаком того, что названо мотивирующим словом (*разлапушка, размыкушка, раскудрявич*).

Словообразовательные типы имён прилагательных.

Прилагательные с эмоционально-экспрессивными суффиксами:

-еньк- : *алешенький, младешенький, молодешенька, порожнешенька*;

-овит- : *столбовитый, домовитый, круговитый*.

Прилагательные с эмоционально-экспрессивной приставкой **раз-/рас-**, называющие высшую степень проявления признака, названного мотивирующим словом: *разудалый, разузорчатый, распригожий, расхороший*.

Прилагательные – адъективированные причастия с отрицательной приставкой **не-**, обозначающие отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом: *немеренный, неоплаканный, непозванный, неприголубленный, нечитанный, неявленный*. Стилистические функции у таких прилагательных различны. Слова *немеренный* и *нечитанный* дают количественную оценку, обозначают неверояно большое количество чего-либо и служат средством создания гиперболы. Слова *неоплаканный, непозванный, неприголубленный, неявленный* выражают оценку сожаления о том, что события не совершились: *На пороге железного века / Стою, мертвец неоплаканный* (8,70).

Прилагательные, образованные от глаголов с помощью приставки **не-** и суффиксов, имеют значение «неспособный совершить действие, названное мотивирующим словом, или подвергнуться этому действию»: *незаходимый, несекомый, неутешимый; необорный, неприточный, неразгадный, неугасный*. Данные прилагательные имеют ярко выраженное оценочное значение: *Все победнее окрест / Жизни творческие ходы, / Иисусовых невест / Неоглядней хороводы* (12,59); В

шестнадцать – кудри да посиделки, / А в двадцать – первенец, мологица, – / Это русские красные горелки, / **Неопалимая** фениксптица (12,212).

Прилагательные – адъективированные причастия, мотивированные глаголами с приставкой **недо-** и обозначающие неполноту совершения действия : *недозрелый, недолюбованный, недоменянный, недомысленный, недорощенный, недосаженный*. Данные слова выражают оценочное значение сожаления о том, что события не осуществилось полностью, в полной мере: **Недозрелую** калинушку / Не ломают и не реут, – / **Недорощена** детинушку / Во солдаты не берут (10,170). Насыщение текста подобными прилагательными создаёт амплификацию, то есть нарастание эмоционального напряжения:

<i>Лихо злое, подколенное,</i>	1
<i>Забегало частой рощей,</i>	2
<i>Корбой темною, дремучей,</i>	3
<i>Через лягу – грязь топучую,</i>	4
<i>Во селенье домовитое,</i>	5
<i>На гулянье круговитое?</i>	6
<i>У нас время недогуляно,</i>	7
<i>Зелено вино недопито,</i>	8
<i>Девушки недоцелованы,</i>	9
<i>Молодцы недолюбованы,</i>	10
<i>Сладки пряники не съедены,</i>	11
<i>Серебрушки недоменяны...</i>	12
<...>	

(10,112)

В данном стихотворении оценочная семантика выполняет важные композиционные функции и создаёт особую мелодику текста, напоминающую гармоническое построение фольклорных текстов причита. По типу оценочного значения этот текст делится симметрично на две равные, противопоставленные друг другу части. Строки 1-6 объединяет оценочное значение высшей степени проявления признаков, которое выражается не только словообразовательно (*селенье домовитое, гулянье круговитое, грязь топучая, корба дремучая*), но и синонимическими рядами, усиливающими впечатление (*Лихо злое, подколенное; Корбой темною, дремучей, / Через лягу – грязь топучую*). Данный стилистический приём, характерный для фольклорных текстов подробно описан в книге И.С. Климас, которая опирается на работы К.В. Чистова, В.Я. Проппа, С.Е. Никитиной [Климас 2004: 48-88]. Строки 7-12 объединяет оценочное значение неполноты проявления событий (цепочка слов с приставкой **недо-**) и сожаления по этому поводу. Таким образом, композиция текста строится на эмоционально-оценочном контрасте и амплификации.

Прилагательные, образованные с помощью составной приставки **-неис-** и суффикса **-н-**, обладают оценочной семантикой полной невозможности совершения действия, названного мотивирующим словом: *неизбежный, неизбывный, неизменный, неизреченный, неисповедимый, неисследный, неиссчитный.*

Наречия и предикативовы с эмоционально-оценочным суффиксом **-ешеньк-**: *недалеконько, поздешенько, скорешенько, тошнехонько, тяжелешенько.*

Словообразовательные типы глаголов:

Глаголы, образованные с помощью приставки **воз-/вос-/вс-**, имеют значение «интенсивно, внезапно или резко совершить или начать действие, названное мотивирующим словом»: *воздынуть, возжаждать, возжечь, возжигать, воззвать, возлагать, взлетать, взлететь, взлечь, возликовать, возложить, возлюбить, возмочь, вознести, возвестись, возносить, возноситься; восплясать, вспомнить, востеплить, восшуметь, возопить, возрадоваться, возрыдать, всплескать, восплясать, вспомнить, воссесть, воссиять, восставать, восстать, востеплить, вострепетать, вострубить, восходить, восхотеть, восшуметь; всколоситься.* Глаголы в указанном значении имеют эмоционально-оценочное значение. В поэтических текстах Клюева, как и в фольклорных текстах, встречаются цепочки таких глаголов с приставкой **воз-/вос-/вс-**, создающих асимметрический параллелизм, поскольку семантика приставки может видоизменяться:

*Напоследок слово молвила
Куропь-птица белоперая:
«А как я, — росой **вспоенная**,
Светлым облаком **вскормленная**, —
Возлечу в обитель Божию,
К Саваофону подножию,
Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную...»*

(6,246)

Интересно также отметить случаи, когда эмоционально-оценочная семантика рассматриваемой приставки усиливает отрицание, выраженное частицей **не**, стоящей перед глаголом: *Аль иссякла криница сердечная, / Али веры ограда разрушилась, / Али сам я — садовник испытанный / **Не возмог** прикормить вас молитвою* (6,91).

Глаголы с приставкой **при-** имеют значение «совершить действие с незначительной интенсивностью, не полностью»: *пригорюниться, призакрыть, призапасть, призасеять, принапружить, принаскучить, приувянуть, приужахнуться.* Подобные глаголы с оценочным значе-

нием вносят особые элегические интонации в звучание поэтического текста:

*Аль осыпалось красное вишенью,
Винограды мое приувянуло,
Али дубы матерые, вечные,
Буреломом, как зверем, обглоданы.*

(6,91)

Глаголы с эмоционально-оценочными значениями могут быть образованы и с помощью словообразовательных средств, выражающих интенсивность действия: *изжаждаться*; *понатрудить*, *преиспещрить*, *разузорить*, *разузориться*, *распойти*; *сплюбить*, *спродить*.

Как правило, рассмотренные выше словообразовательные типы фольклорных слов употребляются в текстах Клюева не изолированно – в чуждом стилистическом окружении, а в сочетании с другими фольклорными языковыми средствами – в родственном окружении: *Стародавняя кручинушка, Как угрюмая крапивоушка, / Затомила сердце ясное / У удалого детинушки* (12,60).

Изобразительность фольклорного слова

Изобразительность фольклорного слова в поэзии Клюева связана с употреблением сложных и сложносоставных слов, создающих яркие словесные образы обозначаемых предметов, животных, людей, а также их свойств и качеств.

Сложносоставные имена существительные

Парные сочетания – описательные номинации терминологического характера: *воды-маргариты*, *девка-запевало*, *дед-дворовик*, *дед-лесовой*, *знобьяник-цвет*, *сошенька-горбуша*, *камень-зель*, *парень-пахотник*, *парень-припевало*, *поземок-ветер*, *птаха-коноплянница*, *хризопрас-камень*, *цвет-призорник*.

Парные сочетания ассоциативного характера: *бабка-клюшница*, *кедры-ливаны*, *пути-мосты*, *рожь-гуменица*, *дымы-пажега*.

Парные сочетания синонимического характера: *баснослов-баян*, *дорога-путинушка*, *думы-розысли*, *кудри-вихори*, *животы-приданое*, *поглядка-выгляд*, *тоска-раздумье*.

Парные сочетания антонимического характера: *глумство-отвага*, *супостат-миляш*, *супостат-миляша*.

Парные сочетания тавтологического характера: *диво-дивное*, *пьяница-пропойщина*.

Парные сочетания аппозитивного характера (определяемое + определение): а) с изобразительным или изобразительно-оценочным эпитетом: *веснянка-комарница, витязь-схимнище, воин-зазноба, гусли-морок, злат-караван, злат-рыба, зой-невидимка, конь-шестоголав, коты-расхлябы, мальчик-кудряшок, меч-кладенец, мурлыка-сыроядец, мурлыка-тайновед, нахвальщик-кудрявич, песнослов-мужик, путь-суземок, разлапушка-купава, сарафан-разгулян, скрипуша-телега, сноп-недовязок, трудница-сорока, сукна-заволоки*; б) с оценочным или оценочно-изобразительным эпитетом: *быль-кручина, горынь-трава, девушка-согревушка, друг-братолюбец, други-братолюбцы, други-воины, жизнь-кручина, заманка-щипота, нахвальщик-царь, ненаеда-гость, песня-недоумка, праздничане-залихватчики, просфорка-потеряшка, размыкушка-гармоника, половчанин-злодей, свят-река, туга-пахота*; в) с эпитетом-олицетворением: *бор-старичище, братья-старица, елушка-сестрица, повитуха-хмара, поводырка-жуть, поземок-дед, пташка-клирошонка, рассвет-кудрявич, сердцедитятя, сестрица-сонь, сынок-листордер*; г) с метафорическим эпитетом: *дубы-знамена, заря-осинушка, изголовьице-сноп, нитка-леха, песня-яицо, погреб-слава, полосынька-душа, турица-краюха, уста-соловка, хмара-тишина, шолом-голова, судина-осень, темь-медвеженок*.

Сложные существительные

Встречается в поэзии Клюеватакже большое количество сложных существительных фольклорного характера, образованных по другим словообразовательным моделям:

а) сложение основ с интерфиксацией: *меднозвон, павлиноцвет, песногуд, песнослов, самогуды, семиглаз, снеговей, солноворот, стозвон, тихозаводь*;

б) сложение основы и слова с интерфиксацией: *зарецвет, златошвейня, песноклады, солноповорот, чернобог*;

в) сложение основ с суффиксацией и интерфиксацией: *ратолюбцы, краснобайщина, кроволитье, многоверстье, многолетка, песнозвучье, самобранка, солнценосец*.

Сложные прилагательные

Для сложных прилагательных фольклорного типа характерно серийное использование одних и тех компонентов, соотносительных с постоянными эпитетами:

- *бел-гербовый, белолиповый, белоструганый, белоногий, белопахий, белоперый, белоструганый, белояровый*;
- *буйно-алый, буйнокрылый, буйноперый, буйно-радостный*;
- *зарнокованый, зарноокий*;

- **звездглазый, звездоликий, звездоперстый, звездоперый, звездотечный;**
- **звонкогорлый, звонкодонный, звонкодугий, звонконогий, звонкоперый;**
- **златно-белый, златно-бурый, златобровный, златовейный, златокольчужный, златолобый, златоносный, златоордный, златоплодный, златоризый, златорудный, златоствольный, златотканый, златоузорчатый, златоцветный;**
- **золотобровный, золотокоосый, золотоликий, золотоперый, золотоспинный;**
- **краснорядный, краснобайный, красноводный, красногосый, краснзвонный, краснзубый;**
- **ладословный, ладословый;**
- **легковейный, легкозвонный;**
- **медноликий, медносорчатый, меднозобый;**
- **многоблезный, многозвонный, многозубый, многокрылый, многопестрый, многоплачевный, многопридельный, многорадушный, многоротый, многохвостый, многохоботный, многочадный;**
- **огневейный, огнеглазый, огнезарый, огнезобый, огнекопытный, огнекрылый, огнеокий, огнепальный, огнеперый;**
- **песнозвонный, песнорадушный, песнослословный, песнотворческий, песноцветный;**
- **светлокрашенный, светлорный;**
- **световидный, светорунный;**
- **семирогий, семискатный, семихолмный;**
- **скорокрылый, скорописчатый;**
- **сладковейный, сладкострунный, сладкоустный, сладкоязычный, сладословный;**
- **солнцевласый, солнцеглазый, солнцеликий;**
- **сребробородый, среброкрылый;**
- **стоозвонный, стокрылый, стоногий, стоокий, стоярусный;**
- **сыр-дремучий, сыр-темный;**
- **тихозвонный, тихомудрый, тихосветный;**
- **чернобурый, черноводный, чернокосый, черноперый, чернотканый;**
- **чудодейный, чудотворящий.**

Таким образом, образование авторских неологизмов на базе исходного фольклорного материала – характерная особенность поэзии Ключева. Однако среди сложных слов встречается также большое количество и собственно фольклорных лексем, например: **белопыловый, белояровый, красным-красна, братолюбный, долготчаемый, матерый-станливый, святоторусский.**

Сложные наречия

Сложные наречия употребляются гораздо реже в поэзии Ключева, что отражает общую закономерность словообразования данного типа: *золототкано, огнепально, откуль-неоткуль, ранним-рано, стократы, тиховейно, три-краты.*

Сложносоставные глаголы

В словаре Ключева довольно много характерных для фольклорного языка сложносоставных глаголов – парных сочетаний синонимов с экспрессивным значением: *кликать-чивкать, обрягаться-крутиться, падьмя-пасть, петь-жалковать, пытаться-крестовать, слушать-внимать, сполохаться-спужаться, сполохнуться-спужаться.*

Эмоционально-стилевые и этнокультурные коннотации

Данный важный аспект семантики фольклорного слова здесь, к сожалению, не рассматривается. Отдельные наблюдения были сделаны в предыдущих разделах книги. Как материалы для последующего в перспективе изучения приведём фрагмент соответствующего списка слов из поэтического словаря Ключева:

- *алатырь, анютюк, батырь, баюн, верижница, вертоградарь, виноградно, виноградьё, дроля, жеребий, забава, калика, кацяя, кладенец, кольчужник, ладань, ладо, лазорь, мати, ливаны, лилея, лиходей, любя, мавка, младень, насельница, недосказ, общник, объярь, очи, пава, переходжий калика, питательница, плакида, плясея, полоняник, приплачка, присвистка, причит, просфорка, пятенка, скатный бисер, снафида, тропина, трудник, трудница, финист, хмара, хоромы, хризопрас, шолом, юдо, яспис;*

- *алатырный, бебрян, бесермёнский, гвоздиный, дружкин, жемчужовый, измарагдный, кладенечный, колодовый, кудесный, кумачневый, любезный, надосветный, обидин, пагодный, окольний, пищный, ретивый, сладимый, соколиный, удалецкий, удалой, хризопрасовый, хрущатый, чаровый, чарый, честной, яровчатый, ярый, ятой;*

- *величати, высить, клянуть, красоватися, кручинить, мураветь, надоумиться, недомыслить, обгазнить, познаться.*

Фольклорные черты грамматики поэтических текстов Ключева здесь не рассматриваются. Укажем только примеры фольклорных деепричастных форм, которые встречаются в его текстах: *глядючи, извиваючись, ключючи, минуючи, смываючи, снаряжаючись, собираючись, увиючи.*

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовной по батюшке слыла,
Не носила б пятишовки с галуном,
Становицы с оподольником,
Еще чалых кос под сборником, –
Променяла бы я жарник с помелом
На гнедого с плящим огненным ружьём,
Ускакала бы со свекрова двора
В чужедальщину, где вражьи хутора,
Где станует бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьего гнезда;
Разразила бы я огненным ружьем,
Супротивника с нахвальщиком-царем.
«Не хвались де, снаряжаючись на рать,
На крещеную мирскую благодать,
Лучше выдай-ка за черныя вины
Из ордынской государевой казны
На мужицкий полк алтынов по лубку,
А на бабий чин камлоту по куску,
Старикам по казинетовым портам,
Бабкам-кляшницам по красным рукавам;
Еще дитятку Алешеньке
Зыбку с пологом алешеньким,
Чтобы полог был исподом канифас,
На овершыи златоризый чудный Спас,
По закромам были б рубчаты мохры,
Чтобы чада не будили комары,
Не гусело б его платице
В новой горенке на матице!»

(4,21)

ОБИДИН ПЛАЧ

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гуляньице –
Пир – мирское столованьице.
Как у девушек-согревушек
Будут поднизи плетеные,
Сарафаны золоченые,
У дородных добрых молодцев,

Мигачей и залихватчиков,
Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски соловецкие,
Из семи шелков плетеные.
Только я, млада, на гульбище
Выйду в старо-старом рубище,
Нищим лыком опоясана...
Сгомонятся красны девушки,
Белолицые согрешушки, –
Как от торопа повального
Отшатятся на сторонушку.
Парни ражие, удалые
За куветы встанут талые,
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые –
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
«Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом клюючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забежало частой рощею,
Корбой темною, дремучею,
Через лягу – грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У нас время недогуляно,
Зелено вино недопито,
Девицы недоцелованы,
Молодцы недолюбованы,
Сладки пряники не съедены,
Серебрушки недоменяны...»

Тут я голосом, как молотом,
Выбью звоны колокольные:
«Не дарите меня золотом,
Только слушайте, крещеные:
Мне не спалось ночью синею
Перед Спасовой заутреней.
Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выпрашивать,

Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую поддонную
Про святую Русь крещеную.
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала –
Зернью горькою прокапала,
Рыба в заводях повыхухла,
На лугах трава повывязбла...

Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озерышке,
Во глуби на самом донышке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются...
Оттого в заветный праздничек
На широкое гуляньице
Выйду я, млада, непутною,
Встану вотдаль немогутною,
Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит-поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья – слезы желтые
На могилу безымянную».

(1908, 1919)

СЛОВЕСНЫЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ

МИР

Н.А. Клюев принадлежит к числу тех русских поэтов, чье творчество воспринимается как глубоко национальное, связанное с вековыми народными традициями и духовными поисками. С этой точки зрения актуальным является изучение авторской картины мира как продолжение и развитие национальных представлений о мире, нашедших отражение в языке. Думается, что данное сопоставление необходимо начать с анализа центрального концепта «мир», который уже рассматривался в трудах по этнолингвистике (В. В. Колесова, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян). Интерес к этим материалам в связи с лингвопоэтическими задачами оправдан тем, что авторы работ привлекают в своих исследованиях литературные тексты, доказывая, что некоторые черты в творчестве многих писателей и поэтов можно понимать как сознательное или бессознательное обращение к «изначальному фонду» культуры, в том числе – к фольклорным традициям.

Анализ концепта «мир» в поэзии Н.А. Клюева проводился на основе произведений поэта, в которых употреблялось слово *мир* (57 употреблений) и другие слова данной тематической группы: *свет* (19 употреблений), *вселенная* / *вселенский* (16 употреблений), *мирозданье* (4 употребления), *космос* (3 употребления) (ПСК), причем принималась во внимание связь исследуемого концепта с другими, важнейшими для поэзии Н. Клюева, понятиями – *дом*, *покой* и др.

Видный современный этимолог В. Н. Топоров обращается к реконструкции праславянской концептуальной системы [Топоров 1993] и исследует ее центральное понятие «мир», опираясь на этимологию древнейших имен собственных в славянских языках, включающих в свой состав элемент **mir-*, а также на изучение культурно-исторических традиций употребления слова *мир* в фольклорных, литературно-художественных и других текстах. По мнению В. Н. Топорова, «**mir*-текст» представляет собой существенный фрагмент всего текста праславянской культуры и имеет универсальное значение. Ученый говорит о синкретичности данного концепта в древних славянских языках, о нерасчлененности понятий «мир-покой» и «мир-вселенная» в древнем языковом сознании, а также об особом, специфическом развитии, которое получило общеславянское **mir*-наследие в русской

традиции. Наблюдения над текстами произведений Н. А. Клюева показывают, что реконструируемые В. Н. Топоровым основные смысловые комплексы, связанные с темой и идеей мира в праславянском культурном сознании, находят отражение в творчестве поэта. Для доказательств этого положения далее рассматриваются устойчивые поэтические мотивы, связанные с темой *мир* в творчестве Н. Клюева.

1. В целом «мир» осознается «как нечто усвоенное в пространственно-временном бытии своей родовой общности. Отсюда акцент на своем, моем, нашем мире (* Svoib-mirъ, *Moib-mirъ, *Nasъ-mirъ) и внимание к его границам-пределам, в нем открываемым (*Kraib-, * Krome-, * ро-, *za-, *na-), которые должны быть взяты под контроль и охрану» [Топоров 1993:68]. С таким пониманием мира связана универсальная оппозиция «свое – чужое»; в поэзии Н. Клюева она находит отражение в особенностях поэтической синтагматики. Наиболее характерными конструкциями, в составе которых употребляется лексема *мир*, являются конструкции атрибутивные и генитивные: «*светлый мир*», «*Божий мир*», «*золотой мир*», «*любимый мир*», «*исцеленный мир*», «*крещеный мир*», «*мир покоя, отрады*» – это мир природы, мир деревни, мир России; он противопоставлен «*миру потерь*», «*греховному миру*», «*миру печали и мук*», «*миру тьмы наружной*»:

Здесь иной мир – покоя, отрады.

Нет суетных волнений души;

Жизнь тиха здесь, как пламя лампы,

Неколебимой ветром в тиши.

(12, 29)

Оппозиция «свой мир – чужой, чуждый мир» в разных произведениях поэта предстает в нескольких вариантах, в том числе как противопоставленность своего мира «древлего благочестия» современному неблагоприятному миру: *Потянуло в мир лестовок, часословов заплаканных, / В град из титл, где врата киноварные* (12, 157).

Тревога за судьбу «своего», «светлого» мира звучала в поэзии Н. Клюева на протяжении всей его творческой жизни, но особенно трагическое звучание приобрела эта тема в поэме «Песнь о великой Матери»:

Есть месяц жадных волчьих стай,

Погонь и хохот совиних,

Когда на пастбищах ослиных

С бодягой пляшет молочай.

Тогда у Матери родящей

Змея вселяется в приплод

И в светлый мир приходит кот,

Лобато-рыжий и смердящий.

На роженичное мяу ад вышлет нянюшку-змею

*Питать дитя полынным жалом,
И под неслышным покрывалом
Котенка выхолит рогатый...
Он народился вороватый,
С нетопырем заместо сердца,
Железо – ребра, Сталь – коленцы,
Убийца Матери великой!*

(13, 26)

2. «Мотив единства-единения и, как цель и результат единения, – мотив любви, дружбы, милости» [Топоров 1993:78]. В поэтическом словаре Клюева особую значимость имеют термины родства (*мать, отец, брат, сестра, сын, дочь* и другие), которые обычно выражают не только кровное, но и духовное родство и единение [Головкина 1999]:

*Россия, **матерь**, ты ли? Ты ли?
Босые ноги, плат по бровь,
Хрустальным лебедем из былей
Твоя слеза, ковыль – **любовь**
Плывут по вольной заводине!*

(13, 42)

Не противоречат, на наш взгляд, праславянскому концепту «м и р е д и н е н и е , л ю б о в ь» и строки, в которых звучит печаль поэта о том, что люди пренебрегают этим единением:

*Вы обошли моря и сушу
К созвездьям взвили корабли,
И лишь меня – мирскую душу,
Как жалкий сор, пренебрегли.*

(10, 310)

Нельзя согласиться с мнением А. И. Михайлова, который считает, что здесь Клюев идет во многом от Л. Толстого. Автор цитирует для доказательства такие слова Толстого: «Проходят века: люди узнают расстояния от светил, определяют их вес, узнают состав солнца и звезд, а вопрос о том, как согласить требования личного блага с жизнью мира, исключающего возможность этого блага, остается для большинства людей таким же нерешенным, каким он был для людей 5000 лет назад» [Михайлов 1994:98]. На наш взгляд, это сопоставление свидетельствует не о близости мировосприятия Клюева и Толстого, а о противоположности их представления о мире. Для Клюева никогда не существовало проблемы трагического разлада между личностью и миром-обществом, несмотря на трагические обстоятельства его личной судьбы. Душа поэта никогда не испытывала тоски одиночества, того мистического уныния, которое все более и более охватывало душу русского интеллигента, постепенно теряющего родовую па-

мьять, погружающегося в темноту душевного смятения, которое так гениально отразил Толстой в своем позднем творчестве, философских и богословских исканиях и, наконец, в предсмертных событиях своей личной жизни. Душа Клюева не знала этого уныния одиночества, так как это была «мирская душа», живой силой которой было чувство с о б о р н о с т и, той соборности, которая пронизывает всю православную этику и эстетику русского крестьянства и определяет поэтическую аксиологию Клюева. В его творчестве символом мирской души, то есть соборной христианской души, является храм, возведенный крестьянским миром:

*Ах, лебедь небесный, лазоревый крин,
В Архангельских дебрях у синих долин!
Бревенчатый сон предстает наяву:
Я вижу над кедрами храма главу,
Она разузорена в лемех и слань,
Цветет в суеменки, пылает в зарань, –
С товарищи мастер Аким Зяблецов
Воздвигли акафист из рудных столпов,
И тепля ущербы – Христова рука
Крестом увенчала труды мужика.*

(13, 6)

3. «Изоморфизм большого мира (космоса, земли) и малого мира (социума, общины, осознающей себя как образ, отражение, фрагмент большого мира)» [Топоров 1993:78]. На этом изоморфизме построена лексико-семантическая структура образа избы – сквозного в поэзии Клюева:

*Изба – криница без дна и выси –
Семью питает сосцами рыси.
Поет ли бахарь, орда ли мчится,
Звериным пойлом полна криница...
Извечно-мерно скрипит черпуга,
Душа кукует, иль ноет вьюга,
Но сладко, сладко к сосцам родимым
Припасть и плакать по долгим зимам!*

(12, 317)

Черты праславянского изоморфизма большого и малого мира обнаруживаются и в образах географического пространства и исторического времени. Художественное время и пространство в поэзии Клюева имеет сложную структуру. Концепция авторского хронотопа философична; в определенном смысле она близка концепции философа С. Л. Франка, современника Н. Клюева. В трактате «Непостижимое» Франк писал: «Несмотря на все расхождения и разнородность между непосредственным самобытием и предметным бытием – несмотря на

то, что мы обречены жить одновременно в этих двух враждебно сталкивающихся мирах, мы все же чуем, испытываем последнее единство обоих этих миров, обладаем этим единством, хотя это достояние как-то удалено от нас и лишь с трудом поддается полному осуществлению. Это единство есть, следовательно, истинная, лежащая в бесконечной глубине точка схождения, конвергенция этих двух разнообразных слоев бытия, составляющих бытие вообще» [Франк 1993: 444-445]. Авторский хронотоп Клюева можно определить словами С.Л. Франка: это – «последнее первоединство бытия», которое «как таковое властвует над всем бытием и проникает его, объемлет его и проходит через него. Первооснова не только – как говорил Николай Кузанский о Боге – имеет центр везде и свою периферию нигде, но она есть некоторого рода вездесущая атмосфера, которая так же неотделима от первоосновы как центра, как от солнца неотделим свет, объемлющий, наполняющий и пронизывающий пространство. Поэтому первооснова есть всеединство или всеединое» [Франк 1993: 444-445]. Во многих произведениях Клюева космическая первооснова поэтического времени автора преодолевает все условно-социальные, поверхностные пространственно-временные барьеры и объединяет в одном поэтическом образе и древнюю, и будущую Россию, и мировую историю как разные временные лики единой вечности. Например, такую композиционную функцию выполняет авторский хронотоп («вездесущая атмосфера» ощущения мировой реальности») в стихотворении:

*Я – посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать.*

*Вот почему на речке ряби
В ракидах ветер Алконост
Поет о Мекке и арабе,
Прозревших лик карельских звезд.*

*Все племена в едином слиты:
Алжир, оранжевый Бомей
В кисете дедовском защиты
До золотых воскресных дней.*

*Есть в сивке доброе, слоное,
И в елях финиковый шум, –
Как гость, в зырянское зимовье
Приходит пестрый Эрзерум.*

*Китай за чайником мурлычет,
Чикаго смотрит чугуном...
Не Ярославна рано кычет
На забороле городском, –*

*То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит;
Она в громовый плащ одета,
Перековав луну на щит...*

(10, 359)

4. В. Н. Топоров пишет о предельной антропоцентричности *mĩr-текста и *mĩr-теории, о диалоге, который ведется между двумя мирами – «большим», воплощенным в образе земли, и «малым», воплощенным в образе человека [Топоров 1993:6]. В поэтической образности Н. Клюева оживают древние архаичные пласты космогонических представлений, в которых уравниены макрокосм и микрокосм:

- 1) *Любимый мир – суровый дуб
И бора пихтовый тулуп,
Отары, буйволы в сто пуд
В лучах зрачков моих живут,
Моим румянцем под горой
Цветет шиповник молодой
И крепкогрудая скала
Упорство мышц моих взяла!*

(10, 428)

- 2) *Оттого в мире темень, глухая зима,
Что вселенские плечи болят от ярма,
От железной пяты безголовых владык,
Что на зори плетут власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цвето.*

(8, 38)

- 3) *Принапружь, ветробрадый, судьбу-удилище!
Клев удачен, на уде молот-рыба и кит.
На китовой избе гаги-птицы гнездилище,
И пята мирозданья – поддонный гранит.*

(7, 232)

Исследователи высказывают разные точки зрения на природу поэтического космизма Клюева, в том числе напрямую связывают его с философскими взглядами Н. Федорова. Думается, что такое прямолинейное объяснение особенностей поэтического мира знакомством с искусственными философскими построениями неправомерно. Образ-

ность поэзии Ключева вбирает в себя и древнейшие языческие космогонические представления, и библейский антропоморфизм с его личностным отношением к миру как созданию Божию.

5. Идея центра мира [Топоров 1993:103] воплощается в поэзии Ключева в нескольких символах-архетипах: *дереве, огне, воде, горе, городе, доме, избе, храме, кресте, столбе, колодце, пупе вселенной* [Захаров 1997; Киселева 1997].

Так, в поэтическом словаре Ключева данную символическую функцию выполняет довольно большая группа топонимов-названий гор: *Арарат, Афон, Гималаи, Гора Соколина, Елеон, Жигули, Кавказ, Казбек, Карпаты, Кур-гора, Монблан, Памир, Пиринеи, Саяны, Тибет, Урал, Голгофа* и др.

Образ мирского дома, мирской избы в поэзии Н.Ключева также восходит к праславянскому концепту центра мира. Реконструируя этот символ на основе этимологических и культурно-исторических данных, В.Н. Топоров отмечает: «По сути дела, перед нами мирской дом, дом мира-общины (ср. *Doma-mir, *Dome-mir) как еще один отмеченный знак центра мира в его пространственном и ценностном значении. Этот центр не может не быть высоким... С этой высоты виден весь мир (образ мира, самого себя озирающего), и на ней же хранятся высшие его ценности» [Топоров 1993:105]. Далее В. Н. Топоров обращается к индо-иранским фактам, которые «как бы восполняют то, что было известно в виде разбросанных деталей и не вполне ясных намеков – о «доме» – жилище мира в русской традиции. Ведийские и авестийские описания жилища Митры напоминают сооружение «дворцового типа и восходят к общему фрагменту индо-иранского митраического текста» [Топоров 1993:106]. Тем более поразительным представляется целостный поэтический образ дома мира, созданный Ключевым, который сохранил и воскресил в нем праславянскую концептуальную структуру. Этот образ лежит в основе лирического сюжета в следующем стихотворении:

*Где пахнет кумачем – там бабы посиделки,
Медынью и сурьмой – девичий городок..
Как пряжа, мерен день, и солнечные белки,
Покинув райский бор, уселись на шесток.*

Беседная изба – подобие вселенной:

*В ней шолом – небеса, полати – Млечный Путь,
Где кормчему уму, душе многоплачевной
Под веретенный клир усладно отдохнуть.*

*Неизреченный Дух и несказанна тайна
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!*

*Беседная изба на свете не случайна –
Она Судьбы лицо, преддверие могил.*

*Мужицкая душа, как кедр зелено-темный
Причастье Божьих рос неутоlimо пьет:
О радость быть простым, носить кафтан посконный
И тельник на груди, сладимей диких сот!*

*Индийская земля, Египет, Палестина –
Как олово в сосуд, отлились в наши сны,
Мы братья облаков, и савана холстина –
Наш верный поводыр в обитель тишины.*

(10, 300)

В последней строке содержится прямое указание на древний хронотоп родового представления о мирском доме: «Индийская земля, Египет, Палестина – как золото в сосуд, отлились в наши сны...» Поэт предвосхищает и результаты этимологических изысканий, и семиотические обоснования, и парапсихологические исследования, например, теорию Юнга о символах-архетипах, мотивирующих сновидения [Юнг 1991]. Но этим не исчерпывается символический смысл лирического сюжета данного стихотворения, как и других из цикла «Земля и железо». Мифологическая концепция Клюева не просто воспроизводит в новой индивидуально-авторской системе архаичный «*mit-text*», она создает его заново, самостоятельно, в новом качестве. Это новое качество *mit-texta*, концептуального комплекса, связанного с идеей мира, определяется тем, что это уже не просто дохристианский языческий мир, а мир крестьянской культуры, не отказавшейся на протяжении всей своей тысячелетней истории от своих святынь – будь то святыни дохристианские, святыни православной Киевской и Московской Руси, или это православные святыни новой послепетровской России – древние и новые монастыри, древние и новые православные святыне. Об этом свидетельствует система имен собственных, употребляемых Клевым. Доминирует в этой системе православная антропонимия и топонимия. Вот список топонимов, обозначающих монастыри и монастырские города: *Веркольск, Горицы, Дивеево, Задонск, Звенигород, Ипатьев монастырь, Кижи, Коломна, Коневец, Кашин, Кириллов, Кострома, Верхотурье, Лавра, Почаев, Новгород, Переяславль, Псков, Радонеж, Ростов, Саров, Соловки, Тверь, Тихвин, Углич, Устюг, Чернигов, Шуя, Ярославль*. Почти все эти топонимы употребляются Клевым неоднократно.

Л. А. Киселева, обратившая внимание на сложную знаковую природу клюевских топонимов, пришла к выводу, что поэт унаследовал

характерную для духовных стихов традицию. Автор указывает на исследованные еще Ф. И. Буслаевым Помянники, распространенные в среде раскольников [Киселева 1994:10]. Вот небольшой фрагмент опубликованного Ф. И. Буслаевым Помянника: «Помяни, Господи, прародителей и родителей наших, по плоти отцов и матерей, и братию и сестер, мужеский пол и женский, старцев, и младенцев и сирот, и вдовиц, и убогих, и плачущих, и не имущих, где главы подклонити в храмине». «Помяни, Господи, князей и бояр и братьев наших единоверных, во Христа избивенных за святых Божии церкви и за русских князей и за православную веру, за кровь христианскую, от Татар, от Литвы и от Немец, и от иноплеменик, и от своей братии, от крещенных за Доном и на Москве, и на Берге, и на Белеве, и на Калках, и на озере Галицком, и в Ростове, и под Казанью, и под Рязанью, и под Тихой Сосною» [Буслаев 1990: 336-337].

Таким образом, мирской дом как древний символ мира наполняется новым содержанием в контексте творчества Клюева. Крестьянская изба – дом мира, «свой» культурный мир, жилище вечных святых, в котором они сохраняются и охраняются от тьмы кромешной. Л. А. Киселева, рассматривая влияние Клюева на Есенина, отмечает: «Мотив избы, «отчего дома», пронизан у Клюева отчетливым сакральным смыслом <...> «Отчий дом» – это единственная возможность противостоять стихии, мраку, небытию. Это вертикаль, мощно пронизывающая толщу бессознательного небытия (= хаоса)» [Киселева 1997:187]. Не случайно во многих текстах символ «изба» (мирская, соборная, беседная, моленная) сочетается с двумя другими символами – «небом» (святость) и «водой» (тайна, потаенность, сокровенность):

Моленна в селе – семискатный навес:

До горнего неба – семь нижних небес.

Ступенчаты крыльца, что час, то ступень.

Всех двадцать четыре – заутренний день.

Рундук запорожный – пречудный Фавор,

Где плоть убелится, как пена озер.

Бревенчатый короб – утроба кита,

Где спасся Иона двуперстием креста.

Озерная схима и куколь лесов

Хоронят село от людских голосов.

По пятничным зорям на хартии вод

Всевышние притчи читает народ:

«Сладчайшего гостя готовьтесь принять!

Грядет он в ночи, яко скимен и тать;

*Будь парнем женатый, а парень как дед...»
Полощется в озере маковый свет,
В пеганые **глуби** уходит столбом
До сердца земного, где **праотцев дом**.*

(10, 282)

Понимание крестьянской культуры как мирового центра лежит в основе поэтической аксиологии Клюева, организует лексико-семантическую структуру его поэтического словаря. В связи с этим следует подчеркнуть, что кажется неправомерным считать поэта то язычником, то старообрядцем, то сектантом, то представителем финно-угорской культуры, что нередко встречается в литературе о Клюеве [Филиппов 1969; Райс 1969; Вроон 1997; Маркова 1997]. На наш взгляд, нельзя согласиться и с мнением о том, что Клюев был последователем Л. Н. Толстого, Н. Федорова, В. Розанова [Михайлов 1994, Семенова 1997], поскольку он не представитель книжной философской традиции, а создатель собственной мифопоэтической системы, отразившей традиционное крестьянское миропонимание, которое не предаёт своих святынь, не меняет их, а лишь хоронит их в глубине в случае опасности, как Китеж-град:

*Братья, Субботе Земли
Всякий любезно внемли:
**Лишь на груди избяной
Вы обретете покой!...***

*Светел запечный притин –
Китеж Мемелф и Арин,
Где словорунный козел
Трется о бабкин подол.*

*Там **образок Купины –**
Чаша ржаной глубины;
Тела и крови Руси,
Брат озаренный, вкуси!*

(10, 464)

Весть о крестьянском мире как оплоте святынь мира прозвучит после смерти Клюева в творчестве Ф. Абрамова, В. Белова, Н. Рубцова, В. Распутина, В. Крупина, Е. Носова.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые мотивы поэзии Н. Клюева, в которых нашли отражение древнейшие смысловые комплексы, связанные с праславянским концептом «мир». Ряд мотивов, послуживших развитием праславянской традиции в русском «мир-тексте» и являющихся ключевыми для некоторых периодов русской истории и культуры, – мотивы мира и правды, мира и воли, мира и

свободы – остались за пределами этой статьи, они требуют внимательного и пристального рассмотрения как одни из важнейших в творчестве Н. А. Клюева.

Конечно, нельзя говорить о том, что картина мира, представленная в поэзии Н. Клюева, является лишь слепком архаической картины мира, запечатленной в языке, однако эта близость многое объясняет в творчестве поэта, поскольку «полнота картины мира, ее углубленность или плоскостность определяется во многом интенсивностью духовных поисков ее субъекта, способностью адаптировать накопленный культурой опыт миропонимания, пропускать его через свое духовное видение» [Роль человеческого фактора в языке 1988]. Главное, что восприняла поэзия Н. Клюева из славянского миропонимания, – это идею целостного мира, замкнутого от губительного воздействия внешних сил, защищенного от хаоса. Такое изображение замкнутого (по горизонтали, не по вертикали) идеального пространства, как отмечают исследователи, легло в основу клюевской модели «избяного космоса»: «Клюевский «избяной рай» строится по принципу закрытости / открытости. Он закрыт для проникновения зла извне (в частности, городской цивилизации) и открыт (по вертикали) для духовного общения и сотрудничества с небом и с предками, лежащими в земле» [Мекш 1995].

С этой точки зрения можно говорить об актуальности творческого наследия поэта для споров современных философов о том, какой путь выберет Россия на рубеже веков. Отправная точка этих споров – рассуждения о закрытом и открытом обществе как о моделях, в которых аккумулируются противоположные векторы развития современного мира. Ученые предостерегают от чрезмерного увлечения идеями «открытого общества», ориентированного на свободу личности, на рациональность поведения, рассматривающего «не связанные с пользой представления о добре и зле, упования на альтруизм, апелляции к братству и любви» – все то, на чем держится закрытое общество – как «предрассудки, пережитки дорационального отношения к миру» [Кутырев 1999:157]. Главным «врагом» открытого общества является культура, которая, особенно в своих традиционных, религиозных и нравственных нормах, подчиняет личность обществу, мешает вести себя, лишь исходя из принципа полезности, и в то же время противостоит обезличенности человека. «Культура – это воздух, атмосфера, в своих высших образцах – озоновый слой цивилизации, без которого она в качестве человеческой просуществует недолго» [Кутырев 1999: 161]. Даже сторонники и проповедники открытого общества как самого совершенного начинают говорить как об идеале об «устойчивом» обществе, которое «закрыто культурой в отношениях общения и внутри личности – ее способностью не только считать и выгадывать, но и верить, надеяться, любить, ценить искусство, понимать философию, ру-

ководствоваться моралью. Способностью иметь душу» [Кутырев 1999: 161]. В размышлениях о том, «куда несет нас рок событий», опорой нам может послужить русская поэзия в лучших ее образцах, ориентированная на национальные духовные традиции, связанная с народной культурой всеми своими корнями.

ХЛЕБ

*Но жив мой дух, как жив Господь,
Как сев пшеничный перед восходом...*

Н.А. Клюев

Образная семантика слова «хлеб» в творчестве Клюева базируется на его общеязыковые лексические значениях, отражённых в толковых словарях, и на символических значениях, которые сформировались у данного слова-концепта в истории мировой и русской культуры. Лексико-семантическая структура слова «хлеб» состоит из шести лексических значений: 1. Пищевой продукт, выпекаемый из муки. 2. Пищевой продукт из муки в виде выпеченного изделия какой-н. формы. 3. Ед. Зерно, из которого делают муку. 4. Хлебный знак. 5. Перен. Пропитание, иждивение (прост.). 6. Средства к существованию, заработок (СО, 749).

Символическая культурная семантика этого слова гораздо разнообразнее и шире. Она соотносится со сложной системой концептов, которые возникли в процессе мифологизации и символизации хлеба в истории культуры. Хлеб один из древних центральных образов крестьянской культуры у многих народов. Культурная и эмоционально-оценочная значимость слова-концепта «хлеб» обусловлена его обязательным присутствием как в системе религиозных понятий и символов, так и в поэтическом языке фольклора и художественной литературы (Бидерман, Кэрлот, МНМ; Нюстрем; ПД; СВНЗ; СМ; Трессидер; ХС). Сакральный и этнокультурный фон образных значений слова «хлеб» соотносится с потенциальной системой концептов, которая ориентируется на антропоцентричный мир природы и собственно мир человека – на три основных вида его деятельности – экономическую, идеологическую и сакральную (классификация о. П. Флоренского).

Е. А. Черкашина, опираясь на данные указанных выше словарей и справочников, сделала обзор основных культурных концептов, связанных с этим словом-символом в истории культуры [Черкашина 2001]. Ниже используются ее данные, а также результаты нашего обзора.

С природной сферой соотносятся следующие концепты слова «хлеб»: «основная пища человека», «сила», «здоровье», «жизнь»; «плодородие земли», «плодовитость человека», «рост детей», «пло-

довитость скота», «здоровье скота»; «солнце, солнечный свет», «Мать-земля».

С экономической сферой, в которой создаются материальные ценности, соотносятся концепты слова «хлеб»: «богатство в доме, изобилие», «пожелание богатства», «средство к существованию», «пропитание», «благополучие семьи», «источник жизни», «удача в земледелии и рыболовстве».

С идеологической сферой, с мировоззрением и социальным поведением, с этикой, соотносятся концепты слова «хлеб»: «приветствие», «гостеприимство», «прямотушие, добродушие», «дружба», «союз, единство», «милость», «любовь, ласка»; «главенство», «двигатель жизни», «суть», «истина», «истоки, начало»; «нравственная чистота», «счастье человека». Кроме концептов с положительной коннотацией, слово «хлеб», сочетаясь со словами с отрицательной коннотацией, выражает отрицательные концепты (ср. «горький хлеб разлуки»): «тяжёлая доля», «слёзы, печаль», «беззаконие».

С сакральной сферой, отражающей религиозные представления, духовные и мистические понятия, культовые действия, ритуалы, а также языческие суеверия, соотносятся следующие концепты слова «хлеб». В христианской традиции: «духовная пища», «пища вечной жизни», «манна небесная», «дар Божий», «тело Христово»; «Воскресший Христос», «благодать Божья», «духовная радость», «святой разум», «Слово Божье», «духовное возрождение»; «служение Господу», «пост», «жертвоприношение», «искупление», «очищение», «причастие», «верность Господу»; «Рай», «Царство Небесное». В языческой традиции: «божественное покровительство», «оберег от враждебных сил», «божество», «хранитель земного духа», «жертвоприношение», «дух животных», «дух человека», «дар божества», «взаимоотношения между живыми и их умершими предками».

В творчестве Н.А. Клюева тематическая парадигма слов с общим концептом «хлеб» состоит из 30 слов, которые употребляются 289 раз: хлеб (36), хлебный (12), коврига (37), коврижный (7), рожь (11), ржаной (21), пшеница (6), пшеничный (11), зерно (18), кус (14), кусок (9), калач (12), пряник (11), ячмень (9), колос (9), каравай (8), жито (7), Опара (6), пирог (6), пашня (5), баранка (3), дрожжи (3), мучной (3), мякиш (3), просфора (3), пышка (3), тесто (3), кулич (2), закваска (1), корочка (1), крауха (1), нива (1) (ПСК). Таким образом, тема хлеба является сквозной в поэзии Клюева. Существенно отметить, что эта сквозная тема в его творчестве разрабатывается во множестве образно-символических вариаций. Они мотивируются культурно-историческим фоном — той системой концептов, о которой речь шла выше.

1.

Ведущей в создании образно-символических контекстов слова «хлеб» и тематически близких ему слов является христианская традиция. Христианские символические значения хлеба и, соответственно, слов одной с ним тематической парадигмы в поэзии Клюева также разнообразны, но все они соотносятся с основными образами – Бог, Жертва, Тело Христово, Место пребывания Бога – рай, Время Божественное – Вечность, Царствие Небесное. Включаясь в лирический сюжет стихотворений и поэм, концепт «хлеб» приобретает частные символические значения, которые в той или иной степени конкретизируют исходную символическую семантику. «Сакральное слово Клюева расцветает на пересечении разных культурных традиций, тем самым защищаясь от омертвления, от попыток буквального его прочтения», – замечает Л.А. Киселёва [Киселёва 1999: 53]. Далее рассмотрим особенности варьирования образной семантики слова «хлеб» в творчестве этого поэта.

1. Тема духовного подвига, цель которого – стяжание Духа Святого и приобретение царства Небесного, уподобляется жатве хлебных злаков. Одно из стихотворений в первом сборнике Клюева «Сосен перезвон» называется «Жнецы». В его символическом сюжете тема духовной жатвы является основной:

*Мы блаженны, неизменны,
Веря любим и молчим,
Тайну Бога и вселенной
В глубине своей храним.*

*Тишиной безвестья живы,
Во хмелю и под крестом,
Мы – жнецы вселенской нивы
Вечеров уборки ждём.*

*И хоть смерть косою плетворной
Нам грозит из лет седых:
Он придёт нерукотворный,
Век колосьев золотых.*

(1,15)

В процесс символизации включается и эпиграф к стихотворению – слова из А.В. Кольцова: «Сладок будет отдых / На снопах тяжёлых!». Осевое время и пространство здесь – «нерукотворный Век колосьев золотых».

2. Тема духовного воскресения после мученической смерти за Христа сравнивается с севом и хлебными всходами в стихотворении «Мученик»:

*Едва уснувший небосклон
Забрезжит тайной неразгаданой,
Меня князей синедрион
Осудит казни беспощадной.*

*Обезображенная плоть
Поникнет долу зрым плодом.
Но жив мой дух, как жив Господь,
Как сев пшеничный перед восходом...*

(1,51)

3. Тема мистического преображения души, когда человек созерцает духовными очами утраченный рай, связана с образом «хлеба животного» – символом Божественной Благодати и Слова Божия, как, например, в «Усадном стихе» (1912):

*...Мы вспоём-ка, друженьки, взыграем,
Глядячи друг другу в очи возрыдаем,
Что ль о той приземной доле тесной,
Где мы в Свете Непреступном пребывали,
Хлеб животный, воду райскую вкушали,
Были общники Всещедрой Силы,
Громогласны, световидны, шестикрылы...*

(6,115)

Или в «Поддонном псалме» (1916), рисуя образ «Нерукотворной России», поэт снова обращается к мотиву «хлеба животного»:

*Сыты кони **овсяной молитвой**
И подкованы веры железом;
Ель покоя жильё осеняет,
А в ветвях её Сирин гнездится:
Учит тайнам глубинным хозяйку,
Как взмесить **нежных звуков опару**,
Дрожжи звуков Всевышних не сквасить,
Чтобы выпечь **животные хлебы**.
Пищу жизни, вселенское брашно...*

*Побывал я под чудною елью
И отведал **животного хлеба**...*

(10,303)

В рассмотренных случаях, а также в символических значениях хлеба, которые будут указаны далее, христианская символика хлеба несколько преобразуется, оказавшись в системе образов народного духовного стиха.

4. Тема грядущего Царства Небесного, Рая, в котором Зло окончательно будет побеждено Любовью, образы которой заимствованы

Клюевым из народных утопий, символизируется общей трапезой, преломлением хлеба за одним столом:

... Так молещикам Глас почуялся:
«Погублю Ум Зла Я Умом Любви,
Положу препон силе Змиевой,
Проращу в аду рощи тихие,
По земле пушу воды сладкие –
Чтобы демоны с человеками
Перстнем истины обручились.
За одним столом **преломляли б хлеб**
И с одних древес плод вкушали бы!...»

(6,239)

В приведённом выше отрывке из «Скрытного стиха» Клюев использует образы песен олонечких скрытников, на что он указывает в эпиграфе. Однако мысль о том, что все призываются Богом в Царство Небесное на вечерю Любви, постоянно утверждается христианскими богословами. Например, Святитель Тихон Задонский пишет: «Бог, Царь небесный, сотворил великую вечного блаженства вечерю, всякаго неизреченного утешения, наслаждения, радости и веселия исполненную, и звал и зовет всех по Своему человеколюбию – всех, говорю, славных и безславных, благородных и худородных, богатых и нищих, мудрых и разумных, и всякого полу, звания и чина людей» [Схиархимандрит Иоанн (Маслов). 1996: 1149-1150].

5. Хлеб – евангельский символ Тела Христова (На тайное вече: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: «Приидите, ядите; сие есть Тело Мое» (Мф 26 26) постоянно встречается в духовных стихах Клюева: «В мой хлеб мешаете вы пепел, Отраву горькую – в вино, Но я, как небо, мудро-светел И неразгадан как оно» (10,138), «Белому брату – Хлеб и вино новое уготованы» (12,68), «Служить заутреню любви, Вкусить кровей, живого хлеба...» (12,76).

6. Кроме христианских, концепт «хлеб» имеет и другие символические значения, которые также носят сакральный характер, поскольку являются производными от них. Так, слова, связанные с темой молотбы хлеба, исконные библейские символы, у Клюева используются как в значениях, близких к источнику, так и во вторичных значениях. Они могут быть символами поэтического творчества, которое понимается мистически:

... **Солома** всему укрепа,
Хлеб – вселенская голова,
Вымолотят слова
Труда золотые цепы...

*... Душа всещедро-тверда,
Как ток, цепами убитый,
Где смуглый Ангел труда
Молотит созвучий жито.*

(11,131-132)

Подобное же осмысление темы молотьбы хлеба наблюдается и в стихотворении «Клеветникам искусства»:

*... Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри вплетались в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву, ...
... Чтобы **гумно**, где Пушкин и Кольцов,
С Есениным в венке из васильков,
Бодягой поросло, унылым плауном,
В разлуке с песногривым скакуном
И с **молотьбой** стиха свежее борозды
И непомернее смарагдовой звезды,
Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,
Рождая струнный плеск и вещей сказок рои!*

(12,265)

7. Особенно глубоким мистическим смыслом наполнены слова, обозначающие процессы «растворить, замесить и выпечь хлеб» и символизирующие тайны поэтического творчество в «Белой повести», посвящённой памяти матери поэта. Мотив хлеба в этом произведении развивается сразу на четырёх смысловых уровнях: создание хлеба – создание мира – создание Сына Божия – создание стихов:

*... Оно не микроб, не Толстой,
Не Врубеля мозг ледовитый,
Но в победья час мировой,
Когда мои **хлебы пекутся**,
И печка мурлычет, пьяна
Хозяйской, бобыльною лаской,
В печурке созвездья встают,
Поёт Вифлеемское небо,
И Мать пеленает меня –
Предвечность в убогий свивальник...*

*И слёзные ливни, как сеть,
Я в памяти глубь погружаю,
Но вновь неудачлив улов,
Как **хлеб**, что пеку я без Мамы, –
Мучник стихотворный испод,
И соль на губах от созвучий,*

*Знать, в замысла ярый **раствор**
Скатилась слеза дождевая.*

(12,148)

«Жемчуг – зерно семя – слово в равной мере означают у Клюева созидательное начало, новый центр бытия. Об этом и обращённые к Есенину строки: «Супруги мы... В златых веках Заколосится наше семя»» [Киселёва 1999: 53].

8. Сакральный смысл хлеба для русского крестьянина большевики использовали в своих революционных лозунгах, тем самым обращаясь к самым сокровенным его чаяниям. Эту новую революционную символику хлеба Клюев воссоздает в «Красной песне»:

*...За Землю, за Волю, за **Хлеб** трудовой
Идём мы на битву с врагами –
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!*

*Пролетела над Русью Жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,
Вольный **хлеб** мужику уроди!*

(10,343)

Хлеб, коврига становятся в стихотворениях Клюева символами будущего земного рая, который обещают народу. Сохраняя неизменной фольклорность образов, в стихотворении «Уму республика, а сердцу – Мать-Русь...» он так рисует чаемый рай земной:

*...Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,
О небе пестрядном, где звёзды-комары,
Где с аспидом дитя играют у норы,
Где солнечная печь **ковригами** полна
И киноварный рай дремливее челна...*

*...О, тысяча девятьсот семнадцатый Февраль! –
Под вербную капель и под грачиный грай
Ты выпек дружкин **хлеб** и брачный **каравай**,
Чтоб Русь благословить к желанному венцу...*

(12,169-170)

9. Хлебный колос и семя-зерно являются символами-архетипами созидательного начала и нового центра бытия [Киселёва 1999: 53; Захаров 1997: 108, 109; Ситько 1997: 122, 125, 126], следовательно, они создают образ осевого времени и пространства. Содержание этой лингвопоэтической категории в творчестве Клюева неоднородно, но обладает органическим единством, о чём свидетельствуют рассмотренные выше варианты символических значений концепта «хлеб». Объеди-

няющие образы – это хлеб как символ Иисуса Христа, Его жертвы на Кресте «нас ради человек и нашего ради спасения» (Символ веры), Его Воскресения. Эти символические значения концепта «хлеб» и образуют аксиологическое содержание осевого времени и пространства православного крестьянского мира. На их основе формируется мифопоэтический сюжет многих произведений Клюева. Например, в стихотворении «На овинной паперти Пасха...» именно рассмотренную выше символическую функцию выполняет внутритекстовая тематическая парадигма «хлеб»:

*На овинной паперти Пасха,
Звон соломинок, сдобный дух:
Здесь младенцев город, не старух,
Не в косматый вечер злая сказка.*

**овинный
соломинки, сдобный**

*Хорошо с сусликом «Свете» петь,
С колоском в потёмках повенчаться,
И рукою брачной постучаться
В недомысленного мира клеть.*

**суслик
колосок**

*С древа жизни сиринов вспугнуть,
И под вихрем крыл сложить былинку.
За стихи свеча Садко-овину...
Скушно сердцу строки-дуги гнуть.*

овин

*Сгинь, перо и вурдалак-бумага!
Убежать от вас в сусликный храм,
Где ячменной наготой Адам
Дух свежит, как ключ в глуши оврага.*

**сусликный храм
ячменный**

*Близок к нищим сдобный, мглистый рай,
Кус сиротский гения блаженней...
Вседержитель! Можно ль стать нетленной,
Чем мирской, мозольный каравай?*

**сдобный
кус**

каравай

(7,77)

Смысловое содержание концепта «хлеб» в этом стихотворении значительно усложняется и углубляется с силу того, что поэтический мотив хлеба в образно-символическом сюжете текста неразрывно переплетается с другими мотивами – церковной службы («Свете» петь, т.е. молитву «Свете тихий...», которая поётся на вечерне), сказки, брака, рая, поэтического творчества, младенчества и старости, вечерни. Символ хлеба формирует в этой системе поэтических мотивов смысловую ось сюжета – указывает образно на самое существенное в жизни человека.

Наибольшего поэтического размаха достигли символические образы хлеба в поэме «Мать-Суббота». Об этом пишут многие исследователи творчества Клюева [Филлипов 1969; Киселёва 1999; Захаров 1997; Ситько 1997; Маркова 1997; Казаркин 2000]. Л. А. Киселёва, рассматривая различные интерпретации этой поэмы в специальной статье, вступает в дискуссию с Ольгой Форш, которая в повести «Сумашедший корабль» пишет: «Никогда, может быть, не было такого возвеличения начала женского, идеи женской ...», и с Борисом Филипповым, который заявляет, имея в виду эту поэму, о «небывалом в русской поэзии прославления Жены-Матери» и «понимании Духа Святого как Женской Ипостаси в Св. Троице» [Киселёва 1999: 51]. Л. А. Киселёва обращается к исследованию поэмы в свете тех мыслей, которые высказывал сам Клюев о её замысле: «Рождество хлеба, его заклание, погребение и воскресение из мертвых, чаемое, как красота в русском народе» [Киселёва 1999: 52]. Исследовательница делает вывод: «Колос, символизирующий в различных культах победу жизни, пробуждающейся в смерти, является поэтому одним из ключевых образов «Матери-Субботы» [Киселёва 1999: 52]. Автор раскрывает глубинные смыслы слов, включающих в своё содержание концепт хлеба, отмечает взаимопроникновение разных культурных традиций в сюжете этой поэмы. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением Л. А. Киселёвой, что символический смысл образа Субботы в поэме имеет в своей основе ветхозаветные и талмудические традиции [Киселёва 1999: 60-61]. Представляется, что следует сказать и о новозаветных традициях, которые получили распространение в богословских трудах русских православных мыслителей, например, у Тихона Задонского: «Нынешнее, христианин, время есть время трудов, подвига, плача, сетования, печали и крестоношения: в оном веке, егда время минется и настанет вечность, откроется истинным христианам пресветлый праздник. Тогда они упокоятся от трудов, и будут праздновати субботу беспрестанно и вечно, не один день в седмице, но всю вечность... В тые дни не увидят ничего печального, скорбного, ...никогого бедствия, но всё тихо, мирно, безопасно, весело, светло, радостно, благоприятно» [Схиархимандрит Иоанн (Маслов). 1996: 1144-1145]. Этому светлomu празднику и благостному покою вечной Субботы созвучны и образы «Матери-Субботы» Клюева:

*...Ангел простых человеческих дел
Вечером голуб, в рассветки же бел,
Перед ковригою свечку зажѣг,
В бороду сумерек вплѣл василѣк,
Сел на шесток и затренькал сверчком:
«Мир тебе, нива, с горбатым гумном,*

*Мир очагу, где обильны всегда
Звёздной плотвою годов невода!...*

*Невозмутимы луга тишины –
Пастбища тайн и овчинной луны.
Там небеса, как полати теплы...*

(10, 457-458)

Но, как и всегда у Клюева, слово «Суббота» имеет несколько смысловых планов в поэме. Кроме рассмотренного выше значения «вечный покой перед ликом Господа в Царствии Небесном», это слово имеет ещё два смысла, которые связаны с событиями, изложенными в Евангелии: 1) Христос и суббота (Мф 12 1-8; Мк 2 23-28; Лк 6 1-5), Исцеление сухорукого в субботу (Мф 12 9-14; Мк 3 1-6; Лк 6-11), Исцеление при купальне Вифезда в субботу (Ин 5 116); 2) Суббота после распятия Христа на Кресте перед Воскресением (Мф 27 62-66; Мк 15 42-47; Лк 23 50-56; Ин 19 38-42).

Рефрен поэмы – «Ангел простых человеческих дел...» по духу соответствует словам Христа: «Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мф 12 8), «Итак можно в субботу делать добро» (Мф 12 12).

Третий смысл слова «Суббота» в поэме Клюева соотносится с Субботой перед Воскресением Христа (Мф 27 62-66):

*...Это – Суббота у смертной черты,
Это – Суббота опосле Креста...
Кровью рудеют России уста,
Камень привален, и плачущий Петр
В ночи всемирной стоит у ворот...*

(10, 466)

Клюев, по свидетельству Н. Архипова, так определял замысел своей поэмы: «...Мистерия избы – Голубая Суббота, заклание Агнца и урочное Его воскресение. Коврига – Христос избы, хлеб животный, дающий жизнь верным» (16,51). Отвечая критикам поэмы, Клюев пояснял: «Мать-Суббота» – избяной Экклезиаст, Евангелие хлеба, где Лик Сыны Человеческого посреди животных: льва, осла, орла и ангелов любви Иоанновой» (16,59).

Система символических образов хлеба в поэме «Мать-Суббота» связана с «ритуальностью как тематическим компонентом орнаментальности в поэзии Николая Клюева» [Ситько 1997: 119]. Г.С. Ситько отмечает: «Стихотворный орнамент предполагает взаимосвязь однородных компонентов, в своём развитии образующих сложный многослойный рисунок, который, имея символический характер, несёт также глубокую смысловую нагрузку» [Ситько 1997: 119]. Характеризуя личное апокалиптическое сознание поэта-пророка, А.П. Казаркин напоминает, как понимал это о. С. Булгаков: «Апокалипсис есть откровение не

столько о будущем, сколько о подлинно существующем в невременных глубинах бытия и соответственно созреванию раскрывающемся в истории... История для религиозного сознания есть священное тайнодействие» [Казаркин 2000: 51. Булгаков 1993: 413]. Аксиологическое содержание слова «хлеб» и других тематически связанных с ним слов определяется в целом в поэзии Клюева этим личным пророческим мировосприятием.

2.

В творчестве Клюева слово «**коврига**» по частоте употребления и символическим значениям близко слову «хлеб». По данным «Поэтического словаря Н.А.Клюева», «хлеб» употребляется 36 раз, «хлебный» – 12, «коврига» – 34, «коврижный» – 7. Коврига – это «цельный хлеб, каравай...» или «ломоть во весь хлеб, или круглый» (Д., 2, 128). Эта особенность хлеба-ковриги и мотивирует процесс символизации: «коврига» – «мир». У Клюева символическое значение «мир» представлено несколькими вариантами:

а) коврига – Вселенная: *«Коврига Вселенной и Месячный нож – Нарушай помтей, и Мирская душа Из мякиша выйдет, крылами шурша»* («Белая Индия», 10,310);

б) коврига – духовная жизнь человека, ведущая в Царствие Небесное: *«Нас манят в зенит городов купола, / В коврижных поморьях звенящий баркас / Сулится отплыть в горностаевый сказ, / И нож семьянина, ковригу деля, / Как вал ударяет о грудь корабля. / Помочь черносошный – то парус, то руль, / Но зубы как чайки у Стёп и Акуль –/ Слетятся к обломкам и правят пиры... Мы сеем и жнём до урочной поры, / Пока не привёл к пестрядным берегам / Крылатых баркасов Нетленный Адам»* (10, 310);

в) коврига – Святая Русь: *«Золотые столбы России – Китоврас, коврига и печь»* (12, 212);

г) коврига – счастье крестьянского мира: *«Она – избяное светило...»* (11,80), *«Мы борцы, Есенин и Клюев, За ковригу возносим стяг»* (8,64), *«И пал Карфаген – избяная коврига ...»* (11, 119);

д) коврига – счастливое будущее народа: *«Будут пахучи ковриги, Зимние избы теплы»* (10, 214), *«Будет и коврига – Пламенный испод...»* (10,421);

е) коврига – революционные миражи земного рая: *«Замесит Орина ковригу – Квашня семнадцатый год...»* (10, 377), *«Вторая смертельным думам, / Реет советский флаг. /Как будто Фрегат багряный/ Отплывает в безвестный край / Восшумят в печурке платаны, / На шесток взлетит попугай. / У раджа на слоне священном /Посетит зырянский овин, Из ковриги цветом нетленным / Воз-*

растёт златоствольный крин. / Вспыхнет закат-папаха, / Озарит потёмки чернил, / И лагунной музыкой Баха / Зажурчит безмолвье могил» (10, 388-389);

ж) коврига – мир поэтического творчества Ключева: «Я под огненным баобабом Мозг **ковриги** и звёзд постиг! Есть Звезда Квашни и Сусека, Материнской пазушной мглы... Раздышалась мякишем книга, Буква «Ша» – закуска в пере, И Казбеком блещет **коврига** Каравану пестрых тире» (11, 124), «На жернове суровых дней Измелется **ячмень** багровый, **Ковригой** испечётся слово...» (11, 155);

з) коврига – Небесный мир, Царство небесное: «Родина, я умираю – Кедр без влаги в корнях, Возношусь к **коврижному** раю, Где **калач** – засов на дверях, Где изба – **пеклеванный** шолом, **Толоконная** городьба!... (11, 11), «Помню Боженьку, небо первачное, Облака из **ковриг**, солнце щаное, В **пеклеванных** селениях брачное Пенье Ангелов: «Чадо желанное!» (12, 157).

Следует особо выделить другое направление символизации слов «коврига», «коврижный» и другой «хлебной» лексики в поэзии Ключева, на которое впервые обратила внимание С. В. Полякова [Полякова 1994: 34–37]. Поэтический мотив «хлеб» символически переплетается в лирическом сюжете многих стихотворений Ключева с мотивом солнца. У него солнце – «**коврижное**» (8, 57), «**ржаное**» (10, 398), **пшеничное**» (1, 50), «**пеклеванное**» (12, 178). Образный синкретизм этих представлений у Ключева выражается в общих направлениях символизации значений «солнечной» и «хлебной» лексики. Приведём примеры, когда они создают совместно символические образы Бога, Божьей благодати: «На печной материк сходят мама и дед, / Облечённые в звон, в душу флейт и стихов, / И **коврижное** солнце крупитчатый свет / Проливает в печурки, где выводки слов» (8, 57), «Ставьте ж свечи Мужичькому Спасу! / Знание – брат, и Наука – сестра. / Лик **пшеничный** с бородой солнцевласой / – Воплощенье любви и добра!» (10, 344). Коврига-солнце – поэтический образ крестьянского счастья – является древнейшим архетипом земледельческих культур. Ключев актуализирует этот древний образ, делая его постоянным компонентом своего поэтического орнамента.

С. В. Полякова отмечает также, что не только солнце, но и другие небесные тела представлены «хлебными» образами: «то земля – «**коврига** вселенной», то «**Саваофовых** брашен кроха», то «**макитра** с опарой». ...Мы читаем у него о «звёздных пышках», о «колобе, замешанном на звёздном сале», о «**пеклеванных** созвездиях», о луне, уподобленной **Божьему блину**, о месяце – **анисовом калаче**» [Полякова 1994: 35]. И здесь проявляется синкретизм поэтических мотивов хлеба и звёзд, хлеба и луны, месяца. В стихотворении «Февраль», выражая чаяния крестьян о хлебном рае, Ключев пишет: **Алмазный плуг** поды-

мет ярь / Волхвующих борозд, / Овин – пшеничный государь / В венце из хлебных звёзд (12, 164).

Наиболее полно процессы символизации слов хлебной семантики можно охарактеризовать при изучении лексико-семантической структуры лирического сюжета конкретного текста. Далее представлен опыт такого исследования.

3.

В основу исследования процессов символизации значений слов, составляющих внутритекстовую парадигму «ХЛЕБ», положены методы структурного анализа композиции и лирического сюжета стихотворений, разработанные в книге «Структура поэтического текста» [Яцкевич 1999].

*Коврига свежа и духмяна,
Как росная пожня в лесу,
Пушист у кормилицы мякиш
И бел, как береста, испод.*

*Она – избяное светило,
Лучистее детских кудрей,
В чулан загляни ненароком-
В лицо тебе солнцем пахнет.*

*И в час, когда сумерки вяжут,
Как бабка, косматый чулок,
И хочется маленькой Маше
Сытового хлебаца поестъ.*

*В ржаном золотистом сиянье
Коврига лежит на столе,
Ножу лепеча: «Я готова
Себя на закланье принести.»*

*Кусок у малютки в подоле.
В затоне рыбацкий баркас:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызены днище и руль, –*

*Но светлая радость спасенья,
Прибрежная тишь после бурь
Зареют в ребяческих глазках,
Как ведренный, синий июль.*

	I	II	III	К.	Ф	П ₁	П ₂	Ц	ПМ.			
1.				Ж	I(II)	1	1		I(КОВЫРГА)			
2.				М	I	2						
3.				Ж	I(II)							
4.				М								
5.				Ж	II	3	2	I				
6.				М		4						
7.				М	I	5	3		II(ВРЕМЯ)			
9.				Ж	I/II							
10.				М	I							
11.				Ж	6							
12.				М	II(I)	7	4		III(ЖЕРТВА)			
13.				Ж		8						
14.				М								
15.				Ж		9						
16.				М	I							
17.				Ж	II	10	5	II	II, I			
18.				М		11						
19.				Ж								
20.				М		12						
21.				Ж	I(II)				V(СПАСЕНИЕ)			
22.				М								
23.				Ж								
24.				М								
					II	11	6		V			
					I(II)	12						

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

К. - КЛЮЗУЛА

М. - МУЖСКАЯ

Ж. - ЖЕНСКАЯ

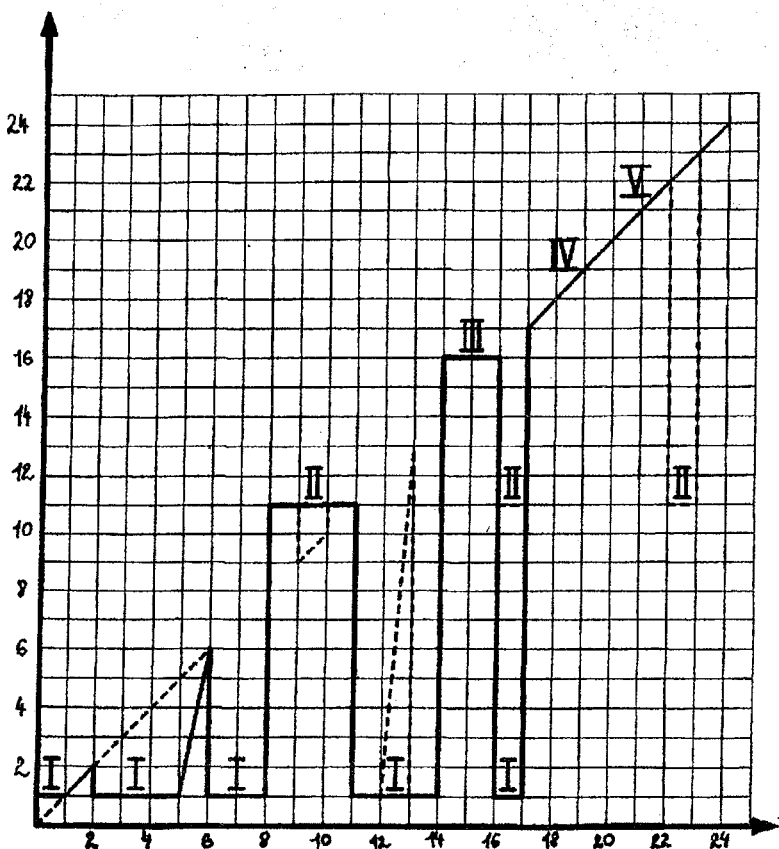
Ф. - ФРАЗЫ (I-ТЕМА, II-РЕМА)

П₁ - РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННЫЕ ПЕРИОДЫ

П₂ - КОМПОЗИЦИОННО-СЛЫСЛОВЫЕ ПЕРИОДЫ

Ц. - ЦИКЛЫ

ПМ. - ПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

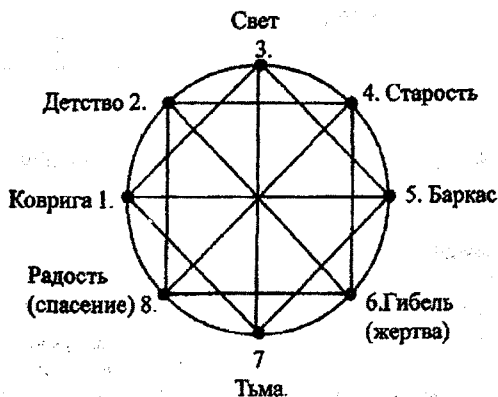
Пояснение к схеме №3

Цифры на горизонтальной оси указывают порядок следования стихов и их количество в тексте.

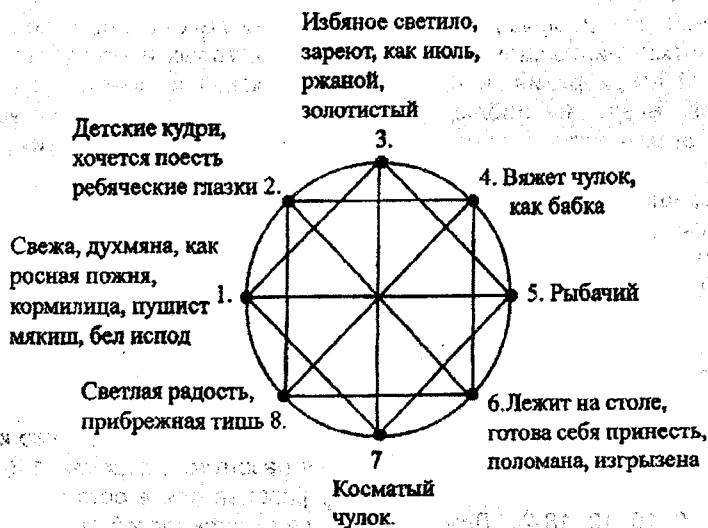
Цифры на вертикальной оси указывают на границы фазовых периодов в последовательности стихов текста.

Горизонтальная линия графика обозначает I фазу, восходящая — II фазу, вертикальная — границу между разными поэтическими мотивами.

А. Тематическая модель лирического сюжета
(I фаза композиционного движения)

В. Рематическая модель лирического сюжета
(II фаза композиционного движения)

С. Символическая модель лирического сюжета.

(значение символов - архетипов)

Исходя из данных таблицы (схема № 2), мы выяснили, что стихотворение «Коврига свежа и духмяна...» состоит из шести композиционных периодов, равных друг другу. Каждый из этих периодов состоит из двух ритмико-интонационных периодов, в которых наблюдается трёх-стопный амфибрахий, и чередование мужской и женской клаузулы. Следовательно, мы наблюдаем симметрию урегулированного чередования ритмических окончаний в строфической структуре стихотворения.

Обращаясь к данным схемы № 2 и к тексту стихотворения, рассмотрим деление текста на композиционные фазы: композиционную тему и композиционную рему. Композиционная тема – это данное в поэтическом созерцании, это то, что привлекло поэта в процессе творческого созерцания, это объект созерцания. Композиционная рема – это новое, которое освещает данную тему новым светом, новым пониманием, это оценка и характеристика объекта созерцания субъектом созерцания» [Яцкевич 1999: 100].

Анализируя данные на схеме № 2, можно судить о том, что композиционная тема (фаза 1) получает своё развитие в строках: 1, 3-5, 7 – 17, 23; композиционная рема (фаза 2) развивается в остальных строках: 1 – 6, 10, 13, 18-24. Доминирующей в строфической структуре сти-

хотворения является композиционная тема (фаза 1), следовательно, она получает наибольшее развитие в лирическом сюжете.

Обращает на себя внимание большое количество фазовых переходов в тексте и их несоответствие во многих частях текста периодам. Таким образом, можно сделать вывод о различной функциональной нагрузке симметричных ритмико-интонационных периодов, об их коммуникативной неоднородности. Так, 1 период состоит из 1 и 2 фаз 1 поэтического мотива (1ПМ). Период 2 состоит из синкретически совмещённых фазы 1 и фазы 2. Период 3 соответствует части 1 фазы, совмещённой со 2 фазой в одной строке и 2 фазе во второй строке. Период 4 состоит из фазы 1. Анализируя эти данные схемы, можно убедиться в асимметрии и всех остальных периодов.

Лирический сюжет стихотворения «Коврига свежа и духмяна...» включает в себя пять смысловых комплексов – пять ведущих мотивов. Каждый из них имеет свои частные мотивы, которые уже непосредственно связаны с лексико-семантической структурой текста, с его лексической парадигматикой. Фоновая семантика этих поэтических мотивов имеет свои культурно-исторические пресуппозиции – символы-архетипы [Яцкевич 1999: 106]. Последовательно рассмотрим ведущие и составляющие их частные поэтические мотивы. На 2 и 3 схемах они пронумерованы по мере их следования в тексте. Все эти мотивы проходят две фазы развития. Наибольшую смысловую нагрузку несут первый и второй мотивы.

Первый ПМ – КОВРИГА – развивается в 1 и 2 композиционно-смысловых периодах, начиная 1 цикл (1 строка, затем 3 – 5, и 7 – 8 строки). Далее 1 ПМ развивается вновь в 3 и 4 композиционно-смысловых периодах (12 – 14 строки) и заканчивает 1 цикл. Завершает своё развитие 1 ПМ во втором цикле в 9 композиционном периоде (17 строка). Композиционное своеобразие данного мотива заключается в том, что его композиционные фазы, 1 и 2, в одних случаях оформляются как отдельные синтаксические конструкции, а в других – совмещаются в одной. Однако ни одна из фаз не утрачивается на лексико-семантическом уровне текста: коврига – «свежа», «духмяна», «как росная пожня», «пушист мякиш», «бел испод», «хлебец сытовый», «ржаной», «кусок». Эта лексика является одновременно и изобразительной (1 фаза), и оценочной (2 фаза). Зрительный образ ковриги неразрывно связан с его символическим значением – с представлением о благополучии и красоте крестьянского быта:

*Коврига свежа и духмяна,
Как росная пожня в лесу,
Пушист у кормилицы мякиш
И бел, как берёста, испод.*

Итак, 1 поэтический мотив – КОВРИГА – является смысловым центром и ведущим мотивом в композиции лирического сюжета (см. схему 2 и 3).

Второй поэтический мотив – ВРЕМЯ – встречается в тексте три раза: он развивается в 3 композиционно-смысловом периоде 1 цикла (9-11 строки), затем – в 5 и 6 композиционно-смысловых периодах 2 цикла (17 и 23 строки). Он представлен двумя частными мотивами: ДЕТСТВО и СТАРОСТЬ, или НАЧАЛО и КОНЕЦ земной жизни. Соответственно поэтическая парадигма слов состоит из двух частей: 1) «час» – «сумерки – косматый чулок», «бабка»; 2) «маленькая Маша», «малютка», «ребяческие глазки».

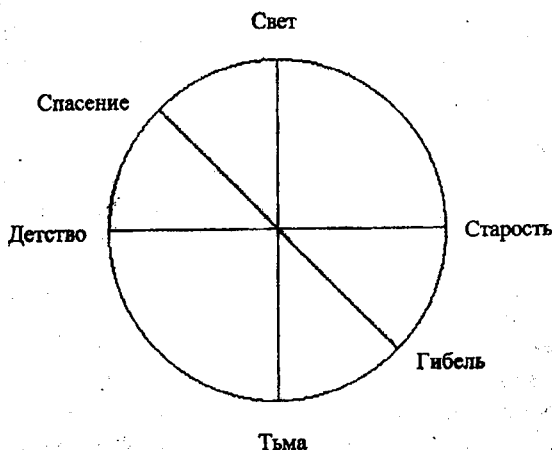
Следующие поэтические мотивы: ПМ 3 – ЖЕРТВА, ПМ 4 – ГИБЕЛЬ, ПМ 5 – СПАСЕНИЕ. Они образуют особое смысловое поле, поэтому объединены в один второй цикл композиции текста. 3 ПМ – ЖЕРТВА – появляется в тексте один раз (15 – 16 строки, 4 композиционно-смысловой период), с него начинается второй цикл. Ему соответствует 1 композиционная фаза. 4 ПМ – ГИБЕЛЬ – продолжает второй цикл (18 – 20 строки, 5 композиционно-смысловой период). Он является смысловым продолжением 3 ПМ. 5 ПМ – СПАСЕНИЕ – завершает второй цикл и всё стихотворение (21 – 24 строки, 6 период). 4 ПМ и 5 ПМ входят во 2 композиционную фазу. Символические образы ЖЕРТВЫ, ГИБЕЛИ и СПАСЕНИЯ представляют в стихотворении стрелу осевого времени, то есть направление движения событий в духовном мире.

Переходим к рассмотрению частных (фазовых) поэтических мотивов. Это своеобразный анализ ведущих ПМ. Каждый ведущий ПМ является семантическим комплексом на уровне 1 и 2 фаз. Предварительный анализ внутритекстовых парадигм слов на уровне 1 и 2 фаз позволил выделить восемь фазовых мотивов, которые образуют систему оппозиций и соположений в смысловом содержании стихотворения: ХЛЕБ (1 – 4, 12, 14, 17 строки); СВЕТ (4 – 6, 8, 13, 21, 23 строки); ДЕТСТВО (6, 11, 17, 23 строки); ТЬМА (7, 9 – 10 строки); СТАРОСТЬ (10 строка); ЖЕРТВА (15-16 строки); ГИБЕЛЬ (18 -20 строки); СПАСЕНИЕ (21 -24 строки). Для наглядного представления этой системы мы использовали древний способ функционального моделирования поэтического мышления – мандалы (см. схему № 4). Подобный принцип моделирования образного мышления способен отразить наглядно основные черты лирического сюжета как содержательной формы, как единства [Яцкевич 1999: 109]. На схеме № 4 последовательно представлены три типа лирического сюжета (ЛС), отражающие его различные семиотические уровни как целостной формы: 1) тематическая модель ЛС, или 1 фаза композиционного движения; 2) рематическая модель ЛС, или 2 фаза композиционного движения; 3) символическая

модель ЛС, в которой отражаются фазовые ПМ в системе поэтических пресуппозиций, с которыми они связаны через символы-архетипы. Все модели формальной композиции ЛС стихотворения «Коврига свежа и духмяна...» симметричны друг другу.

Анализируя образную парадигматику текста, можно выделить три основные оппозиции, формирующие лексико-семантическую структуру лирического сюжета: а) свет – тьма, б) детство – старость, в) гибель – спасение. Данные мотивы являются соположенными, они изосемичны по отношению друг к другу. Наглядно это можно отобразить на схеме:

Схема 5

Структурный анализ текста не был для нас самоцелью. Он продемонстрировал те формальные механизмы смыслообразования, которые строят текст как целостный знак. Символическая семантика хлебной лексики органически включается в смысловое содержание текста в целом, как бы растворяется в ней, с одной стороны, а с другой стороны, смысловое напряжение всего текста, организованное его композицией, актуализирует архетипические смыслы, потенциально заложенные в этих словах.

В заключение напомним себе и читателям слова Клюева:

*Отдайте поэту родные овины,
Где зреет напев – просяной каравай!*

(11, 123)

ВОДА И ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Поэтика слов, обозначающих воду и водное пространство

Категория пространства является одной из важнейших категорий, связанных с восприятием и познанием человеком окружающего мира. Универсальность категории пространства, ее важная роль в построении картины мира (в том числе и поэтической) объясняет тот факт, что в словаре любого поэта важное место занимает лексика с пространственным значением.

Самобытность художественного пространства Н. А. Клюева выделяется даже на фоне необычайного стиливого разнообразия произведений его современников. Как отмечают исследователи, в картине мира поэта соединяются черты реального и мифологического пространства, в нем присутствуют элементы библейского антропоморфизма в изображении вселенной и т. д.

В поэтическом мире Н.А. Клюева большую роль играют образы водного пространства. В словаре поэта много имен собственных и нарицательных, называющих реки, озера, моря и т.д. Гидронимы (названия водных объектов) составляют $\frac{1}{4}$ в системе топонимов поэзии Клюева. Среди названий водных объектов – реальные названия рек, морей, озер, связанных с биографией поэта (Онежское озеро, река Андома, озеро Лаче); названия, освященные христианской, фольклорной и поэтической традицией (Дунай, Волга, Генисарет, Евфрат), а также мифологические Море Морей, Глуби Глубин и др.

Состав нарицательной лексики также разнообразен: в поэтическом словаре Н.А. Клюева встречаются 89 слов, называющих водное пространство, эти слова употребляются в произведениях поэта более 700 раз. Наиболее частотными являются слова *море* 94, *река* 66, *озеро* 59, *океан* 50, *воды* 48. Широко представлены слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами – *речка*, *озерко*, *морюшко*, *реченька*, *озерышко* и др., что связано с влиянием на поэзию Н.А. Клюева народно-поэтической традиции. Кроме того, поэт использует составные наименования, называющие водные объекты. Например, вместо слова *река* употребляются сочетания *речной атлас*, *речная зыбь*, *речная гладь*, *речное окно*, *речной простор*, *речной разлив*, *речные терема*: «Тошнехонько облик кровавый и глыбкий / Заре вышивать по речному атласу» (11,176); «Не народное ли горе в зыбь речную залегло? (12,33)»; «Широка речная гладь...» (3,33); «Полнеба глядится в речное окно...» (13,5); «Во греки ласковы дороги, / Речной немеренный простор!» (14, 99); «...Подарил ее зарною кикой, / Заголубил в речном терему...» (10,165)). Наряду со словом *море* употребляются сочетания мор-

ской простор, морская пучина, морская глубина, брада морская, бездна зыбучая морская: «...В них жаворонки и грусть монаха / О белых птицах над морским простором» (10,394); «Камень и горбатая колода / Золотою дышат нищетой, / По тебе лапотцами народа / Путь углажен к глубине морской» (12,310); «Мать не плачется о сыне, / Что безвременно погиб / И в седой морской пучине / Стал добычей хищных рыб» (10,201); «Браду морскую, волосья мира / Коммунапряха спрядает в нить» (10,375); «Знает лишь ветер кручин / Бездны зыбучей морской...» (15, 84); наряду со словом озеро – сочетание озерная схи́ма: «Озерная схи́ма и куколь лесов / Хоронят село от людских голосов» (10, 281).

Анализируя художественный текст, современные исследователи широко используют понятия *перцептивного* (от лат. *perceptio* – восприятие) и *концептуального* (от лат. *conceptus* – мысль, представление) пространства. *Перцептивное пространство* определяется ими как пространство непосредственного восприятия, пейзажные образы как важнейшие элементы зрительного восприятия картины мира, выполняющие изобразительно-описательную функцию. Однако для пространственных образов характерно расширение смысловых границ образа за счет приращений мифологического и культурно- исторического содержания. Так формируется *концептуальное пространство*, элементы которого оцениваются с точки зрения оппозиций— свое/ чужое, верх /низ и т.д. Авторская индивидуальность проявляется, прежде всего, в том, какие элементы пространственного образа – зрительно воспринимаемые или символические – преобладают в художественной системе поэта.

В поэтических текстах Н. А. Клюева слова *река, море, озеро, воды* активно используются в прямой номинативной функции для называния собственно водного пространства: «*Рыдает холодное море, молчит неприветная даль*» (10,363), «*На песке реки таежной / След от крохотных лапотцев*» (13,5), «...*На реке / Горбуньей- девишкою лодка грустит и старится в тоске*» (10,254), «*Погляди, как выются бойко трясогузки над прудом*» (15,527), «*Баюкает их океан, / Раскинув, как полог, туман*» (13,9), «*С рощи тянет смолой, земляничкой, / Даль и воды в лазурном дыму*» (10,65) и т.п.

Однако в образах водного пространства в поэзии Н. А. Клюева гораздо более важной является символическая составляющая. Слова, называющие водные объекты, подвергаются различным смысловым преобразованиям, которые поддерживаются фольклорными, культурными традициями. Как отмечает А. Н. Захаров [Захаров 1997: 102], «истoki образного мира поэта лежат в его знании жизни, быта, фольклора русского и многих других народов, канонической и апокрифической христианской мифологии, других традиционно-религиозных и

языческих верований. Библия, Евангелие, Псалтырь, Коран, «Огненный Талмуд», «Мужицкие Ведьы», «Голубиная книга» и другие источники питали поэзию Клюева».

Символика воды связана с ее природными свойствами (свежестью, прозрачностью, способностью очищать, движением) и с мифологическими представлениями о воде как о «чужом» и опасном месте. Как и многие другие мифологические образы, образ воды неоднозначен: Ю. С. Степанов, характеризует концепты «вода» и «огонь», отмечает: «Пожалуй, самая поразительная черта этих двух концептов состоит в том, что нет одного огня и одной воды, а есть «два огня» – «живой» и «мертвый», есть «две воды» – «живая» и «мертвая» [Степанов 1997: 189]. И все составляющие данного образа так или иначе отражают противопоставление жизнь / смерть.

В мифологической и фольклорной традиции вода, как правило, разделяется следующими значениями: вода представляет собой первородную стихию; с мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте. Например, в представлениях о море (океане) преобладают идеи первородства, которые ярче всего выразились в Голубиной книге: *«Окиян-море – всем морям матери». / Почему же Окиян-море – всем морям матери? / Обкинуло то море вокруг землю всю, / Во нем Окияне в мори пуп морской, / С-под восточной со сторонушки / Выставала из моря церковь соборная / С двенадцатью апостолами* [Стихи духовные 1991: 34].

С другой стороны, с водой связано представление об опасности или смерти (мотив потопы, гибели, существующий во многих мифах). Восприятие воды как враждебной стихии нашло свое отражение и в фольклоре. Вот, например, как звучит эта тема в пословицах: «Где много воды, там жди беды», «Водою плывучи что со вдовой живучи», «Путь водою – проходить бедою». Сближение горя с водой – постоянный мотив похоронных причитаний: *Есть горюшка – два морюшка, / Есть обиды – два озерушка, / Как проклятых горючих слез / Тут река бежит с порогами / Да со шумливыми Онегами* [цит. по Еремина 1984: 196]; (2) *Приоставил меня на горе, как на море* [Причитания 1960: 75] – причитание матери о сыне.

Существует большое количество мифов, согласно которым водное пространство воспринимается как граница между этим и тем светом, как путь в загробный мир. Вода представляется также местом обитания духов природы, душ умерших и нечистой силы. Например, как сфера опасности, хаоса воспринимается море: «В мифологическом универсуме восточных славян образ моря (даже этимологически) непосредственно соотнесен с областью смерти» [Теребихин 1993: 12]. Это отражают пословицы: «Кто в море не бывал, тот горя не видал»,

«Дальше моря меньше горя», «Хорошо море с берегу», «Море что горе: красно со стороны», «Кто в море не бывал, тот досыта богу не маливался». Многочисленные легенды создают также образ моря как места обитания хтонических существ – змея, морского царя и т.д.

В творчестве Н. А. Клюева различными мифологическими, культурными традициями освящены как гидронимы, так и нарицательная пространственная лексика. Слова, называющие водное пространство, в разной степени реализуют те или иные составляющие концепта *вода*.

Актуальными для поэтического употребления слов *море / океан* становятся следующие значения. Море изображается как место обитания нечистой силы, хтонических существ: *«На море остров Буян, / Терем Похитчика – Змея»* (10,192). Остров Буян в беломорских и онежских преданиях (влияние которых на творчество поэта было очень значительно) соотносится с «центром иного мира, а также его границей» [Теребихин 1993: 31] и связан со змееборческим мотивом. Поэт не раз использует эту древнюю символику, характеризуя настоящее России, а также создавая образ прихода Антихриста: *«Светлый Павел, утирая слезы, / Обронил из уст словесный бисер: / «Чадца, теля не от нашей рыси, / Стала ялова праматерь на удои, / Завывают избы волчьим воем, / И с иконы ускакал Егорий – / На божнице змий да сине море!..»* (12,319).

Море – место, где рождаются и куда опускаются небесные светила: *«Глубота ты, глубота морская, / Зыбка месяца, царя-кита / По тебе скакует пестрядная / Птица, что зовется красота!»* (12,310).

Море (океан) связано с изображением потустороннего мира: *«Есть в океане водяницы, / Княжны марские, царицы, / Их ледяные города / Живой не видел никогда, / Лишь мертвецы попарской крови / Там обретают снедь и кровы / Оленей, псов по горносталям, – / Что поморяне кличут раем* (13, 1-32). Образы данного произведения навеяны не только славянской мифологией, но и мифопоэтическими представлениями других народов Русского Севера, Поморья.

Клюеву, как певцу Поморья, «олонецкому ведуну», было близко восприятие моря как пространства, непосредственно соотнесенного с областью смерти. Мотив испытания «морем-смертью» достаточно часто встречается в стихах поэта: *«Полонит рыбака душегубка-вода»* (10,282), *«Глуби ропщут: «Так или сяк, / Будешь ты на дне, рыбак», «Утонувшие в океанах / Не восходят до облаков, / Они в подземных, пламенных странах / Среди гремящих, красных песков»* (7,60). Фольклорное сопоставление моря-горя практически повторяется у Клюева, который использует готовый троп: *«Запеваает песню горюшко, / И звенит оно как золото, / Разливается как морюшко»* (12, 44).

Постоянное соседство северных русских со смертной областью моря заставляло воспринимать море как «сакральное пространство,

где происходит испытание, поединок, в котором испытываются не физические, а духовные силы человека» [Теребихин 1993: 12]. Поэтому «морская смерть» может быть различной: для человека, живущего в согласии с миром, морская смерть оборачивается спасением, перерождением, «вечной жизнью», для нарушителей божественных и человеческих установлений – это кара, «вечная» смерть» [Теребихин 1993: 12]. Согласно таким представлениям в «Поддонном псалме»(1916 г.) появляется образ страшных вод, где человеку и суждено провести эту «вечную смерть»: *«Есть моря черноводнее вара, / Липче смол и трескового клея / И недвижной стопы Саваофа: / От земли, словно искра из горна, / Как с болот цвет тресты пуховойной, / Возлетает душевное тело, / Чтоб низринуться в черные воды – / В те моря без течения и ряби; / Бьется тело воздушное в черни, / Словно в ивовый верше лососка; / По борьбе же и смертном биенье / От души лоскутами спадает (10,303).*

В поэтическом употреблении слова море актуальным является также общемифологическое значение 'граница', разделяющая мир живых и мертвых, граница между своим, близким и чуждым, далеким миром, а также значение 'путь в иной мир': *«Узорные шаровары / Вольготней потных, кузнечных... / Воронье да злые пожары / На полях родимых запечных. / Черепа по гулким печуркам, / В закомарах лешачий пляс, / Ускакал за моря каурка, / Добрый волк и друг – китоврас» (8,64).* Например, весь грамматический строй фразы *«Мы матери душу несем за моря, / Где солнцеву зыбку качает заря...» (10,271):* значение предлога за ('по ту сторону, вне'), употребление во множественном числе слова море, устраняющее значение конкретного географического объекта, объектно-локативные отношения между словами душа и моря, объединенными рамками одной поэтической фразы, – способствует выявлению фоновых культурных компонентов значения и актуализации значения 'граница между миром живых и мертвых'.

Общее значение 'граница между своим и чужим' в других поэтических фразах может быть реализовано как 'граница между Русью и заморским, иноземным': *«За морями стучит телега, / Беспощадных мча седоков. / Пар-возница, гулеха-сталь / Едут к нам, чтобы в Китеж-граде / Оборвать изюм и миндаль...» (11,117).* Данное значение поддерживается соположением во фразе значимых ключевских символов – *Китеж-града и стали.*

Море /океан может обозначать сокровенное пространство, место, где находятся святые земли. Этот образ связан с утопическими легендами о скрывшихся городах, столь распространенными в среде старообрядцев: *«Под океан, тропинкой малой, / Отбудем мы в алмазный город, / Где роковой не слышен молот, / Не полыхает саван злой, /*

*Туда жемчужною тропой / К святым собратиям в соседи / Нас пове-
дут отцы-медведи! (13,25)*

Фольклорная схема организует в поэтическое целое элементы языческих верований и христианских представлений, что можно наблюдать в следующих строках: *«Не верьте, что бесы крылаты, / У них, как у рыбы, пузырь, / Им любы глухие закаты, / И моря полночная ширь. / Они за ладью акулой, / Прожорливым спрутом плывут; / Утесов подводные скулы – / Геенскому духу приют» (6,89).* В данном случае соединяются два представления – языческая вода как место нахождения душ умерших предков (рыба-предок) и христианское представление о воплощении зла (геенский дух, бес).

Во многих произведениях поэта названные нами значения взаимодействуют, создавая сложный поэтический образ: *«Моря мирского калача / Без берега и дна / В них погибают корабли: / Неволя, Лихо, Сглаз, – / То Царь Морской – Душа Земли – / Свершает брачный пляс! (12,65).*

Образ реки, в отличие от моря, обладает более однородным концептуальным содержанием, в основном в нем актуализируется значение 'вода – жизнь': *«Была разлука с Единым, / На Горе гор, у реки животной, / Где под радужным, говорящим крином / Реяли духи, как пух болотный» (12,200); «Припадаю к родимой печурке / С пропащей слезой на щеке... / Ах, умчаться бы на каурке / К говорящей живой реке! (12,229); «Ти-ли, ти-ли-ли – / Плывут корабли – / Голубые паруса / Напрямки во небеса. / У реки животной / Берег позолотный, Воды-маргариты / Праведным открыты» (12,321).* Эпитеты, употребляющиеся со словом река, воссоздают общемифологическое противопоставление «мертвое / живое» (фольклорная живая и мертвая вода, библейская река жизни): *«Ада пламенные своды / Разомкнуть дано лишь нам / Человеческие роды / Повести к живым рекам» (10,149), «Там река течет животная, / Веют воздухи безбольные, / Младость резвая не старится, / Не сидют кудри-вихори» (11,61).* Важным становится в употреблении слова река и значение 'вода – материнское начало, источник жизни': *«Севастополь и Соловки / Теплят свечи в мозгу церквушки, / И сердце **матки-реки** / Тихо звонит в дедовской кружке... (12,220).* Это значение в поэзии Клюева связано также с употреблением гидронима Волга: *«Касимов с Муромом, где гордый минарет / Затмил сияньем крест, вопя в падучей муке / И к **Волге-матери** протягивают руки...» (11,229).*

Значение вода-смерть выявляется в поэтическом словаре Клюева лишь в связи с использованием образа речки Смородины: *«Вон он, речки Смородины заводь. / Где с оглядкой, под крики сыча, / Взбаламутила стиркой кровавой / Черный омут жена палача! (13,38).* Как пишет В. И. Еремина, данное название реки закрепилось как символ:

«черный цвет ягод смородины должен был поддержать закрепившееся за этим названием символическое значение мрака, печали», «речка Смородина губит, она же скрывает и следы преступления» [Еремина 1993: 63]. Таким образом, в поэзии Клюева фольклорный гидроним *Смородина* сохраняется как признак опасного, зловещего пространства.

С озером традиционно связываются представления о таинственности и загадочности, «озеро как таковое или даже сама его поверхность – гладь – имеют значение зеркала, олицетворяют самосозерцание, размышление и откровение» [Кэрлот 1994: 356]. По представлениям северных народов, например кельтов, на берегу или на дне озера (океана) находится Страна умерших. Во многих озерах, как пишет С. В. Максимов, «все, начиная от чрезвычайных глубин, от разнообразной игры в переливах света и причудливых отражений на ясной зеркальной поверхности, – настраивает послушное воображение на представление картин в виде следов исчезнувших селений и целых городов, церквей, монастырей» [Максимов 1995: 311]. Легенды о погибших городах, особенно о Китеж-граде, о звоне колоколов и церковном пении, доносящихся из глубин озер, стали очень популярны и послужили источником для многочисленных литературных и музыкальных произведений. В употреблении слова *озеро* в поэзии Н.А. Клюева также актуализируются значения *вода – святость, вода – тайна, вода – место обитания таинственных сил*: «Мне не спалось ночью синюю / Перед Спасовой заутреней / Вышла к озеру по инею, / По росе медвяной, утренней. / Стала озеро выпрашивать, / Оно стало мне рассказывать / Тайну тихую поддонную / Про святую Русь крещеную (10,112); «Как на озере Пододонница, / Зелень кос чеша, гребень выронит, / И пойдет стозвон по зажоринам, / Через гатища, до матерых луд, / Где судьба ему в прах рассыпаться, / Засинеть на дне ярым жемчугом (6,238); «Озерная схима и куколь лесов / Хоронят село от людских голосов. / По пятничным зорям на хартии вод / Всевышние притчи читает народ: / «Сладчайшего гостя готовьтесь принять! / Грядет он в ночи, яко скимен и тать...» (10,281). Образ озера рисуется как образ места «отмеченного богом», места «прорыва священного пространства в земное» [Никитина 2000: 350].

Следуя фольклорным традициям, Клюев часто использует постоянные эпитеты. Например, из 28 определений-прилагательных, употребляющихся со словом *море*, на долю постоянного эпитета «*синее*» приходится 8 употреблений, из них 4 раза в краткой форме в позиции определения: «Где падет перо кровавое, / Там сыра земля расступится, / **Море синее** насупится...»; «От налета соколиного, / Злого посвиста змеиного, / Волга реченька смутилася, / В **сине море** отшатилося...»; «От глухой у парня участи / Муравой душа муравеет, / Будто колокол в зыбучести / **Синя моря**, удаль ржавеет»; «Завы-

вают избы волчьим воем, / И с иконы усакал Егорий – / На божнице змий да **сине море**» и др. Слово речка в поэзии Клюева сочетается с эпитетом «быстра» (2 употребления), текущая («надо свят-рекой текучею»), а также с прилагательным «узкая» («во те ли речки узкие»).

Как известно, каждый жанр фольклора обладает своими, присущими только ему чертами. Исследователи творчества поэта не раз писали, что клюевские произведения обнаруживают связь с лирическими песнями, плачами, причитаниями, величальными песнями. Особенно заметно влияние традиций русского духовного стиха, соединившего образность устного народного творчества с книжной христианской традицией. Н. А. Клюев, как пишут исследователи, был прекрасно знаком с этим жанром народной поэзии, в некоторых произведениях поэта можно найти прямую перекличку с духовными стихами: «Тут молещикам глас почуялся: / «Погублю Ум Зла я Умом Любви, / Положу препон силе Змиевой, Проращу в аду рощи тихие / По земле пуцу **воды сладкие**». Сочетание **воды сладкие** можно рассматривать как реминисценцию из духовного стиха «Вознесение Христа»: «Тут возговорил Христос Царь небесный: / «Не плачьте вы, бедные-убогие! / Дам я вам гору да золотую, / Дам я вам реку да медвяную...» [Русские народные духовные стихи 1995: 71].

С точки зрения связи с народными традициями следует прокомментировать и один из образов сборника «Львиный хлеб»: «**Глядятся боги и дети / В огненную реку**» (8,34), который представляет события революции, взгляды поэта на будущее через призму народнохристианских апокалиптических поверий об огненной реке, отделяющей рай от ада, перейти которую могут только праведные души («боги и дети»): Взгляни, человеце, яко вниз по земле. / Между раем и между мукою / Сион-река **огненная** протечет, / Яко гром прогремит, / Протечет с востоку и до запада ... Все праведные взяты будут / На облацы небесныя, / А грешные, беззаконные рабы / Останутся за рекою за огненною, / За огненной рекой на левой стороне («Страшный суд» – Русские народные духовные стихи 1995:125). Таким образом, поэтическая система Н.Клюева сохраняет противопоставление: **райская река /огненная река**.

Опираясь на библейскую традицию, Клюев воссоздает сюжеты из «Бытия», «Апокалипсиса», «Нового Завета», указывая тот источник, который послужил посредником: «Творец в Голубиную книгу / Запишет: «Бысть воды и мрак». / И станет предвечность понятна, / Как озими мать-борозда (7, 21); «Тут ниспала попынная звезда, – / Стали воды и воздухи желчью, / Осмердили жизнь человечью. / А и будет Русь безулыбной, / Стороной нептичной и нерыбной! (13,28); «Да еще мы, братики, вспомним, / Дух утробу брашном сладостным наркомим, / Как мы, духи, человечью плоть прияли, / Сетовязами, пов-

цами в мире стали, / Как рыбачили в водах Генисарета: / Где, Ты, – Альфа и Омега, Отче Света?... (6,116). Слово воды используется также как составная часть перифраз, называющих иной мир, рай: «Отлетела лебедь-Россия / На безбольные тихие воды (12,256).

Употребление слов – названий водного пространства в произведениях Н. А. Клюева, как и в фольклоре, приводит к вытеснению конкретного пространственного значения, слова ведут себя в полном соответствии с законами фольклорного языка, по которым «символическая компонента значения является доминирующей» [Хроленко 1979: 149], актуализируется скрытая, символическая семантика 'граница', 'переход', 'иное, отдаленное пространство' и т. д.

Клюев, творчески осмысляя мифологические и фольклорные мотивы и образы, создает свой поэтический мир, который, благодаря культурно-историческому контексту, приобретает полноту, неоднолинейность, насыщенность. По мнению Ю. М. Лотмана, «индивидуальность художника проявляется не только в создании окказиональных символов (в символическом прочтении несимволического), но и в актуализации весьма архаических образов символического характера» [Лотман 1988: 131]. Функционирование в индивидуальной поэтической системе Клюева названий водного пространства подтверждает мысль о существовании «особого художественного пространства, несводимого к простому воспризведению тех или иных локальных характеристик реального ландшафта» [Лотман 1988: 251]. Отличительной чертой художественного пространства Клюева, как и пространства мифологического, фольклорного, является его ценностная неоднозначность.

Образы – сравнения (вода, водное пространство)

Творчество Н. А. Клюева с самого начала привлекало читателей и критиков необычайно яркой образностью. Э. Райс охарактеризовал образность поэта как «континент» по сравнению с «островками» других поэтов [Райс 1969]. Предельная насыщенность метафорами или восторгала исследователей, изумлявшихся «необузданной яркости и буйству» поэтических красок, или (в советской критике) оценивалась как «неудачная и утомительная для читателя» фольклорная стилизация.

В языковой системе слова, называющие водное пространство, лишены оценочности, что дает им возможность развивать семантическую двуплановость в результате взаимодействия со словами разных тематических групп. Слова-названия водного пространства активно участвуют в создании различного вида тропов [Виноградова 2000].

В поэзии Н. А. Ключева используются, прежде всего, различные метафорические конструкции: метафорические эпитеты («финифтяные воды»); генитивные метафоры («море плоти», «океан щей», «омут глаз», «пучина волос»); однословные метафоры-загадки («Вон девка несет, не кренясь, / Два озера на коромысле»). В сочетании с метафорическими эпитетами названия водного пространства создают образы всеохватного крестьянского мира, крестьянского рая на земле, подчеркивают его первородство, стихийность, неудержимость. «Из тверского ковша-болота / Вытекает песня-река / Это символ все-русской доли / **Черносошных, пламенных рек...**» (12,188), «От Байкала до теплого Крыма / Расплеснется **ржаной Океан...**» (10,344), «Умереть у печных утесов / Индустриальной волне. / **Чтоб в коврижные океаны / Отчалил песенный флот...**» (8,32), «Свершатся ль, Господь, огнепальные сны! / И **морем сермяжным**, к печным берегам / Грома-корабли приведет ли Адам...» (10,311).

Большая часть сочетаний названий водного пространства с глаголами-сказуемыми передают звучание, причем чаще всего такая конструкция использует глаголы в метафорическом значении. Очень часто наличие дополнения (или замещающей дополнение конструкции), развивающего значение глагола, создает олицетворение: «**Ворчат** овражные **ключи...**» (10,427), «На стужу, на ущерб заката / **Ворчит** осенняя **вода**» (11,164), «**Океан ворчит** сердито: / Где утесные граниты обсушить седой кафтан?» (13,35), «**Глуби ропщут**: так иль сяк – / Будешь ты на дне, рыбак» (3,34), «**Ручей поцелуями ропщет**» (10, 433), «И вздымаясь, тяжело **стонет** / **Водяная глубина**. В тяжком споре, на просторе / **Волны дышат** тяжело...» (12,33); «Плеща и радуясь о брате, / На серебристом языке // **Переключались** озера ...» (13,33), «**Стала озеро** спрашивать, / Оно **стало мне рассказывать** / Тайну тихую поддонную / Про святую Русь крещеную» (10,323), «**Кивач гуторит** Каме, Олонцу вторит Псков...» (10,381). Олицетворение представлено также в сочетаниях с глаголами, обозначающими бытовые действия крестьянской жизни: «Как баба, **выткала** за сутки / **Речонка** сизое рядно» (10,247).

Слова, называющие водное пространство, активно участвуют в создании перифраз. Например, перифраза северные воды употребляется как название Русского Севера: «**Ненароком** заглянешь в оконницу – / Видишь въявь, как от **северных вод** / Копьеносную звездную конницу / Страстотерпец на запад ведет». Слова-названия водного пространства входят в перифразы рая, святого пространства – безбольные тихие воды, светлые заливы, живая водь («Отлетела лебедь-Россия на **безбольные тихие воды**»; «Так две души – одна земная и живописная другая, / Связались сладостною нитью, / Как челн, готовые к отплытью, / В **живую водь**, где Китеж-град...»).

Названия водного пространства являются опорой для создания сравнения, образная сущность которого состоит в «сопоставлении двух или нескольких названных словами предметов, явлений, действий, качеств, имеющих близкие или одинаковые признаки. При этом сопоставляемые понятия сохраняют в сознании свою самостоятельность, не сливаясь в одно впечатление» [Федоров 1969: 13]. Сравнение обладает модальностью, оно не нейтрально: назначение этого тропа – передать авторское отношение к изображаемому. В произведениях Н.А. Клюева зафиксированы следующие сравнительные конструкции, в которых употребляются названия водного пространства: конструкции со сравнительным союзом (*«уплыть в твои раны, как в омут речной», «как баба, выткала за сутки речонка сизое рядом»*); конструкции с творительным падежом сравнения (*«притекут к нему звери пучиной рыкучей»*); конструкции отождествления (*«просинь – море»*); конструкции с приложением (*«достигли мы губы-корыта», «океан – избяная лохань»*) и некоторые другие.

Чаще названия водного пространства выступают как правый член сравнения – по каким-либо признакам с ними соотносятся предметы, понятия, лица. Основание сравнения в большинстве случаев выделяется достаточно четко и выражено глаголами или (значительно реже) прилагательными; в одном случае слово, называющее водный объект, само выполняет эту функцию: *«Ночной комар – далекий звон, / На Светлояре белый сон, / От пугал темени заслон, / И от кладбищенских ворон / Мечте, как лебедю, затон: / Дон-дон!»* (11, 158-159).

Сравнение с названиями водного пространства происходит на основе актуализации следующих компонентов значения:

‘звучание’: *«Сердце, сердце, русской удали жилье, / На тебя ли ворог точит лезвие, / Цепь кандальную на кречета кует / Чтоб не пело ты, как воды в ледоход, / Чтобы верба за иконой не цвела, / Не гудели на Руси колокола»* (10, 340), *«Он воссядет под елью, как море гремучей, / На слепящий престол, в нестерпимых лучах, / Притекут к нему звери пучиной рыкучей / И сойдутся народы с тоскою в очах»* (10, 155), *«Наш мальчуган, как ручеек, / Журчит и вьется медуницей»* (10, 418);

‘цвет’: *«Сломим же минувшего тяжкие печати, / Станем много-радужны, как воды на закате, / Отразим стоцветности блики и зигзаги, / Мир окинем взорами, полными отваги»* (12, 58), *«На лесного попа, на Свечи / Смотрит Бог, озер голубей»* (10, 474), *«Рундук запорожный – пречудный Фавор, / Где плоть убелится, как пена озер»* (10, 281);

‘глубина’: *«Есть горе-сом и короб-горь. Одно, как заводи, зрачки / Лопатой плавников взрывает, / седому короб не с руки, / А юный горе потряхает...»* (13, 29), *«Колыбельны трав приливы, / Кру-*

гозор, как моря дно...»(6,55), «Как в омут, нырнул в меня / Народ родной, песнолюкий» (12,220);

'необъятность, пространственная протяженность': «Залеваает песню горюшко, / И звенит она как золото, / Разливается как морюшко» (12,43-44), «Не говори, – без слов понятна / Твоя преддизимная тоска, / Она, как море, необъятна, / Как мрак осенний глубока» (10,118);

'блеск, свечение': «Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река...» (8,39);

'форма': «...и непомернее смарагдовой звезды, / Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское» (12,265), «В овраге снежные ширинки / Дырявит посохом закат, / Полощет в озере, как в кринке, / Плеща на лес, кумачный плат» (10,252);

'неудержимость': «В девяносто девятое лето / Заскрипит за-клятый замок, / И взбурлят рекой самоцвет / Ослепительных вещей слов» (11,117);

'течение, движение': «Мы, как рек подземных струи, / К вам незримо притечем, / И в безбрежном поцелуе / Души братские соль-ем» (10,121).

В поэтических текстах Клюева встречаются также единичные случаи метаморфозы («ручьи отравой потекут», «океан... потечет стерляжьей ухой», «станет... море складнем золотым»). Как и сравнение, метаморфоза лишь «словесное приравнивание одного предмета другому – резко отличному» [Виноградов 1971: 411], и это обстоятельство отличает ее от метафоры, при создании которой слова утрачивают свою предметную отнесенность.

Анализ поэтических произведений Н. А. Клюева, в которых употребляются названия водного пространства, показал, что чаще всего слова этой тематической группы участвуют в создании следующих образов:

ЧЕЛОВЕК: человек – «И Феодора, строителя пустыни, / Как лесную речку, помяну»... (12,311); «Молод я и телом зноен, / Бел, как пена на реке» (12,33); «Только я влюблен, как речка, / В просинь, ивы, облака»(15,527); «Мы как рек подземных струи / К вам незримо притечем...» (10,121); «Наш мальчуган, как ручеек, журчит и вьется медуницей» (10,418); «Мы повстречались с тобой, / Ручей с купавой голубой» (15,610); **части тела** – «Озеро-сердце, а Русь, как звезда, / В глубь его смотрит всегда» (12, 55); «...Чтоб не пело ты (сердце, русской удали жильё), как воды в ледоход» (10,340); «Зачем родилась я такой, – / С червонной, блескою косой, / С глазами речки голубее?» (13,10); «Ах, обожжен лик иконы / Гарью адских перепутий, / И славянских глаз затоны / Лось волшебный не замутит!» (13,5); «Все ведают очи Спаса – / Фиалковые моря» (12,238); «... И очи глубже

океана, / Где млечный кит, шатры Харрана...» (13,9); *«Глазницы – черный океан, / Где тонет солнце – клуб червивый»* (15,453); *«Честному Авве боле сотни, / Он сизобраз, как пух болотный, / С заливами лазурных глаз»* (13,29); *«Есть горе -сом и короб-горь. / Одно, как заводи, зрачки / Лопатой плавников взрывает...»* (13,29); *душа – «Так разлучились наши души – / Лосенок и лесной ручей»* (15,700).

Характеризация человека через образы водного пространства передает стремление автора «придать своим описаниям чувственную наглядность и вещественную определенность, а главное – найти узловую связь между человеком и окружающей его обстановкой» [Базанов 1988: 279]. Наиболее продуктивными являются образы-сравнения частей тела с водным пространством на основе актуализации различных компонентов значения ('звучание', 'цвет', 'объем', 'форма' и др.), а также сложных авторских ассоциаций. Кроме того, особо следует отметить частотность образов, подчеркивающих глубину и бездонность глаз, что является традиционным для поэзии образным соответствием, выполняющим функцию гиперболизации образа.

Примыкают к данным образам образные параллели «Состояние → водное пространство», «Мысли → водное пространство», «Творчество, поэзия → водное пространство», поскольку они характеризуют одну семантическую сферу «Человек».

СОСТОЯНИЕ : тоска – *«Не говори, – без слов понятна / Твоя предостаня тоска, / Она, как море необъятна, / Как мрак осенний глубока»* (10,118); **любовь** – *«Любовь зовет и ждет тепла / Родной щеки, как речка солнца!»* (15,549); **влюбленность** – *«Влюбленность – с земляничкой туес, / Лесной ручей, где лик Нарцисса»* (11,143); **слезы** – *«...В нем реки слезотечной соли / Донского омыают лик»* (13,33); *«...чтоб слез наплавилась река»* (13, 39); *«Лен отсырел, бабьих слез / На Руси прольется море...»* (15, 224).

МЫСЛИ : раздумья – *«Нет прекраснее народа, / У которого в глазницах, / Бороздя раздумий воды, / Лебедей плывет станица!»* (13,5); **думы** – *«Дед, как волхв, душою пестрядинной / Загляделся в хляби дум-морей!»* (12,171).

ТВОРЧЕСТВО, ПОЭЗИЯ: *«Как в омут, нырнул в меня / Народ родной, песноликий»* (12,220); *«Зажурчал я ручьями полесными / И лесные Были пропел»* (11,87); *«...И сосцом землища Дарья / Смыла плесень с языка / Чтоб текла стишков река!»* (11,153); *«Книга «Ленин» – жила болота, / Стихотворной Волги исток»* (10,371); *«И взбурлят рекой самоцветы ослепительных вещей строк»* (11,117); *«Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река...»* (8,39); *«О, если б кавычки – стада холмогорок / Сходились к перу – грозовому ручью!»* (11,119); *«...завьюжить песенную цветь, / Где конь пасется диковинный, питаюсь ягодой наливной, /*

Травой-улыбой, приворотом, / Что по фантазии болотам / И на
сердечном глыбком дне / Звенят, как пчелы по весне!» (12, 268); «За-
ря полощет рушники / В дремотной заводи строки» (11,162); «Эти
гусли – **глубь Онега**, // Плеск волны палеостровской...» (13,4); «...И
бадьёю **омуты песен** / Расплескала поморка-Русь!» (11,126); «Сердце
верит: песня Коммуны / Зажурчит, словно **ключ** под ивою» (12,236);
«И не будет коровий сап оглашать страниц **лукоморья**...» (11, 131);
«**По-речному таит страница** / Лебединый отлетный крик» (15,522).

Сопоставление творчества, поэзии с водой, водным пространством является достаточно устойчивым: Н. Н. Иванова отмечает, например, «традиционно-поэтическую символику – вечно бьющий источник Иппокрена – и традиционное уподобление поэзии, стихов, вообще звучащего слова – льющейся жидкости, потоку» [Иванова 1977: 64]. В клюевском творчестве это образное соответствие реализуется не только на актуализации компонента значения 'звучание', но и значений 'неудержимость', 'сияние', 'причудливость формы' и главное – 'глубина'. Одной из важных тем творчества Клюева является противопоставление подлинной, народной и неподлинной, искусственной, «поддельной поэзии», что проявилось в соответствующем образном соответствии **Псевдопоэзия → водное пространство**: «Ваша кровь водой разбавлена / Из **источника бумажного**...» (12,179), «Из чернильного **водопада** выплывает речка Товар» (15,503). В реализации этих образных параллелей важную роль играет группа прилагательных, вводящих поэтическую тему извечного спора о предназначении, сущности поэзии. С одной стороны, *река и водопад* рисуются как символ неудержимости, свободы, поэтического вдохновения: «**Меня хоронят, хоронят / Построчная тля, жуки, / Навозные проворонят / Ледоход словесной реки!**» (11,125), «И зажглись словесные клады / По запечным дебрям и мхам... / **Стихотворные водопады** / Претят бумажным жукам» (11,126). С другой стороны, появляется образ *клюквенного моря* как символ поддельной, оторванной от родных корней, неподлинной поэзии; возникает образ поэтов, пишущих не кровью, а тем, что лишь подменяет кровь, черпающих вдохновение из *бумажного источника*: «Сон кольцовский, терем меевский / Утонули в море *клюквенном*. Ваша кровь водой разбавлена / Из **источника бумажного**...» *Клюквенное море* противопоставлено в клюевской поэзии связанным с давней мифологической и поэтической традицией сочетаниям с прилагательными, обозначающими кровь или имеющими значение 'цвета крови': *кровавая пучина, кровавые ручьи, пурпуровая лагуна*.

РЕЧЬ, ЗВУЧАНИЕ : «...С лица – вампиры, по наречью – В глухом ущелье **водопад**» (10,158); «В нем живёт пустынный лев / С **водопадным** вещим рыком...» (11,149); «И **ручейком журчит вопрос**» (15,610).

Одним из наиболее устойчивых поэтических соответствий является сопоставление *время, жизнь, судьба, смерть* и т.д. → *вода* [Павлович 1995: 79]. Как пишет А. Д. Григорьева, «при решении темы «Жизни» и «Смерти»... обращение к традиции было наиболее устойчивым» [Григорьева 1979:177], что полностью подтверждает поэзия Н.А.Клюева.

ЖИЗНЬ: «Недостижимо смерти дно, / И реки жизни быстротечны...» (10,129); «Жизнь – океан многозвонный / Путнику машет вслед» (11,138); «Море житейское – черный агат / Плещет стихами от яростных пят» (10,461); «Жаль, что родины печаль жизни море не вместило» (6,27).

МОЛОДОСТЬ: «...Молодость в кудрях, как речка в купюре» (12,267);

ГОДЫ: «В заводь лет не заплывет сирена» (10,447).

СТОЛЕТИЯ: «Но смыло все столетий море...» (13,34).

БЫЛОЕ: «В болота глядится недужная ель – / В былое былая Россия» (10,438).

СМЕРТЬ: «Шолом избы, как челнок, / В заводи смерти глядится» (6,80).

В приведенных поэтических фразах образная параллель *время – вода*, идущая от мифологии и повторяющаяся у разных народов, строится на «общих смыслах» [Павлович 1995: 40]: движение (интенсивное / неинтенсивное – река/заводь), гибельность, разрушительная сила (океан, море), бесконечность. Подобные соответствия можно найти практически у любого поэта; необычным (или, по крайней мере, редко встречающимся) является образ *былое – болото*, который строится на актуализации значения 'стоячая вода'. Отметим также звуковое сходство соотнесенных слов как явление достаточно характерное для построения образов поэзии начала XX века.

Достаточно часто используются названия водного пространства и в создании образов предметов, растений, земного пространства и т.д.

ПРЕДМЕТЫ: «Вон девка несет не креня, / Два озера на коромысле» (10,472); «У детины кудри – боры... / Море синее – порты» (4,28); «Иду с товарищем-наганом / На тайну смерти и гробов, / В ладью луны за океаном / Невозвратимых парусов» (14,96-97); «И новый Рублев, океаны – палитра / Над ликом возводит стоярусный круг» (5,111); «...свежее озера в лесу, / Ударил колокол» (14,96); «У Прони скатерть синей Онега» (12,36).

Приведенные нами примеры показывают, что творчество Н. А. Клюева отражает общую для поэзии XX века тенденцию, когда «не только предметом изображения, но и источником образных ассоциаций становится быт» [Кожевникова 1995: 47]. Многие реалии, характерные для изображаемого быта, «непосредственно не воспроиз-

водятся, а входят в текст опосредованно – через троп. Таковы многие тропы Клюева» [там же].

ВЕЩЕСТВО, ЕДА: «*Океан* калёных щей ждёт прилёта лебедей!» (10,439); «Отпраздновал осень на славу колхоз, / И прозван «Орлиным» за буйный покос, / За *море* пшеницы и розовых прос!» (10,437); «Мои же пестряди и лыки / Цветут для милого Китая, / Где в золотое *море* чая / Глядится остров – губ коралл» (15,601); «И летят несметной силой / От соломенного Нила... / Стаи праздничных снопов» (10,437).

ЛЕС, РАСТЕНИЯ: «...хвойные омуты кедрового *моря*» (10,302); «Там в *бухтах* сосновых от бурь и скитанья укрылись родной красоты корабли» (5,108); «Ах вы цветики, цветы лазоревы, / Алоцветней вы красной зорюшки, // Скоротечней вы быстрой *реченьки*!» (10, 217).

ЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО: «Ветром воли и забвенья поле -*море* полыхни!» (6,55); «Оттого, человеке, я (дорога-путинушка) куревом / Замутилась, как *плесо* от невода...» (10,265).

Водное пространство также может сравниваться с разными предметами, явлениями и т.д. В создании образов водного пространства участвуют слова разных тематических групп.

ПРЕДМЕТЫ: «Чтоб лоснилась душенька – росная ель / Иль *речка* лесная – *пролетья купель*» (13,36); «... непомернее смарагдовой звезды, // Что смотрит в *озеро*, как *чаша* колдовское ...» (12,265); «...И *братина* – *море* струнно-пённое / Выплеснет Садко богатого» (8,70); «Станет радуга лампадой, / *Море* складнем золотым...» (10,305); «*Океан* – избяная *лохань* / Плещет в берег машинно-железный» (12,188); «*Болото* курится как дымное *кадило*» (10,89); «*Подойник* – *болотце*, / Где рыжий удой / Взбивает мутовкою дед лесовой» (11,134); «Поземкой пылит с Коневца, // И плещется взморье-баклага» (10, 170); «С полатей смотрит жуть, / Гудит, как *било*, *Лаче*» (10,182).

ДРАГОЦЕННОСТЬ: «Цветисты *моря хрустали*» (13,42); «...Как лебеди, в *речном опале*, / Плеща, любуются собой» (15,620); «Так отзвенели Соловки – серебряные кулики / Над *речкой* юности *хрустальной*» (13,33); «Плещучи лещи и сороги / В купели *финифтяных вод*...» (15,282); «...И в рыжем полесье, у жил водопадов / Буравят пласты до *алмазных ключей*» (9,10).

ЧЕЛОВЕК: «И сердце *матки-реки* / Тихо звонит в дедовской кружке» (12,220); «Ручей полощет покрывало в ладонях *матери реки*» (15,613); «Как *баба*, выткала за сутки / *речонка* сизое рядно» (10,247); «Ржет ветер, что *Иртыш*, великий *Енисей* / Стучатся в океан, как *нищий* у дверей» (11,229); *части тела* – «*Браду* морскую, волосья мира / Коммуна-пряха спрядает в нить» (10,375); «Голубеют

воды-очи...»(6,206); «Наша земля – голова великана, / Мы же зверушки, в трущобах волос, / Горы – короста, *лишай* – океаны...»(15, 225).

Названия водного пространства в поэзии Н.А.Клюева чаще употребляются в роли правого элемента сравнения, о чем свидетельствует и большее количество образных параллелей и большее количество образов, их представляющих. Подобное использование характерно для пространственной лексики, поскольку «метафора – это прежде всего способ уловить индивидуальность конкретного предмета, передать его неповторимость» [Арутюнова 1979: 149].

Образы-сравнения Клюева доказывают, что «традиция в поэтической речи, может быть, играет большую роль, чем в общеязыковой практике» [Григорьева 1979:165]: образные параллели поэта связаны с наследованием образной основы русского стиха – фольклорного и классического стиха XIX века. Поэзия Клюева отразила и основные особенности развития тропов начала века [Кожевникова 1995]. Явление множественности тропов, передающих устойчивую смысловую связь, у поэта в основном связано с «обытовлением» тропов. Например, образная параллель «водное пространство → чаша», имеющая мифологические корни, реализуется в образах *котел*, *корыто*, *избяная лохань*, *подойник* наряду с широко используемыми в XIX веке поэтизмами *купель*, *чаша*. Poleмика с традиционной образностью проявляется, прежде всего, в появлении «неэстетических» образов: *океаны* – *лишай*, *порты* – *море*, *отмель* – *плешь*. Кроме номинативной функции, лексика водного пространства выполняет и функцию характеризующую.

Библейский и фольклорный антропоморфизм поэтического словаря Н. А. Клюева

Одной из составляющих поэтического словаря Н.А. Клюева являются слова тематической группы «Человек». Основное её ядро – это слова, называющие тело и его части, а также ум, разум, сердце, душу человека. В частотном словоуказателе «Поэтического словаря Н.А.Клюева» содержится 130 подобных лексем, которые употреблялись в текстах более 2500 раз (ПСК).

Как известно, наименования частей тела человека относятся к древнейшему пласту лексики. В силу этого семантика слов данной тематической группы обладает значительным синкретизмом, столь характерным для языковой архаики. Этот древний синкретизм сохраняется у них в современном языке благодаря образной фразеологии. Однако семантическая многоплановость слов – названий частей тела человека в современном обыденном языке наследуется только частично. Гораздо в большей степени она сохранилась в поэтическом языке, особенно у тех поэтов, которые наследовали и развили в своём творчестве библейские традиции образного мышления. Для поэтики Клюева характерны различные типы антропоцентризма, то есть такого мышления, когда явлениям природы и ментальной сферы приписываются черты человеческого существа. В творчестве Клюева присутствует как языческий так и библейский, христианский, антропоморфизм. Составители «Общих принципов (руководящих указаний) для правильного понимания языка Библии» отмечают: «Человеческие чувствования, действия, а также некоторые части человеческого тела, приписываются Богу (т.н. «антропоморфизмы»), не потому, что они действительно в Нём, но в виду того, что таковые действия исходят от Него и уподобляются как бы действиям человеческим, см. а) Быт 6 3, 6; 11 7; 18 33 Пс 60 10; 78 65 Ис 1 24 Иер. 7 13 Евр 10 12; 12 6 Иак 5 4 2Петр 2 9 Втор. 2 8 Евр 4 13 Лк 1 66 Пс 4 7 Ис Нав 7 26 Лев 26 28 ...» [Библия 1989: 2449]. Далее отмечается, что «отвлечённое и неодухотворённое часто олицетворяется, так, напр.: 1) уши приписываются небесам, земле, смерти, гибели 2) руки – бездне 3) очи – морю и горам 4) голос бездне, мудрости, разуму 5) воля – плоти и уму ...» [Библия 1989: 2449].

Названия частей тела человека с древнейших времён имело несколько семантических планов, которые отражали антропоцентризм человеческого познания мира. Эти семантические планы складывались на основе различных форм языкового мышления, которые определялись использованием различных способов закрепления в слове

результатов познавательной и мыслительной деятельности человека. Таких способов три: это **метонимия, метафора и символ**.

Каждый соответствующий этим способам семантический план слова имеет семантическое поле со своими векторами. По нашим наблюдениям, у слов тематической группы «Человек» образная семантика слов развивается в следующих направлениях.

1. Антропоморфная метонимия.

1.1. Человек и его ипостаси. Внешнетематическая метонимия.

1.1.1. Тело и его части.

1.1.2. Физиологические проявления человека

1.1.3. Волевые проявления человека.

1.1.4. Эмоциональные проявления человека.

1.1.5. Познавательные проявления человека.

1.1.6. Социальное проявление человека.

1.1.7. Душевные проявления человека.

1.1.8. Духовные проявления человека.

1.1.9. Образ человека.

1.2. Метонимическое единство. Внутритематическая полисемия и синонимия.

1.2.1. Часть тела – целое тело.

1.2.2. Часть тела – часть тела.

2. Антропоморфные метафоры.

2.1. Часть тела человека – часть тела предмета.

2.2. Часть тела человека – часть тела животного.

2.3. Часть тела человека – природная стихия.

2.4. Часть тела человека – социальный институт.

2.5. Часть тела человека – абстрактное понятие.

2.6. Часть тела человека – свойства и функции предмета.

2.7. Часть тела человека – национальность.

3. Антропоморфные символы.

3.1. Часть тела человека – часть души человека

3.2. Часть тела человека – ипостась Божества.

3.3. Часть тела человека – проявления Божества.

3.4. Часть тела человека – предметы и явления культа, церковные предметы.

3.4. Часть тела человека – духовные существа.

3.5. Часть тела человека – священные явления.

3.6. Часть тела человека – антропоморфное мифическое существо.

3.7. Часть тела – дух, душа народа.

IV. Символические образы

V. Грамматические транспозиции.

ДУША И СЕРДЦЕ

Сердце

Слово-концепт **сердце** имеет следующие общезыковые значения:

1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящегося у человека в левой стороне грудной полости. 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. 3. Перен. Душевный мир человека, его переживания, настроения чувства. 4. Перен. Разг. Гнев, раздражение. 5. Перен.; чего. Центр, главная часть чего-либо (МАС, 4, 80). Кроме этого, словарь указывает большое число фразеологизмов, в которых обнаруживается множество смысловых оттенков у данного слова.

Образные значения слова **сердце** в поэзии Клюева основаны не только на указанных общезыковых значениях, но и на культурной фоновой семантике. Далее рассматриваются основные направления развития образных значений у данного слова в поэтических текстах Клюева.

Метонимические значения

Центр жизненной силы

Как на полюшке кровавоём / Головами мосты мощены, / Из телес реки пропущены, / Близ **сердечушка** с ружья паля, / О бока пуля пролятыва, / Над глазами искры сыплются... 10,113. Шелестит зловеще дуло: / «Не корись лихой судьбе. / На исходе караула / В **сердце** выстрели себе / И умри безумно молод, / Тяготенье кончи дней...» 10,94.

Качества характера человека

Три желудя-солнца достались нам – / Засевный подарок взалкавшим полям: / Свобода и Равенство, Братства венец / – Живительный выгон для **ярких сердец**. 10,347.

Огонь и розы на знаменах, / На ружьях маковый багрец, / В красноармейских эшелонах / Не счесть **пылающих сердец**! 10,382.

Все так же будет вихрь попутный / Крутить метельные снега, / Сидеть чертою недоступной / Вдали родные берега? / Свирелью плачущей сирены / Томить **пугливые сердца** / И океан лохмотья пены / Швырять на камни без конца? 10,98.

Эмоциональные проявления человека

Колотится сердце... Лесная изба / Глядится в столетья, темна, как судьба, / И пестун былин, разоспавшийся дед, / Спросонок бормочет про тутошний свет. 10,184. Я сгорела, молоденька, без огня, / Без при-сухи **сердце высушила**, 10,228. На гонца крутую бровь не наводи, / Чтобы **сердце не кровавилось** в груди! 10,230. Республики дети су-ровы на вид, / Но **сердце улыбкой и счастьем звенит** / От меда сто-гов и похмелья раки! 10,437. Если б ведать судьбину твою, / Не **кру-чинить** бы **сердца** разлукой / И любовь не считать бы свою / За тебя нерушимой порукой. 10,130. Ах ты, дитятко, свет Миколушка, / Как дуб-равный дуб – ты матер-станлив, / Поглядеть кому – **сердцу завистно**. 10,217. Закипает в **сердце** глухо / **Яд** пережитых **обид...** 10,93. Мере-щится странником голос, Под выюгой, без верной клюки, И **сердце** в слезах **раскололось** Дуплистой ветлой у реки. 10,441

Познавательные проявления человека.

Все **ведаёт сердце** и глаз-изумруд / В зеленые неводы ловит. 10,403. **Сердце поняло**: заживо выгорят / Те, кто смерти задет кры-лом. 11,87. **Чует** бедное **сердце** мое, / Что погубит парнюгу ружье, / Что от пули ему умереть, / Мне ж поминные приплачки петь! ...» 10,245. Но **сердце** **чует**: есть туманы, / Движеньё смутное лесов, / Неотврати-мые обманы / Лилово-сизых вечеров. 10,99.

Память

Сердце, как малиновка в тенётах, / Словно сад в осенних позоло-тах, / **Ронит давнее**, как листья в гать. 10,446. Завтра **поминальный** день – / **Память** расстрелянных рабочих... / Расцветет ли в **сердцах** сирень / У живых, до ран неохочих? 10,388. Дремлет изба, как матерый мошник / В пазухе хвойной, где дух голубик, / Крест соловецкий, что крепче застав, / Лапой бревенчатой к **сердцу** прижав. / **Сердце** и Крест – **для забвенья мета...** 10,459. Так **сердце** робко **воскрешает** / Среди могильных павилик / Купавой материнский лик. 13,14.

Душевные состояния и проявления человека

На песню, на сказку рассудок молчит, / Но **сердце** так странно **правдиво**, – / И плачет оно, непонятно грустит, / О чем? – знают ветер да ивы. 10,147. Как родители-разлучники / Да женитьба подневольная / Довели удала молодца / До большой тоски-раздумица! / Допрежь **сердце соколиное** / Черной немочи не ведало. 10,200. Но прервут

куранты крепостные / Песню-думу боем роковым... / **Бред души!** То заводи речные / С тростником поют береговым. / **Сердца сон**, крошечный, как могила! 10,104. Я верен лесному обету, / **Баюкаю сердце:** не сетуй, / Что жизнь как болотная гать, / Что умерли юность и мама <...> 10,307. Ой вы, други – белы соколы, / Лихо есть, да бродит около, – / Ключ от песни недалеколько зарыт – / **В сердце жаркое** пусть каждый постучит: / Если в **сердце золотой, щемящий звон**, / То царевна шлет вам солнечный поклон; / Если ж в жарком **плещут весла-якоря**, / То Садко наш тешит водного царя. 10,357. <...> **молотведун, чудотворец-верстак**, / Вам ладан стиха, в **сердце сорванный мак**, / В ваш яростный ум, в ногострунный язык / Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник, / Дышу восковиной, медыню цветов, / Сжигающих Индий и Волжских лугов! .. 10,347. И на **сердце свеча** и просфорка, / Бересклет, где щебечет снегирь. 10,390.

Духовные состояния и проявления человека

В потемки деревня – Христова брада, / Я в ней заблудиться готов навсегда, / В живом чернолесье костер разложить / И дикое **сердце, как угря, варить**, / Плясать на углях и себя по кускам / Зарыть под золою в поминок векам, / Чтоб Ястребу-духу досталась мета – / Как перепел алый, Христовы уста! 10,310. Я смехом солнечным младенца / Пустыню жизни оживлю / И жажду душ из **чаши сердца** / Вином певучим утолю. / Так на рассвете вдохновенья / В слепом безумье грезил я <...> 10,110. Бобры за постройкой плотины, / Куницы на слезке терьерей / И синие прошвы от лыж / К мироварнице – келье пустынной, / Где Ярые Очи зырянский Иисус / С радельной рубахой на грядке – Вот мое **сердце, и знание, и путь**. 10,403. Ткач пренебесный, что **сердце** потряс, Полднем солов, ввечеру синеглаз, / Выткал затон, где напевы-киты / Дремлют в пучине до бурь красоты... / Это – Суббота у смертной черты, / то – Суббота опосле Креста... 10,466. Не для тебя, мой василек, Смола терцин, устава клещи, / Ржаной колдующий восток / Тебе открыл земные вещи: «Заря-котенок моет рот, **На сердце теплится лампадка**». 11,91.

Мистические состояния и проявления человека

В земной жизни: Не потому ли **сердцу** мнится / Зимы венчально-белый сон, / Что смерть костлявая стучится / у нашей хижины окон? 10,118. Ты повторяла: «Туман – настоящее, / Холоден, хмур и зловеще глубок. / **Сердцу** пророчит забвенье целящее / В зелени ив пожелтевший листок». 10,195.

После смерти: Скоро родной материк / Ветром борта поцелует; / Будет ничтожный – велик, / Нищий в венке запирует. / Светлый восстанет певец, / Звукам прибоем научен, / И не изранит **сердце** / Скрип стихотворных уключин. 10,385. И положат в гроб больничный / Лавку, старый лес, / Сказку мамину – **на сердце**, / В изголовье – пруд. / Убиенного младенца Ангелы возьмут. / К деду Боженке, рыдая, / Я щекой прильну. 10,357. Тени-слепцы поведут / Душу дорогою длинной. / Только ужиться ль в аду / **Сердцу** теплее наседки, – / В келью поэта приду / Я в золотые последки. 10,317.

Метафорические значения

Мистический центр Земли

Полощется в озере маковый свет, / В пеганые глубы уходит столбом / **До сердца земного**, где праотцов дом. 10,282.

Жизненный центр растения

Продрогли **липы** до костей, / До лык, до **сердца лубяного**, / И в снежных саванах готовы / Уснуть навек, не шля вестей. 11,166. Доска от **сердца сосны** кондовой – / Иконописцу как сот медовый, / Кадит фиалкой, и дух лесной / В сосновых жилах гудит пчелой. 12,33.

Духовный центр реки

Севастополь и Соловки / Теплят свечи в мозгу церквушки, / И **сердце матки-реки** / Тихозвонит в дедовской кружке: 12,227.

Духовный центр дома, избы

Дремлет **изба**, как матерый мошник / В пазухе хвойной, где дух голубик, / Крест соловецкий, что крепче застав, / Лапой бревенчатой к **сердцу** прижав. / **Сердце** и Крест – для забвенья мета... 10,339. А **сердце – изба, бревна сцеплены в лапу**, / Там **горница** – ангелов пир. 3,33. На дне всех миров, океанов и гор / Цветет, как душа, адамантовый бор, – / Дорога к нему с Соловков на Тибет, / Чрез **сердце избы**, где кончается свет, / Где бабкина пряжа – пришельцу веха. 10,311.

Духовный центр родины, народа

О, **русская доля** – кувшинковый волос / И вербная кожа девичьих локтей, / Есть слухи, что **сердце** твое раскололось, / Что умерли прялка и скрипки лаптей. / Что в куньем раю громыхает Чикаго, / И Сиринам в гнезда Париж заглянул. / Не лжет ли перо, не лукава ль бумага, / Что струнного Спаса пожрал Вельзевул? 10,332. **Сердце, сердце, русской удали** жилье, / На тебя ли ворог точит лезвие, / Цепь кандаальную на кречета куёт, / Чтоб не пело ты, как воды в ледоход, / Чтобы верба за иконой не цвела, / Не гудели на Руси колокола, / И под благовест медовый в вешний день / Не приснилось тебе озеро Ильмень, / Не вздыхало б ты от жаркой глубины: / Где вы, вещие Бояновы сыны? 10,340. Мой подвалец лесом стал, – / Вон в дупле горит опал! – / **Сердце родины** иль зыбка, / С чарою ладонью глыбкой / Смуглой няни – плат по щеки! .. 11,161.

Символические значения

Проявления Божества

За ладанкой павий петал Гавриил / И тьмы громокрылых взыскующих сил, – / Обшарили адский кромешный сундук / И в Смерть открывали убийственный люк, / У Времени-скряги искали в часах, / У Месяца в ухе, у Солнца в зубах; / Увы! Схоронился «в нигде» талисман, / Как **Господа сердце** – немолчный таран! .. 10,309.

Духовное существо

Не видим, что Сирин в бархатном зале, / Что **сердце райское** под белым тюлем / Обождено грозовым июлем, / Лесными пожарами, гладом да мором, / Кручинится по синим небесным озерам. 10,433. На каменный зык отзовутся миры, / И демоны выйдут из адской норы, / В потир отольются металлов пласты, / Чтоб солнца вкусили народы-Христы. / О демоны-братья, отпейте и вы / **Громовых сердец**, поцелуйной молвы! 10,346.

Символические образы сердца

Предмет

Зыбка: Мой подвалец лесом стал, – / Вон в дупле горит опал! – **Сердце родины** иль **зыбка**, / С чарою ладонью глыбкой / Смуглой няни – плат по щеки! .. 11,161.

Опал: Мой подвалец лесом стал, – / Вон в дупле горит **опал!** –
Сердце родины иль зыбка, / С чарою ладонью глыбкой / Смуглой няни
– плат по щеки! .. 11,161.

Чаша: Я смехом солнечным младенца / Пустыню жизни оживлю / И
жажду душ из **чаши сердца** / Вином певучим утолю. / Так на рассвете
вдохновенья / В слепом безумье грезил я <...> 10,110.

Колокол: Поет мне Сирина издавеча: / «Люби, и звезды над тобой /
Заполыхают красным вечем, / Где **сердце – колокол** живой». 10,330.

Волянка: Не о тебе ли, мой цветок, / Перо журчит, как ручеек, /
Лесную сказку про кувшинку / И под **сердечную волянку** / Рождает
ландышами строки, / Что сом – поэт подводноокый, / И что ему под
пятьдесят? 11,61.

Растительный мир

Дерево: Мерещится странником голос, / Под вьюгой, без верной
клюки, / И **сердце** в слезах раскололось / Дуплистой **ветлой** у реки.
10,441. Зато до каменной Норвеги / Прибоя пенные телеги / Пух гаги –
слухи развезли, / Что материнские кремни / И **сердца кедр**, шатра ук-
ромней. / Как бирюзу в каменоломне / Укрыли девичью красу! 13,40.

Дупло: Я – древо, а **сердце – дупло**, / Где Сирина-птицы зимовье,
/ Поет он – и сени светло, / Умолкнет – заплачется кровью. 10,323. Но
небо затеплит кресты – / Сыновности отблеск далекий, / И птица в
сердечном дупле / Заквохчет, как дрозд на отлете, / О жертвенной,
красной земле, / Где камни – взалкавшие плоти. 10, 323.

Сад: Умыться сладостно слезами, / Прозрев, что **сердце** соловья-
ми, / Как **сад** задумчивый, полно, / Что не персты чужих магнолий, / А
травы Куликова поля / К поэту тянутся в окно! 13,33. **Сердце**, как ма-
линовка в тенётах, / Словно **сад** в осенних позолотах, / Ронит давнее,
как листья в гать. 10,446. Ведь **сердце – сад** нехоженный, немятый!
12,282.

Роза: И помянут пляскою дервиши / **Сердце – розу**, смятую в На-
рыме, / А старуха-критика запишет / В поминанье горестное имя.
12,236.

Подсолнечник: Я твой, любви! И не озябло / **Подсолнечник** –
живое **сердце**. 12,273.

Виноград: Не веришь желтокожей голодухе, / Что кровью вытечет
сердечный виноград! / Ведь **сердце – сад** нехоженный, немятый!
12,282.

Зерно: И не чую больше тела я, / **Сердце – всхожее зерно...** / При-
летайте, птицы белые, / Клюйте ярое **пшено!** 10,220.

Арбуз: В персидско-тундровом зное / Дозревает **сердце-арбуз**. 6,
27.

Птица

Голубь: С нашеста ребер в свой черед / Вспорхнуло **сердце** – **голубь** рябый, / Чтобы с воздушного ухаба / Разбиться о сапфирный свод. 12,44.

Кречет: Ой вы, други, гости званные, / Сапожки на вас сафьянные, / Становой кафтан – индийская парча, / Речь орлиная смела и горяча, / **Сердце-кречет** рвется в поймища степей / Утиц бить да долгоносых журавлей. 10,339. **Сердце, сердце**, русской удали жилье, / На тебя ли враг точит лезвие, / Цепь кандальную на **кречета** кует. 10,340.

Лебедь: От глухой у парня участи / Муравой душа муравеет, / Будто колокол в зыбучести / Синя моря, удаль ржавеет. / Пробудись, било пучинное, / Гулом в зыби, ветром в парусе, / Чтобы **сердце лебединое** / У детины бурей сталося! 12,72.

Малиновка: **Сердце**, как **малиновка** в тенётах, / Словно сад в осенних позолотах, / Ронит давнее, как листья в гать. 10,446.

Птичка: «Приди, дитя мое, приди!» – / Запела лютня неземная, / И **сердце птичкой** из груди Перепорхнуло в кущи рая. 12,31.

Сирин: И грудь стропилами ключицы / Вперила в порубы светлицы, / Где **сердце сиринком** в коруне / Вот-вот на кровь пожаром дунет / И закипит смолой руда!.. 12,271.

Пчела

Плывет пресветлый Бог богов, – / Ему молиться Туру надо, / И мед нести, чтоб **сердце** Лады / Замлело **пчелкой** меж цветов. 14, 94.

Природная стихия

Вода: В теле буйство вешних перелесков: / Под ногтями птахи гнезда вьют, / В алой пене от **сердечных плесков** / Осетры янтарные снуют. 10,352. **Сердце, сердце**, русской удали жилье, / На тебя ли враг точит лезвие, / Цепь кандальную на кречета кует, / Чтоб не пело ты, как **воды в ледоход**, 10,340. Аль иссякла **криница сердечная**, / Али веры ограда разрушилась, / Али сам я – садовник испытанный / Не возмог прикормить вас молитвою. 6,98.

Буря: Пробудись, било пучинное, / Гулом в зыби, ветром в парусе, / Чтобы **сердце лебединое** / У детины **бурей** сталося! 12,72.

Дом, изба

Сердце, сердце, русской удали жилье, / На тебя ли враг точит лезвие. 10,340. И серые **избы** с часовней убогой, / Понурые ели, бурь-

яны и льны / Суровым безвестьем, печалию строгой – / «Навеки»,
«Прощаю» – как **сердце**, полны. 10,148. Ангел простых человеческих
дел / В **сердце** мое жаворонком влетел./ Видит, **светелка**, как ска-
терть, чиста, / Всюду цветут «ноготки» и «уста», / Труд яснозубый та-
чает суму – / Слитки беречь рудокопу Уму, / Девушка Совесть вдевает
в иглу / Нити стыда и ресничную мглу... 10,465. Напрасно ставнями
ушей / Я хлопал, напрягая слух, – / В дом головы не лился дух, / И в
сердце – низенькой **светлице**, / Как встарь, молчальницы-сестрицы /
Беззвучно шили плат жемчужный. 13,41. / То в **зале сердца** вальс за-
бытый! 11,166. Да **сердце** – завьюженный **чум** – / Тревожит таинст-
венный шум. 3,26.

Звук

Поет мне Сирин издалека: / «Люби, и звезды над тобой / Запопы-
хают красным вечем, / Где **сердце** – колокол живой». / **Набат сер-**
дечный чует Пушкин / Предвечных сладостей поэт... 10,330.

Домна

Песнотворцу ль радеть о кранах подъемных, / Прикармливать во-
ронов – стоны молота? / Только в думах поддонных, в **сердечных**
домнах / Выплавится жизни багряное золото. 10,395.

Вино, мёд

Ах, в **сердце** поет, как **вино**, / Стрела семнадцатого года, / Когда
весельем ледохода / Пахнуло в девичье окно... 10,418. Ах, **сердце** –
лютое **вино**! 10,419. Я смехом солнечным младенца / Пустыню жизни
оживлю / И жажду душ из **чаши сердца** / **Вином певучим** утолю. / Так
на рассвете вдохновенья / В слепом безумье грезил я <...> 10,110.
Поминок Куликова поля, / В нем реки слезоточной соли / Донского
омывают лик. / О радость! О **сердечный мед**! 3,5.

Судно

Причалит сердце к октябрю, / В кленовый яхонт и зарю. 10,452.
Октябрьское солнце, косое, дырявое, / Как старая лодка, рыбацья
мерда, / аюкает **сердце** незрячее, ржавое, / Как **якорь** на дне, как глу-
хая руда. 7,112.

Воск

Был Дедеря лют на кроволитье; / После ж песни стал как лес осен-
ний: / **Сердцем в воск**, очами в хвой потемки, / А кудрями в прожельть
листопада. 10,260.

Огонь

Вспыхнет **сердце – костер** привратный, / Озаряя Терновый лик... /
Римский век багряно-булатный / Гладиаторский множит крик. 11,123.
Не потому ли над бумагой / Звенит издевкой карандаш, / Что блед-
ность юности не пара, / Что у зимы не хватит чаш / Залить **сердечные**
пожары?! 10,445.

Холод, стужа

Студены ручья коленца, / Наше **сердце студений**, / Богородица
Младенца / Возносила от полей. 12,322,

Озеро

Есть раздумий челны, сновидений баркас, / Что дозорят **сердца**,
как священный **Байкал**. 11,142. **Сердце** свое, человек, береги! / **Озе-
ро-сердце**, а Русь, как звезда, / В глубь его смотрит всегда! 12,170.

Душа

Главный смысл своего творчества Ключев видел в том, чтобы по-
этически воспроизвести душу русского народа:

Нерукотворную Россию

Я, песнописец Николай,

Свидетельствую, братья, вам

(12, 327)

Именно поэтому слова *душа*, *душенька* встречаются в его произ-
ведениях более двухсот раз (ПСК). Содержание этого слова склады-
валось в поэтическом сознании Ключева в соответствии с его христиан-
ским миропониманием как мистическое понятие: «Горько в себе по-
смеется душа / Над правдой слепого рассудка». Для Ключева душа –
это метафизическая реальность, духовное начало в человеке, которое
соединяет его и окружающий его мир с Богом. В силу этого в религи-
озных текстах утвердился символический способ именования духов-
ных сущностей. Русская духовная поэзия, фольклор имели свои, а

также унаследованные библейские традиции именовать духовные сущности символическим способом. Следуя этим традициям, поэзия Клюева имеет удивительно богатый словарь символических обозначений души. С этой целью используется лексика разных тематических групп. Вместе с тем семантика слова *душа* в творчестве Клюева развивается и ещё в двух направлениях: в метонимическом и метафорическом.

Метонимические значения

Человек

Аринушка с **душой** Прасковьей, / Два горностая на зимовье, / В светелке низенькой сошлись / И потихоньку заперлись. 13,16

Эмоциональные проявления человека

Ноченька темная, жизнь подневольная... / В поле безлюдье, бесследье да жуть. / **Мается душенька**... / Тропка окольная, / Выведи парня на хоженный путь! 10,210. Нам вести **душу** обожгли, / Что больше нет родной земли. 11,225. Ах, неспроста **душа** в ознобе, / Матерой стаи чуя вой! 12,333. Здесь иной мир – покоя, отрады. / Нет суетных **волнений души**; / Жизнь тиха здесь, как пламя лампы, / Не колеблемой ветром в тиши. 12,29. Вопросали меня гости-воины: / Ты ответствуй, скажи, добрый молодец, / Отчего ты **душою кручинишься**, / Как под вихорем ель клонишь голову? 12,97. По керженской игуменье Манефе, / По рассказам Мельникова-Печерского, / Всплакнулось **душеньке**, как дрохфе / В зоологическом, близ моржа пустозерского. 12,157. «Подруженька, **люби** Федюшу, Ему **отдай** навеки **душу**!... 13,17.

Волевые проявления человека

Будьте ж **душой** непреклонны / Вы, кому свет не погас, / Ткут золотые хитоны / Звездные руки для вас. 10,107.

Творческие проявления человека

Душа всещедро-тверда, / Как ток, цепами убитый, / Где смуглый Ангел труда /

Молотит созвучий жито. 11,132. Кобылица-**душа** тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты. 6,208.

Черты характера человека

Степь от солнца вольнее и краше – / От заправки **душа** удалей.
12,37.

Духовные и нравственные качества человека

Чтоб царь благоверный дождался нас здоровых, / Чай, солнцем не сходит с палат златоглавых / И с башни дозорной глаза проглядел, / А сам, словно яхонт, и **душенькой бел!**.. 13,36
Допрежде страды мужики поговели, / Отпарили в банях житейскую прель, / Чтоб лоснилась **душенька** – росная ель / Иль речка лесная – пролететь купель, / Где месяц – игрок на хрустальной свирели. 13,36.

Мистические состояния и проявления души

*Не в силах бельмо телескопа
Небесной **души** подглядеть.*

7,120

В земной жизни: И горько в себе посмеется **душа** / Над правдой слепого рассудка. 10,147. Ах, взвиться б жаворонком к Богу! / **Душа** моя, проснись, что спишь! .. 13,31. Темным зовам не верит **душа**, / Не летит встречу призракам ночи. 10,154. Мужичья **душа**, как кедр зелено-темный, / **Причастье Божьих** рос неутолимо пьет. 10,300. К деду Боженке, рыдая, / Я щекой прильну: «Там, где гарь и копоть злая, / Вырасти сосну! Страшно, дедушка, у домны / **Голубю-душе...**» 10,357. Потянуло **душу**, как гуся, / В голубой полуденный край; / Там Микола и Светлый Иисусе / Уготовят пшеничный рай! 11,87. Но сон угас, как зори мая, / Надводным холодом дыша, / И с той поры о дивном крае / Томится падшая **душа**. / Ей снятся солнечные стены / Нерукотворных городов, / И в ледяном мерцаньи пены / Сиянье чудится венцов. 12,47. **Душе** прозреть тебя не просто, / Ты – дуб из черного стекла, / Сквозящий маревами зла, / Где бродит желтый лунный морок. 12,270. Без чуда небеса, поблекнув, отсияли, / **Души** не озарил полночный звездопад, / Украшенный чертог безумно мы искали, / А обрели тюрьму и мрачный каземат. 12,46. **Скрепя молитвой душу**, / Прислушался Федюша... 13,20.

После смерти: С высоты дохнул огонь, / Меч, исторгнутый из ножен, – / И отпрянул Смерти конь, / Перед Господом ничтожен. / Как росу с попутных трав, / Плоть томленья отряхнула, / И **душа**, возликовав, / В бесконечность заглянула. 10,143. Земля погоста – притин от бурь, **Душа**, как рыба, **всплеснет в лазурь**. 10,295. Плывут преставленные **души** / В незатемненный далью путь, / К Материку желанной суши / От

бурных странствий отдохнуть. 10,97. И **души** цветут по родным косо-горам / Малиновой кашкой, пурпурным глазком... 10,366. Дохнуло молчанье... / Одни журавли, / Как витязь победу, трубили вдали: / «Мы матери **душу** несем за моря, / Где солнцеву зыбку качает заря. 10,271. «В раю упокой Поликарпову **душу**», – / С лучом незабудковым шепчется дед. 10,313. Ястреб, что смертью зовут, / Город похитил куриный, Тени-слепцы поведут / **Душу** дорогою длинной. 10,317. Не забудь за далью мрачной, / Средь волнующих забот, / Что взошел я новобранно \ По заре на эшафот; / Что, осилив злое горе, / Ложью жизни не дыша, / В заревое пала море / Огнекрылая **душа**. 12,54. У заставы великой, предсолнечной, / Входят **души** в обличие плотское, / Их встречают там горние воины / С грознокрылым Михайлом архангелом, / По три-краты лобзают страдателей, / Изгоняют из **душ** боязнь смертную. / Опосля их ведут в храм апостольский – / По своим телесам окровавленным / Отстоять поминальную служебку. 6,232. Снаряжают им поезд огненный, – / Звездных мерин с колымагами, / Отвезти гостей в преблаженный рай, / Где страдателям уготованы / Веси красные, избы новые, / Кипарисовым тесом крытые, / Пожни сенные – виноград-трава, / Пашни вольные, бесплатежные – / Всё солдатушкам уготовано, / Храбрым **душенькам** облюбовано. 6,233. Спас за сошенькой-горбушей / Потом праведным потел, / Бабы, дедовские **души** / Возносил от бранных тел. 7,144. Утонувшие в океанах / Не восходят до облаков, / Они в подземных, пламенных странах / Средь гремучих, красных песков. / До второго пришествия Спаса / Огневейно крылаты они, / Лишь в поминок Всадник Саврасый / На мгновенье гасит огни. \ И тогда прозревают **души** \ Тихий Углич и праведный Псков, / Чуют звон колокольный с суши, / Воск погоста и сыту блинов. / Блин поминный круглый не даром: – / Солнце с месяцем – Божьи блины, / За вселенским судным пожаром / Круглый год ипостась весны. 5,111. Почуяла Прасковья, \ Что кончилось зимовье – / Христос во гробе спит, / Что ноне дедов **души** / По зорьке лапти сушат / У голубцов да плит. 13,18. Чу! Бесы мельницей стучат, / Песты размалывают **души**. 13,30.

Метафорические значения

Духовное начало в животном

Медведь: Осенняя явь Обонежья, / Как сказка, баюкает дух. Чу, гул... / Не **душа** ли **медвежья** / На темень расплакалась вслух? 10,287. У шубы дремуча опушка, / **Медвежья**, лесная **душа**, / В шугае ж вещунья-кукушка / Тоскует, изнанкой шурша. 7,62.

Корова: Счастье бывает и у кошки – / Котеночек – пух медовый, / Солнопок в зализанной плошке, / Где звенит пчелой **душа коровы.** 10,325.

Духовное начало в растении

Береза: Знаю, что вечной весною веет **березы душа**... 12, 335.

Березынька: **Березынька** – краса пустынь. / Она пошла к ручью с ведерцем / И перерублена по сердце, / В криницу обронила **душу.** / Укрой, Владычица, горюшу / Безбольным милосердным платом! .. 13,32.

Бор: На дне всех миров, океанов и гор / Цветет, как **душа, ада-мантовый бор,** – / Дорога к нему с Соловков на Тибет, / Чрез сердце избы, где кончается свет. 311,10.

Дерево: Пусть стол мой и лавка-кривуша – / Умершего **дерева души**... 10, 308.

Лес: У шубы дремуча опушка, / Медвежья, **лесная душа,** / В шугае ж вещунья-кукушка / Тоскует, изнанкой шурша. 7,62.

Луг: И **душа лугов** парит орлицей, / От росы свежительно-алмазна. 12, 128.

Одуванчик: Его одежды, чуть шурша, / Неуловимы бrenным слухом, / Как **одуванчика душа,** / В лазури тающая пухом. 10, 134.

Просо: На деревьях тетерки, куры / И **души проса,** пухлых реп. 7, 129.

Репа: На деревьях тетерки, куры / И **души проса,** пухлых реп. 7, 129.

Духовное начало в земле, в камне

Земля: Моря мирского калача / Без берега и дна. \ В них погибают корабли: / Неволя, Лихо, Сглаз, – \ То ЦарьМорской – **Душа Земли** – / Свершает брачный пляс. 12,165.

Камень: В каждом **камне,** мнится, стонет, / **Заключенная душа.** 10, 308.

Духовное начало в предмете

Бумага: Строки и буквы – лесные коряги, / Ими не вышить желанный узор... / Есть, как в могилах, **душа у бумаги** – / Алчущим перьям глубинный укор. 10,274.

Гумно: О горе, горе! Вижу я / В огне родимые поля, – / **Душа гумна, душа избы, Посева, жатвы, бороньбы,** / Отлетным стонет журавлем!.. 13, 25.

Зипун: Крестом повязали тесьму – / Повывесть заморскую тьму, / И семь безутешных недель / Ларец был тебе колыбель, / Пока кипарис и тимьян / На гостя, что за морем ткан, / Не пролили мирра ковши, / Чтоб не был **зипун без души!** 13,8.

Изба: О горе, горе! Вижу я / В огне родимые поля, – / **Душа гумна, душа избы, Посева, жатвы, бороньбы,** / Отлетным стонет журавлем!.. 13, 25.

Книга: Лес, как призрак, заплавал, / Умер агнчий закат, / И увел меня дьявол / В смрадный, каменный ад. / Там газеты-блудницы, / **Души книг, души струн...** 10,319

Метла: Мы – кречетов стая, жар-птицы, орлы, / Нам явственны бури и вздохи метлы: / В **метле есть душа – деревянный божок,** / А в буре Илья – громогласный пророк... 10,314.

Печь: Что **души печи** и телеги / В моих колдующих зрачках / И ледовитый плеск Онеги / В самосожженческих стихах. 12,167.

Струна: Лес, как призрак, заплавал, / Умер агнчий закат, / И увел меня дьявол / В смрадный, каменный ад. / Там газеты-блудницы, \ **Души книг, души струн...** 10,319.

Сукно: И вышло сукно из ларца / Синё, бархатисто с лица, / Но с тонкой тимьянной **душой...** 13,8.

Шуба: У **шубы** дремуча опушка, / Медвежья, лесная **душа,** / В шу-гае ж вещунья-кукушка / Тоскует, изнанкой шурша. 7,62.

Телега: Что **души** печи и **телеги** / В моих колдующих зрачках / И ледовитый плеск Онеги / В самосожженческих стихах. 12,167.

Духовное начало России

Громыхает чумазый отмычкой / Над узорчатым тульским замком. / Неподатлива чарая скрыня, / В ней златница – **России душа,** / Да уснул под курганом Добрыня, /

Бородою ковыльной шурша, / Да сокрыл Пересвета с Ослябей / Голубой Богородицын плат!.. 12,243 И, рыдая о милых близяих, / В заревой конопель и шелк **Душу Руси** на крыльях сизых / Журавлиный возносит полк. 12,250. Так погибал Великий Сиг / Заставкою из древних книг, / Где Стратилатом на коне / **Душа России,** вся в огне, / Летит ко граду, чьи врата / Под знаком чаши и креста! 12,331.

Духовное свойство иконы

Икон же **души** с поля сечи, / Как белый гречневый посев, / И видимы на долгий миг, / Вздыхались в горную Софию... / Нерукотворную Россию / Я, песнописец Николай, / Свидетельствую, братья, вам. 12,327.

Духовные свойства тени

То плящий костер из глазастых перстней / С бурмитским зерном,
чтоб жилось веселей. / Чтоб в нижнем селе пахло сытой мучной, \ А в
горней светелке проталой вербой, / Сурмленным письмом на листах
Цветника, / Где **тень** от ресниц, как **душа**, глубока! 13,5.

Символические образы души

Птицы

Алконост: И взлетит **душа Алконостом** / В голубую млечную медь
/ Над родным плакучим погостом / Избяные крюки допеть! 10, 123

Гагара: Стучит к потаскухе скелет сухопарый, / (А вербы над реч-
кой, как ангел, белы), / То Похоть смеется, и **души – гагары** / Ныряют,
как в омут, в провалы скулы. 7, 114.

Голубь: К деду Боженке, рыдая, / Я щекой прильну: /»Там, где
гарь и копоть злая, / Вырасти сосну! / Страшно, дедушка, у домны / **Го-
лубю-душе...**» 10, 357.

Горлица: Соборная клеть – восковое дупло, / Здесь горлицам-
душам добро и тепло. 13,7.

Гусь: Покойные солдатские **душеньки** / Подымаются с поля убой-
ного. / До подкустья они малой мошкой, / По надкустью же – мглой
столбовитою, / В Божьих воздухах синью мерещатся, / Подают голоса
лебединые, / Словно с озером **гуси** отлетные, / С святорусской сто-
ронкой прощаются. 6, 232. Потянуло **душу**, как **гуся**, / В голубой полу-
денный край; / Там Микола и Светлый Иисусе / Уготовят пшеничный
рай! 11, 87.

Дрохва (дрофа): По керженской игуменье Манефе, / По рассказам
Мельникова-Печерского, / Всплакнулось **душеньке**, как **дрохфе** / В
зоологическом, близ моржа пустозерского. 12, 157.

Жаворонок: Ах, взвиться б **жаворонком** к Богу! / **Душа** моя, про-
снись, что спишь! 13, 31.

Журавль: О горе, горе! Вижу я / В огне родимые поля, – / Душа
гумна, душа избы, / Посева, жатвы, бороньбы, / Отлетным стонет **жу-
равлем!**... 13, 25.

Зяблик: Господи, отпусти грехи наши! / **Зяблик-душа** голодна и
бездомна, / И нет деревца с сучком родимым / И кузова с кормом-
молитвой! 12, 204.

Ласточка: Вздыхает судоржно бумага / Под ясновидящим пером. /
И, возвратясь из далей тела, / **Душа**, как **ласточка** в прилет, / В созву-
чий домик опустелый / Пушкинку первую несет. 7, 130.

Иволга: И слезы застилали взоры, — / Дождем душистый сенокос, / Душа же рощею берез Шумела в поисках луча, / Бездомной иволгой крича. 13,39.

Орлица: И душа лугов парит орлицей, / От росы свежительно-алмазна. 12,128

Петух: Душа — звездоперый петух на нашесте. 12,157.

Птица: Кабы птицей душа очутилась / Буйнокрылою чайкой морской, / Не с надрывным бы стоном кружилась / Над рокочущей гневно волной. 12,37. И тиха лишь стезя, / Уходящая ввысь. / Не по ней ли идти? / Может быть, не греша, / На лазурном пути / Станет птицей душа. 12,72.

Птичница: Золотые деревья / Свесят гроздьями созвучья, / Алконостами слова / Порассядутся на сучья. / Будет птичница-душа / Корм блюсти, столжары пуха. / И виссонами шурша / Стих войдет в чертоги духа. 7,60.

Чайка: Тебе дается завещанье, / Чтоб мира божьего сиянье / Ты черпал горсткой золотой, / Любил рублевские заветы, / Как петел синие рассветы / Иль пальцы девичья игла: / Красотоделатель Савватий / На голубом небесном плате / Не шьет совиного крыла! / Поморью любви души-чайки, / Как печь беленая хозяйке, / Оне приветны и моржу... 13,29.

Гнездо

Гнездо: Лепил я твою душеньку, как гнездо касатка, / Слюной крепил мысли, слова слезинками, / Да погасла зарная свеченька, моя лесная лампадка, / Ушел ты от меня разбойными тропинками! 11,175.

Насекомые

Мошка: Покойные солдатские душеньки / Подымаются с поля убойного. / До подкустья они малой мошкой, / По надкустью же — мглой столбовитою (6, 232).

Пчела: Счастье бывает и у кошки — / Котеночек — пух медовый, / Солнопек в зализанной плошке, / Где звенит пчелой душа коровы. 10,325.

Рой: Кто знает зимний Петербург, / Исхлестанный бичами пург / Под лунной перистой дугой, / Тот видел душ проклятых рой, / И в полыньях скелетов пляски. 13,40.

Рыбы

Камбала: Поет Вифлеемское небо, / И Мать пеленает меня – Предвечность в убогий свивальник. / Оно нарастает, как в темь / Измученный, дальний бубенчик, / Нырять в укладку, в платок, / Что сердцу святее иконы, / И там серебрит купола, \ Сплетаёт захватистый невод, / Чтоб выловить **камбалу-душу** / И к груди сынишкой прижать, / В лесную часовню повесть, / Где Боженька книгу читает / И небо в окно падает / Лучистых зайчат и свистульку. 12,146.

Рыба: Земля погоста – притин от бурь, / Душа, как рыба, всплеснет в лазурь. 10,295.

Стерлядь: Как **стерлядь** в прибое, так в музыке Глинки / Нырять душа с незапамятных пор. 10,332.

Животные

Жеребенок: Душа – степной жеребенок / Копытом бьет о грудину, – / Дескать, выпусти на долину / К резедовым лугам, водопою... 12,308.

Кобылица: **Кобылица-душа** тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты (6,208).

Олень: Предзимняя душа, как тундровый олень, / Стремится к полюсу, где льдов седая лень, / Где ледовитый дуб возносит сплосх-сень, / И эскимоска-ночь укачивает день. 10,396.

Растительный мир

Кедр: Мужичкая душа, как кедр зелено-темный, / Причастье Божьих рос неутомимо пьет... 10, 330.

Ветка: О, пуца-мать, тучки прядь, / Туман, пушистее кудели, / Как сладко брагою лучей / На вашей вечере упиться, / Прозрев, что веткою в ручей / Душа родимая глядится! 10,257.

Кашка: Хвала пулемету, несытому кровью / Битюжьей породы, батистовых туш! ./ Трубят серафимы над буйною новью, / Где зреет посев струннопламенных душ. / И души цветут по родным косогорам / **Малиновой кашкой**, пурпурным глазком... 10,366.

Мох: Моя душа, как мох на кочке, / Пригрета пушкинской весной. 10,330.

Роща: И слезы застилали взоры, – / Дождем душистый сенокос, / Душа же **рощею берез** / Шумела в поисках луча, / Бездомной иволгой крича. 13,39.

Цветы: Ты признай меня, молодой солдат, / Я дозор несу у небесных врат, / Меня ангелы славят Митрием, / Преподобный лик – Свет-

Солунским. / Объезжаю я Матерь-Руссию, / Как цветы, вяжу души
воинов... 6,220

Ягода: На заедку сизый лось / Выпьет душу – ягод гроздь. / Будет
в чуме жить душа, / Веретёнцем верезжа. 13,27.

Ель: Допрежде страды мужики поговели, / Отпарили в банях жи-
тейскую прель, / Чтоб лоснилась душенька – росная ель / Иль речка лес-
ная – пролетья купель, / Где месяц – игрок на хрустальной свирели. 13,36.

Строение, дом, изба

Лабиринте стен: Немолчный жизни звон, как в лабиринте стен, /
В пустыне наших душ бездомным эхом бродит; / А время, как корабль,
под плеск попутных пен, / Плывет и берегов желанных не находит.
10,92.

Свод: Твоих зеленых волн прибой тысячеустный / Под сводами
души рождает смутный звон, / Как будто моряку, тоскующий и груст-
ный, \ С родимых берегов доносится поклон. 10,152.

Дверь: Над свежей могилой любви \ Душа словно дверь на засо-
ве, – / Чужой, не стучи щеколдой! 12,272.

Водные пространства, люди и предметы, связанные с ними

Барка: Не хочу цилиндром и башмаками / Затыкать пробойну в
барке души! 9,13

Берег: Слава ковриге и печи хвала, / Что Голубую Субботу спекла,
/ Вывела лося – цимбалы рога, / Заколыбелить души берега! 10,463.

Корабль: Прочь ветрила размышленья, / Рифм маячные огни, /
Ветром воли и забвенья / Поле-море полыхни ! Чтоб души корабль
надбитый, / Путеводных волен уз, / Не на прошлого граниты / Драго-
ценный вынес груз ! .. 6,55.

Речка: Допрежде страды мужики поговели, / Отпарили в банях жи-
тейскую прель, / Чтоб лоснилась душенька – росная ель / Иль речка
лесная – пролетья купель, / Где месяц – игрок на хрустальной свирели.
13,36.

Якорь: Христос! Я – буренка мирская, страдальная; – / Пусть доит
Земля мою жизнь – молоко... / Как якорь на дне, так душа огнепаль-
ная / Тоскует о брачном, лебяжьем Садко. 7,111.

Метеорологические явления

Ветер: Былинка поблекнет, и удаль обманет, / Умчится, как буря,
надежды губя, – / Пусть ветром нагорным душа моя станет / Проро-
ческой сказкой баюкать тебя. 10,148.

Мгла: Покойные солдатские **душеньки** / Подымаются с поля убойного. / До подкустья они малой мошкой, / По надкустью же – **мглой столбовитою**, / В Божьих воздухах **синью** мерещатся. 6, 232.

Синь: Покойные солдатские **душеньки** / Подымаются с поля убойного. / До подкустья они малой мошкой, / По надкустью же – **мглой столбовитою**, / В Божьих воздухах **синью** мерещатся. 6, 232.

Глубь

Овраг: В заборной щели солнечный глазок / Глядит в **овраг души**, где слезка-ручеек / Звенит украдкою меж галек – серых строк, / Что умерла любовь и нежный май истек. 10,397.

Глубокий: То плящий костер из глазастых перстней / С бурмитским зерном, чтоб жилось веселей. Чтоб в нижнем селе пахло сытой мучной, / А в горней светелке проталой вербой, / Сурмленным письмом на листах Цветника, / Где **тьень** от ресниц, как **душа, глубока!** 13,5.

Языческие мифонимы

Чудище поддонное: О **душа** моя – **чудище поддонное**, / Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое, / Прозри и виждь: свет брезжит! Раскрылась лилия, что шире неба, / И колесница Зари Прощения / Гремит по камням небесным! 10,301.

Деревянный божок: Мы – кречетов стая, жар-птицы, орлы, / Нам явственны бури и вздохи метлы: / В метле есть **душа – деревянный божок**, / А в буре Илья – громогласный пророк... 10,314.

Дорога

Проселки: Ненастна воронья губернья, / Ущербные листья – гроши. / Тогда предстают непомерней / Глухие **проселки души**. 10,441.

Ладони

Согреть бы, как **душу, ладони** Пожаром девичьей косы. 10,442.

Солнце

Не надо тишины, она для нас смертельна, / Для **солнца** наших **душ** – как сумрак гробовой... / А с горней высоты, волнуяще свирельна, / Несется песнь любви и радости живой. 12,56.

Воск

Ярым **воском** расплавились **души** / От купальских малиновых трав, / Чтоб из гулких подземных конюшен Прискакал краснозубый центавр. 13,38.

Прогалина

И бледной голубикой мать / Цвела в **прогалине душевной**. 13,18.

Подойник

Чтоб была как **подойник** щедра / **Душа** молоком словесным. 9,22.

Лён, прядение, ткачество

Лён: Уж вы, ангелы поднебесные, / Зажигайте-ка свечи местные, – / Ставьте свеченку в ноги резвые, / А другую мне к изголовьицу! / Ты, смеретушка – стара тетушка, / Тише бела **льна** выпрядь **душеньку**. 6,219.

Пестрядинный: Кто-то черный, с пастью яро-львиной, / Встал на страже полдней и ночей. / Дед, как волхв, **душою пестрядинной** / Загляделся в хляби дум-морей. 12,171.

Веретёнце: На заедку сизый лось / Выпьет душу – ягод гроздь. / Будет в чуме жить **душа**, / Веретёнцем верезжа. 13,27.

Слёзы

Самурай в слепящей кольчуге / Купиною предстанет мне. / Совершат обряд хакари: / Вынет **душу, слезку-звезду**... 12,226.

Звезда

Самурай в слепящей кольчуге / Купиною предстанет мне. / Совершат обряд хакари: / Вынет **душу, слезку-звезду**... 12,226.

Пантеизм или христианство?

Наблюдения над лексической сочетаемостью слова душа в произведениях Клюева позволяют ответить на вопрос, чья душа и какую душу изображает поэт. Прежде всего, это души крестьянские, мужицкие, бабьи, солдатские, родительские: (1) **Мужицкая душа**, как кедр зелено-темный, / Причастье Божьих рос неутомимо пьет... (10,330);

(2) Читает их пахарь, \ С ним некто Другой, / Кто правит огнем и **мужицкой душой**. (10,296); (3) Спас за сошенькой-горбушей / Потом праведным потел, / **Бабы, дедовские души** / Возносил от бранных тел (7,144).

По-христиански спокойно, благостно и по-крестьянски поэтично звучит «Поминальный причит» о душах солдат, погибших на поле боя:

Покойные солдатские душеньки

Подымаются с поля убойного.

До подкустья они малой мошкой,

По надкустью же – мглой столбовитою,

В Божьих воздухах синью мерещатся,

Подают голоса лебединые,

Словно с озером гуси отлетные,

С святорусской сторонкой прощаются.

(6, 232)

Неоднократно встречаются у Клюева и такие выражения, как *душа народная*, *душа русская*, *душа России*: (1) *Исчислять и взвешивать прошлое бесплодно, – / В миге народившемся ключ к **душе народной***. (12,58); (2) *Восстань, дитя, убей злодея, / Что **душу русскую**, как моль, / Незримо точит в прах и боль, / Орла Софии повергая!* (13,34); см. также примеры выше.

В поэтическом мире Клюева имеют душу и природа, во всех своих проявлениях (*берёза, лес, просо, речка* и др.; см. примеры выше), и предметы, которые обычно называют «неодушевленными» (*камень, земля, просёлок, зипун* и др.; см. примеры выше).

Есть в творчестве Клюева и образ *мирской* (мировой) и *вселенской души*:

(1) *В избе, под распятьем окна, / За прялкой Предвечность сидела, / **Вселенскую душу** и мозг / В певучую нить выпрядала*. (12,147);

(2) *Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,*

Как жилы, стучатся в тележный покой.

Впусти их раздумьем – и вновь обретешь

Ковригу Вселенной и Месячный нож –

*Нарушай люттей, и **Мирская душа***

Из мякиша выйдет, крылами шурша.

Таинственный ужин разделите вы,

Лишь смерти не кличьте – печальной вдовы.

(10,310)

По нашему мнению, данный материал не свидетельствует о пантеистическом мировоззрении Клюева, как об этом нередко пишут. Во-первых, он создает поэтическую картину мира, вдохновенную христианским пониманием природы как Божьего творения. П. Минин, современник поэта, писал: «Существует различие между христианской и

внехристианской мистикой и в воззрениях на материально-чувственное бытие. Внехристианский мистик, уже в силу пантеистического постулата своего мировоззрения, склонен рассматривать чувственное бытие (материю и тело), как метафизическое зло... По христианскому учению, лежащему в основе церковной мистики, мир – творение Божие и среда существования царства Божия... Понятно, что уже поэтому христианский мистик не может относиться к миру и телу, как к метафизическому злу. Отсюда его задача заключается в отречении не от мира, как творения Божия, а от мира, как явления, во зле лежащего...» [Минин 1991: 342]. Во-вторых, мысль о пантеизме Клюева противоречит тому факту, что в своем творчестве поэт глубоко отразил личностный характер отношения человека к Богу:

*...Но жив мой дух, как жив Господь,
Как сев пшеничный перед восходом.
Еще бесчувственна земля,
Но проплывают тучи мимо.
И, тонким ладаном куря,
Проходит пажитью Незримый.*

*Его одежды, чуть шурша,
Неуловимы бранным слухом,
Как одуванчика душа,
В лазури тающая пухом.*

(10,134)

Как известно, именно «христианская мистика – мистика личности» [Минин 1991: 342], в то время как в пантеистических воззрениях «божество в своей сущности понимается... как безличная космическая сила, как простая Бесконечная монада...» [Минин 1991: 340]. Христианское личностное отношение к Богу особенно глубокое понимание получило в православии и в православном искусстве, в частности в иконографии. Многие исследователи отмечают иконографичность поэтики Клюева, что прежде всего проявляется в особенностях лирического сюжета его произведений, а также в частом употреблении имен христианских святых и названий икон.

Рассмотренные выше основные направления семантического развития содержания слова *душа* в поэзии Клюева свидетельствуют о том, что для его творчества характерно глубоко христианское понимание души как «чудного создания Божия». Святитель Тихон Задонский писал: «Душа человеческая, по описанию Макария святого Египетского, есть некое создание Божие, разумное, красное, великое, чудное, и презрядное подобие и образ Божий» (3:329) «Душа есть дух невестственный, образ и подобие Божие» [Схиархимандрит Иоанн (Маслов), 310].

ЛИК И ЛИЦО

Лицо

Рассмотрим указанные семантические планы у слов **лицо** и **лик**. Рассматривая различия в концептуальной значимости слов **лицо** и **лик**, П.А. Флоренский писал: «Под «ликом» мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобождённое ото всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застывшего, – чистые, проработанные линии её» [Флоренский 1996: 354]. «Лицо есть то, что видим мы при дневном опыте, то, чем являются реальности здешнего мира; и слово *лицо*, без насилия над языком, можно применять не только к человеку, но и к другим существам и реальностям при известном к ним отношении, как говорим мы, например, о лице природы и т.д. Можно сказать, что лицо есть почти синоним слова явление, но явление именно дневному сознанию. Напротив, лик есть проявленность именно онтологии. В Библии образ Божий различается от Божьего подобия, и церковное предание давно разъяснило, что под первым должно разуместь нечто актуальное – онтологический дар Божий, духовную основу каждого человека, как такового, тогда как под вторым – потенцию, способность духовного совершенства <...>, то есть возможность образа Божий, сокровенное достояние наше, воплотить в жизнь, в личности, и таким образом явить его в лице. <...> Всё случайное, обусловленное внешними этому существу причинами, вообще всё то в лице, что не есть самое лицо, оттесняется здесь забившей ключом и пробившейся через толщу вещественной коры энергию образа Божия: лицо стало ликом. Лик есть осуществлённое в лице подобие Божие» [Флоренский 1996: 433-434].

Метонимические значения

Эмоциональные проявления человека. Чувство

Я надену черную рубаху / И вослед за мутным фонарем / По камням двора пройду на плаху / С **молчаливо-ласковым лицом**. 10,103.
Не проедет по подоконью / Богосуженный с гармоникой, / Не **зажжет** звонкоголосую / На **лице зарю малинову**. 12,44.

Духовные проявления человека

Не пришла родная мать. / В вечный путь не снарядила / Дорогого мертвеца, / Кровь багряную не смыла / С **просветленного лица**.

12,38. И в купине неопалимой, / Как хризопраз, **лицо** родимой / Сияло тонко и прозрачно. 13,35.

Человек как физическое существо

Заживем мы с тобой на славу, / Два **лица**, а душа одна. 10,424.

Метафорические значения

Предмет

И в купине неопалимой, / Как **хризопраз**, **лицо** родимой / Сияло тонко и прозрачно. 13,35.

Лучина точит смоль, смежив печурки-веки, / Теплоныю дышит печь – ночной **избы лицо**. 10,182.

Передняя часть головы животного

Резчик Олеха – лесное чудо, / Глаза – два гуся, надгубье рудо, / Повысек **птицу с лицом девичьим**, / Уста заклеты потайным кличем. 12,314.

Природа

Месяц, как лилия, нежен, / Тонок, как профиль **лица**. 10,107.

Абстрактное понятие

Беседная изба на свете не случайна – / Она **Судьбы лицо**, преддверие могил. 10,300.

Национальность

Гималаи видели ламу / С **ячменным русским лицом**... 12,225.

Антропоморфные символы

Антропоморфное существо

Из космических косных скорлуп / Забрезжит **лицо Исполина**: / На челе прозрачный топаз – / Всемирного ума панорама, / И «в нигде» зазвенит Китоврас, / Как муха за зимней рамой. 12,183.

На зов пошли: **Чума, Увечье, / Убийство, Голод и Разврат, / С лица** – вампиры, по наречью – / В глухом ущелье водопад. 10,157.

Грамматические транспозиции

Категория состояния

Я запоздалый сват, мне песня **не к лицу**, Но сердце – бубенец под свадебной дугой – Глотает птичий грай и воздух золотой... 12,170.

Не к лицу железо Ярославлю, – В нем кровинка Спасова – церквушка. 12,176.

Лик

Метонимические значения

Духовный образ человека

Чмок городов и племен / В **лике** моем воплощен, Я – песноводный жених, / Русский яровчатый стих! 10,348. «Твоя краса меня сгубила, – / Певал касимовский ямщик, – / Пусть одинокая могила / В степи ненастной и унылой / Сокроет **ненаглядный лик!**» 12,332. Но в душе осетром плещет **Ленина лик**, Множа строки – морские круги. 10,372. Ах, **деды**, – овинов владыки, / **Ржанные, ячменные лики**, / Глядишь и не знаешь – сыр-бор / Иль лунный в седилах дозор! 12,305. Так сердце робко воскрешает / Среди могильных павилик / Купавой материнский **лик**. 13,9. Я помню **лик**... О Боже, Боже! / С апрельскою березкой схожий / Или с полосынькой льняной / Под платом куколя и мяты. 13,22.

Метафорическое значение

Духовный образ предмета

О, мой сын, – Всепетый Боже, / Что прекрасно без Тебя? / Прокажены Стих, Газета, / **Лики Струн** и Кисть с Резцом... 7,145.

И верен я зыбке плакучей родимой, / Могилушке маминой, **лику гумна**; / Зато, как щеглята летят серафимы / К кормушке моей, где любовь и весна. 9,13.

В телеге туч неровный бег, / В метелке – **лик метлы** небесной. 10,351.

Вот почему на речке-ряби, / В ракетах ветер-Алконост / Поет о Мекке и арабе, / Прозревших **лик карельских звезд**. 10,359.

Духовный образ природного явления, стихии

Я молился бы **лику заката**, / Темной роще, туману, ручьям, / Да тяжелая дверь каземата / Не пускает к родимым полям. 10,163.

Я не с железом к вам иду, / Дружась лишь с посохом да рясой, / Но чтоб припасть в слезах, в бреду / К ногам березы седовласой, / Чтоб помолиться **лику ив**, / Послушать пташек-клирошанок / И, брашен солнечных вкусив, / Набрать младенческих волвянок. 10,257.

Обрядись в пятишовку, / И пойдем в синь и гать, / Солнце – божью коровку / Аллилуйем встречать. / Прослезиться у речки, / Погрустить у бугров!.. / Мы – две белые свечки / Перед **ликом лесов**. 10,255.

Духовный образ родины

О, кто Ты: Женщина? **Россия?** / В годину черную собрат! / Поведай тайное сомненье / Какою казнью искупить, / Чтоб на единое мгновенье / **Твой лик** прекрасный уловить? 10,125.

Над Сахарою смугло-золот / Прозябнет **России лик**. 10,410.

Образ смерти

В старинных зеркалах живет красавиц рой, / Но **смерти** виден **лик** в их омутах зовущих. 9,13.

Образ звука

Миг выткал пелену, видение темня, / Но некая свирель томит с тех пор меня; / Я видел **звука лик** и музыку постиг, / Даря уста цветку, без ваших ржавых книг! 10,299.

Духовный образ социального явления

Пусть в Пошехонье чадят лампадки, / Пред **ликом мести** – лучи комет! 10,376.

Не сломят штык, чугунный гром / Ржаного Града стен, / Не осквернят палящий **лик** / **Свободы** буревой... 12,165.

Символические значения

Ипостась Божества

Вспыхнет сердце – костер привратный, / Озаряя **Терновый лик**... / Римский век багряно-булатный / Гладиаторский множит крик. 11,112.

Господи, хоть раз бы довелось / Видеть лик Твой, а не звездный коготь! 12,129.

Духовные существа

Чтет писание Златоуст Иван, / Херувимский лик плещет гласами, / Солнце-колокол точит благовест. 6,233.

Всё лики в воздухе да очи, / В пустынном оке снова лик... / Многопудовы, неохочи, / Мы – за убойным пойлом бык. 7,118.

Молниевиден стал мой лик / И ясновидающ взор туманный, / Прорев за далью материк / Земли, пловцу обетованной... 12,47.

Вижу, умирая, / Райских кринов лес. / В кущах духов клиры, – / Светел лик, крыло... 12,79.

В бору, где каждый сук – моленная свеча, / Где хвойный херувим льет чашу из луча, / Чтоб напоить того, кто голос уловил / Кормилицы мирской и пестуны могил, / Там, отроку-цветку лобзание дая, / Я слышал, как заре откликнулась заря, / Как вспел петух громов и в вихре крыл возник, / Подобно рою звезд, многоочитый лик... 10,299.

Борис, златоордный мурза, / Трезвонит Иваном Великим, / А Лениным – вихрь и гроза / Причислены к ангельским ликам. 10,370.

Святые

Подземной храмины покров. / В нее, по цвету костяники, / Стеклись взыскующие лики: / Скопец-Секира и Халдей, / Двенадцать вещей медведей / С Макарием – лесным Христом, / Над чьим смиренным клубуком / Язык огня из хризолита, / И Елпатея – риза скита / Из омофорных подоплек – / Все объявились в час и срок. 13,24.

Священные явления

Зорко избе под сытовым дождем / Просинь клевать, как орлице, коньком. / Нудить судьбу, чтобы ребра стропил / Перистым тесом хозяин покрыл, / Знать, что к отлету седые углы / Сорок воскрылий простерли из мглы, / И к новоселью в поморья окон / Кедровый лик окнул Елеон, / Лапоть Исхода, Субботу Живых... 10,461.

Антропоморфное мифическое существо

У розвальней – норов, в телеге же – ум, / У карего много невыжженных дум. / Их ведает стойло да дед-дворовик, / Что кажет лишь твари мерцающий лик. 10,297.

Чай стосковались по мне, / Красной поддонной весне, / Думали –
злой **водяник** / Выщербил **песенный лик**? 10,348. Чтоб васильком в
росистой ржи / Моя Аленушка вернулась – / Влюбленность – с земля-
ницей тует, / Лесной ручей, где **лик Нарцисса**, / В серьгах из пестрого
Туниса, / Но с русскою льняной улыбкой. 11,143. Я построил воздуш-
ный корабль, / Где на парусе **Огненный лик**. / Слышу гомон отлетных
цапель, / Лебединый, хрустальный крик. 11,100. Глядь, у морозного по-
госта, / Как рог у лося, вырос крин, / На нем финифтяный павлин, / Но
светел **лик** и в рясах плечи... 13,11.

Душа народа

Свете тихий от **народного лика** / Опочил на моих запятых и точ-
ках. 10,395. И у **русского народа** / Меж бровей не прыщут рыси! / Ах,
обожжен **лик** иконный / Гарью адских перепутий, / И славянских глаз
затоны / Лось волшебный не замутит! 13,5.

МАТЬ

Слово *мать* в поэзии Н. Клюева многозначно. Прежде всего это слово употребляется в своём основном значении (*родная мать, родимая мать, мать-друг, седая мать*). Далее, это слово обозначает родную землю, Родину. Затем это слово наполняется ещё более высоким смыслом и обозначает Богородицу – Матерь Божию.

Кроме этих значений, у слова *мать* в поэтической речи Клюева появляются и другие смыслы: мать – явление природы, мать – мифологическое существо, сакральная сущность. Причём в этих образных употреблении данного слова переплетаются языческие и христианские традиции, что характерно для русского фольклора. При этом происходит перенос поэтического символа из одной художественной системы в другую: из фольклорного и библейского текстов в авторский поэтический текст.

Поэтическая фразеология со словом *мать*

Поэтическая фразеология впервые стала изучаться в фольклористике в связи с выявлением «постоянных выражений славянской народной поэзии» [Потебня 1968: 61], «неизменных, устойчивых поэтических формул» [Веселовский 1940: 376]. По мнению А. Т. Хроленко, «изучение традиционных формул, типических мест, теория клише, описание постоянных эпитетов, тавтологических оборотов на материале разных жанров фольклора, вне всякого сомнения, имеют прямое отношение к проблеме поэтической фразеологии русской народной лирической песни» [Хроленко 1981: 17].

Под «поэтической фразеологией» художественного текста понимается «типичная для поэзии данного периода совокупность различного рода сочетаний слов, отличающихся определенной устойчивостью «соединения», то есть сочетания в той или иной мере семантически связанные, употребляющиеся для обозначения одного предмета, явления (фразеологические синонимы слова), и сочетания свободные, семантически не связанные, не эквивалентные слову, обозначающие совокупность предметов или явлений в определенных устойчивых отношениях друг к другу» [Григорьева 1964: 3]. Между общеязыковой и поэтической фразеологией много общего: та и другая формируются в процессе фразообразования по некоторым структурным моделям, обладают слитностью компонентов словосочетания, свойствами повторяемости, воспроизводимости.

Поэтическая фраза предполагает единство образного значения и интонационную законченность. Как отмечал В. В. Виноградов, «всякая «фраза», то есть организованная в грамматическое единство группа

слов, соответствующая одному сложному, нерасчлененному представлению, может быть рассмотрена как целостная единица, включающая сумму потенциальных значений, которые актуализируются в ряде контекстов» [Виноградов 1976: 372]. Слово получает свой истинный смысл лишь в сочетании с другими словами. Благодаря свойству сочетаемости оно образует множество объединений с другими лексическими единицами, все вместе они и создают целостное представление об образе в пределах поэтической фразы.

Принципы выделения и анализа поэтических фраз можно рассмотреть на примере поэтической речи Н. Клюева. В качестве объекта изучения избираются поэтические фразы, включающие в свой состав слово *мать*. Анализ поэтической фразы «Здесь – Варлаам с Хутия / И мать слез – пустыня, / Одета в поток» (13, 19) показывает, что сочетание двух слов может реализовать образное значение: *мать слез*; *мать – пустыня*; *пустыня, одетая*; *одетая в поток*. Сочетание, представляющее собой генитивную конструкцию «*мать слез*» является поэтической перифразой. Сумма значений данных слов не является значением этого сочетания. Перифраза возникает в результате соединения существительного, обозначающего лицо, и существительного, называющего предмет, присущий лицу. Сочетаясь, они определяют нечто третье. В данном случае оно названо словом *пустыня*. Поэтическая перифраза *мать слез – пустыня* воплощает устойчивую христианскую традицию, согласно которой слезы – это не столько проявление страданий, боли, горя (ср. плакать – ‘проливать слезы (от боли, горя и т.п.)’ – СО, 421), сколько особое духовное состояние, духовный дар покаяния, очищения, умиления. Так, в Библии говорится: «Блаженны бо плачущие, яко тии утешатся» (Мф. 5:4) (Ср. также: «Слезы при истинном покаянии бывают»; «Слезы очищают пороки души»; «Слезы от сокрушенного сердца происходящие, суть слова сердечной молитвы»; «Христианин должен желать слез и плача духовного, плача о грехах [Маслов 1996: 679]. И это духовное состояние плача «рождается» в пустыне (‘уединенная обитель, одинокое жилье, келья, лачуга отшельника, одинокого богомольца, уклонившегося от сует’ (Д, 3, 542)). В метафорическом использовании слова *мать* на первый план выходит компонент «рождать». *Мать слез – пустыня* – сочетание, устойчивое для христианской традиции, реализует значение ‘уединенное место, рождающее в человеке духовное состояние плача, покаяния, очищения’, как в текстах духовных стихов («За то я тебя почитаю / И матерью называю, / Что ты лъстивую плоть оскорбляешь / Души моей грехи очищаешь. / О, прекрасная мать-пустыня, / Любезная моя другиня! / Бежал я прелестного мира, / В тебе, мати-пустыня, водворился, / Со слезами к Богу молился...» [Стихи духовные 1991: 271]), так и в творчестве Н. Клюева. Выявление культурно-

исторического компонента в значении сочетания помогает правильно определить образное значение слов поэтического текста. Речевое значение слова *пустыня* определяется также связью его с именем святого *Варлаам с Хутия* (в сочинительной конструкции).

Слово *мать*, выполняющее функцию приложения в сочетании *мать-пустыня*, реализует значение «своя, родная, очень близкая» и в то же время персонифицирует пустыню. Сочетание со словом *одетая* (*пустыня, одетая в поток*) развивает значение олицетворения, собиравшая признак, свойственный человеку. Соположение частей фразы *Варлаам с Хутия – мать слез – пустыня, одетая в поток*, поставленных в один сочинительный ряд, определяет их как явления одного порядка.

Таким образом, определение образной семантики слова связано с анализом грамматических конструкций: I. **Мать + Род. пад. сущ. слез**; II. **Сущ. пустыня + МАТЕРЬ (приложение)**; III. **Сущ. ПУСТЫНЯ (определяемое слово) + причастный оборот (одетая в поток)**; IV. **Сочинительная конструкция (Варлаам с Хутия и пустыня)** и определением семантических отношений в поэтической фразе: 1. **Определительные** (атрибутивные); 2. **Отношения соположения**; 3. **Перифрастическое смысловое единство (Мать слез)**. Взаимодействуя внутри поэтической фразы, они формируют целостный художественный образ.

Эстетическая значимость слова может быть показана с помощью всех поэтических конструкций, в которых данное слово встречается в текстах Н. Клюева.

При анализе содержательной структуры поэтической фразы учитываются различные виды смысловой мотивации. Содержание поэтической фразы может быть связано с разными традициями: фольклорной, библейской, литературно-художественной. Смысл поэтической фразы может быть установлен путем выявления внутритекстовых связей слова. В этом случае требуется анализ ближайшего текстового окружения слова в тексте. Часто содержание поэтической фразы невозможно определить без знания всего творчества поэта.

Слово *мать* употребляется в текстах 172 раза и участвует в 250 грамматических конструкциях 25 типов. Наибольшая активность этого слова отмечается в конструкциях с глаголом-сказуемым, в составе которых слово *мать* употреблено как подлежащее 48 раз, в определительных конструкциях (32 раза), в различных типах конструкций с приложением, где слово *мать* является приложением 36 раз и 6 раз используется приложение к слову *мать*. В остальных конструкциях слово *мать* встречается от 1 до 6 раз.

Наиболее частотны конструкции типа: **Им. пад. МАТЬ (подлежащее) + Глаг. (сказуемое)**, которые образно изображают, что мать де-

ляет. Во фразах этого типа употребляются глаголы: *пеленать*, *будить*, *мыть*, *прясть*, *заплетать*, *снарядить* в вечный путь, *заломить* (руки), *припадать* (головой), *прийти*, *приехать*, *сходить*, глаголы, обозначающими состояния: *стоять*, *сидеть*, *спать* в земле, *стариться*. Особую значимость приобретают повторяющиеся из текста в текст глаголы, обозначающие действия, связанные с пением и молитвой (*петь*, *повести причитаний свирель*, *молиться*, *креститься*, *обороняться силой крестной*).

В поэтической фразеологии Клюева противопоставлены глаголы, характеризующие *смерть* и *воскресение матери* (*умереть* – *повыйти* из гроба, *покинуть гроб*, *приехать с погоста*): «*Лютое поле, осочье шумливое / Полнятся вестью, что умерла мать*» (10,210); «*Умерла мама – два шелестных слова...*» (10, 272); «*Баюкаю сердце: не сетуй, / ... Что умерли юность и мама*» (10,307) – «*Как будто в домик под бузиной / Приехала на хлябких дрожжах / С погоста мама*» (10, 453) «*Покинула гроб долгожданная мама...*» (10,405).

Гораздо реже встречаются конструкции, в которых слово *мать* употребляется в косвенных падежах («*С ранней пташкою девка пробудилась, / Распрощалась с матерью, отцом*» (3,6); «*Рассказал, как еловые куколки / Осеняют солдатскую мать*» (11,87) и др.). В ряде случаев в таких фразах *мать* выступает как объект мыслей и чувств лирического героя (сына) («*И по глазам скорбяще-впалым / Я мать-печальницу узнал*» (14,96); «*Вспомню маму, крашеную прялку...*» (10,103); *И я затрепетал по маме...*» (13,31)) или как адресат действия: «*Снесите родной деревушке / Посмертный, рыдающий стон / И матери, бедной старушке, / От павшего сына поклон*» (10,363).

В поэтических фразах Н. Клюева часто сочетается со словами тематических групп «*прядение*» (*пряжа*, *прялка*), «*смерть*» (*домовище*, *гроб*, *погост*, *рай*), «*изба*» (*домик*, *горенка*, *оконница*, *крылечный рундук*). Например, «*Когда пела за прялкой мама / Про лопарский, олений рай*» (12,249); «*В домовище матушка* (10,278); *Мама в раю...*» (10,273); «*И маменька, пышной павлина, / По горенке пускалась в пляс*» (13, 23); «*Сядет матушка под оконницу / С долгой прялицей, с веретенышком...*» (11, 180).

В конструкции **МАТЬ + сущ. (приложение)** передаются определенные (атрибутивные) отношения: «*Ах, матери, – трудницы наши, / В лапотцах, а яблони краше, / На каждой, как тихий привет, / Почил немерцающий свет!*» (12,305). Приложение обозначает оценочные или возрастные характеристики: *мать* – *печальница*, *друг*, *трудница*, *старуха*, *старушка*.

В конструкциях, где слово *мать* и его варианты (*матерь*, *мамушка*, *матушка*, *мамка*, *матка*,) являются приложениями, они присоединяются к конкретным существительным (*печь*, *изба*, *борозда*, *вьюга*, *дуб-*

рова, пуща, пустыня, земля, заря), абстрактным существительным (волюшка, красота, глухомань, природа, история), именам собственным (Волга, Россия, Земля святорусская, Руссия, Русь, Рассея). Появляются возможности для персонификации, олицетворения, метафоризации: «У **матери-печи** одно на уме: / Теплыми уберечь да всхрапнуть в полутьме» (10,273); «И сердце **матки-реки** / Тихозвонит в дедовской кружке» (12, 220); «Я – Пестун красного клада, / Где прялка **матери-вьюги** / И ключ от Скимена-града» (11,127); «То груди **Матери-земли** / Удоем вспенили родник» (13,24). В поэтической речи Н. Клюева однословное приложение *мать* стремится слиться с определяемым словом и образовать «некий лексический синтез, элементы которого формируют качественно новую семантическую единицу» («слово-синтагму», «сложное слово») [Ефимов 1969: 219]. Например, «Меж тучных, глухих и скудельных земель / Есть **матерь-земля**, бытия колыбель...» (10,296); «В моржовой зыбке светлое дитя / До **мамушки-зари** прижухнуло, грустя» (10,396). В поэтических фразах такое сложное слово чаще всего выполняет функцию риторического обращения: «О **матерь-отчизна**, какими тропами / Бездольному сыну укажешь пойти...» (10,148); «Не шуми ты, **мать-дуброва**, / Думу думать не мешай!» (3,25); «О, **пуща-матерь**, тучки прядь, / Туман, пушистее кудели, Как сладко брагою лучей / На вашей вечере упиться» (10,257). Другой тенденцией в использовании этих сочетаний является превращение их в имена собственные: *Мать-Суббота*, *Мать-Природа*, *Мать-земля*, *Мать-Планида* – «И рекли Святые: **Мать-Планида**, / Под скупьей уснувши стопудовой, / За собой и Русь ты усыпила!» (6,253); «И на камне **Мать-Суббота** / Голубой допряла лен» (10, 467).

Конструкции типа *Прил., мест., порядк., прич. + МАТЬ* имеют различные образные значения. Во-первых, качественные прилагательные могут выражать эмоциональное отношение к матери (*родимая, родная, вожденная, сладчайшая, долгожданная*): «К остывающему телу не пришла **родная мать**» (12,38); «Мир вам, сосны, вы думы мои, / Как **родимая мать**, разгадали!» (10,131); «Я славлю Россию – жену многочадную / В коврижном саду под молочной смоковницей! Пусть Зингер стичится в калитку оградную – / **Сладчайшая мать** не бывает любовницей» (12,237); «Покинула гроб **долгожданная мама**...» (10, 405).

Во-вторых, качественные прилагательные могут определять внутренние и внешние признаки матери (*глухая, седая, матерая, родящая, великая, солнечная, светлая*): «И больно сердцу замирать, / А в доме друг, **седая мать**» (11,225); «Баи, баи, кареглазый, баю! / Тебе в глухариню краю / Про **светлую маму** пою!» (13,9).

В-третьих, относительные прилагательные могут обозначать устойчивый социальный тип женщины (*солдатская*): «*Не пава платок обронила, / Обронила **мать солдатская** платочек, при дороженьке слезной утерjala*» (10,293).

Относительные притяжательные прилагательные могут обозначать в сочетании со словом *матка* самку животного, птицы (*сохатая, оленья, лебединая, сорочья*): «*Лебединая **матка**, драчлива и яра, / Очарована плеском гогочет: «он-сам»*» (7, 245).

Особое положение в поэтической фразеологии Клюева занимают образные названия Богородицы, заимствованные поэтом из православных молитв: *Матерь – Вселенская, Вселенная, Всепетая, Невестная*: «*Невестной матери лик / Предстает нерушимо светел*» (10,392).

Сочетаниях слова **МАТЬ** с существительными в родительном падеже образуют перифразы: *Матерь вод, Матерь света, мать слез, жизни мать, ста пятидесяти миллионов мать*.

В различного рода сравнительных конструкциях (*сравнительный оборот, сравнительные конструкции с приложением, с прилагательным в сравнительной степени, творительным сравнения*) словом *мать* обозначен как субъект, так и объект сравнения. Во-первых, мать сравнивается с экзотическими и сказочными животными и птицами: *цаплей, павлином, жар-птицей, лисой-огневкой*: «*И маменька, пышней павлина, / По горке пускалась в пляс / Жар-птицей и лисой-огневкой, / Пока серебряной подковкой / Не отбивался «подзараз» и гаснул танец-хризопрас*» (13,23). Во-вторых, – с растениями: *голубикой, маком, яблоней*: «*И бледной голубикой мать // Цвела в прогалине душевной*» (13,30); «*А мать – бледно-розовый мак // На грядке...*» (13,8)).

Следуя поэтике христианских молитв, в которых душа человеческая сравнивается с восковой свечой, Клюев, желая подчеркнуть одухотворенность матушки, также использует подобное сравнение: «*А на крылечных рундуках / С рассветным облачком в руках – Владычицей Семиозерной, / Как белый воск, огню покорный, Сияла матушка*» (13, 33).

Следуя принципу антропоморфизма, характерного для древней поэзии фольклора, Клюев уподобляет матери явления мира природы: «*В прибрежной осоке, / В лютой немочи-тоске / Заломила руки мать, / Широка речная гладь*» (3, 33); «*За окном рябина, / Словно мать без сына, / Тянет рук сучье*» (12,338).

Следуя устойчивой традиции, поэт уподобляет родину матери: «*О, кто ты, родина? Старуха? / Иль властноокая жена? / Для поэтического слуха / Ты полнозвучна и ясна. / Твои черты январь-волшебник / Туманит выюгой снеговой, / И схимник-бор читает требник, / Как*

над умершею тобой. / Но ты вовек неуязвима / Для смерти яростных зубов, / **Как мать**, как женщина, любима / Семейей отверженных сынов» (1,40).

Поэтические темы и мотивы, связанные с образом матери

Особенность поэтической языковой системы состоит в том, что слова, не обнаруживающие связи между собой за пределами текста, сближаются в нём, образуя лексические цепочки с общей образной семантикой, связанной с определённой поэтической темой, мотивом.

Явление сближения иногда далеких по смыслу слов в пределах поэтического текста отмечалось многими исследователями поэтического языка. А. А. Потебня подчеркивал особую связь слова с предшествующими и последующими лексическими единицами поэтического текста [Потебня 1968: 288]. Р. Якобсон указывал на существование в поэтическом языке «приема сближения двух элементарных единиц», на возможность появления в поэтическом тексте «нежданного соседства» слов [Якобсон 1987: 299]. Исследование таких свойств поэтического слова позволило В. В. Кожинкову сделать следующий вывод: «Качественно различные по своему прямому значению слова могут выступать в поэтической речи как некие «падежи», «спряжения» от одного корневого значения – образа» [Кожинков 1964: 46]. Художественный мир стихотворения в таком случае представляется как система всех образов и мотивов его составляющих.

Явление семантического сближения слов в поэтическом тексте определялось исследователями в разных терминах: «сближение слов», «ориентация слов друг на друга», «семантическое заражение», «синонимизирование слов», «сближение значений», «обмен смысловыми признаками», «повторения в связном тексте одинаковых или семантически близких понятий», «нанизывание», «цепочки слов в тексте или поэтическом творчестве», «поэтические парадигмы» [Севбо 1969, Павлович 1995; Штайн 1996; Климас 2004].

Обратимся к анализу цепочек слов, выражающих поэтические мотивы, в стихотворении Н. Клюева из цикла «Избынные песни».

«Умерла мама» – два шелестных слова.

Умер подвойник с чумазым горшком,

Плачется кот и понура корова,

Смерть постигая звериным умом.

Кто она? Колокол в сумерках пегих,

Дух живодерни, ведун-коновал,

Иль на грохочущих пённых телегах

К берегу жизни примчавшийся шквал?

Знает лишь маковка ветхой церквушки, –

В ней поселилась **хозяйки душа...**
Данью поминною – рябка в клетушке
 Прочит яичко, соломой шурша.
 В пестрой укладке **повойник и бусы**
Свадьбою грезят: «Годов пятьдесят
 Бог насчитал, как **жених черноусый**
 Выменял нас – **молодухе** в наряд».
 Время, как шашель, в углу и за печкой,
 Дерево жизни буравит, сосет...
 В звезды конек и в потемки крылечко
 Смотрят и шепчут: «Вернется... придет...»
Плачет каплями **вечер** соловый;
Крот в подземелье и **дятел** в дупле...
 С рябиной дремою, **ангел пуховый**
 Сядет за **прялку** в кауровой мгле.
 «**Мама в раю**, – запоем **веретенце**, –
Нянюшкой светлой младенцу Христу...»
 Как бы в стихи, золотые, как солнце,
 Впрямь волхвованье и песенку ту?
 Строки и буквы – лесные коряги,
 Ими не вышить желанный узор...
 Есть, как **в могилах**, душа у бумаги –
 Алчущим перьям **глубинный укор**.

<Между 1916 и 1918>

Внутри данного стихотворения выстраивается несколько поэтических цепочек слов, связанных с образом матери и формирующихся под влиянием устойчивых поэтических мотивов.

1. **Номинации матери:** *мама – хозяйка – молодуха – нянюшка светлая младенцу Христу*. Разные названия одного образа связаны со сквозным мотивом времени (темпоральный мотив), представляющим изменение функций человека в разные периоды его жизни (земной и вечной, небесной).

2. **Мотив смерти:** *умерла (мама), умөр (подойник с чумазым горшком), смерть, поминная дань, в могилах*. Ср.: **умереть** – 'перестать жить' (СО, 679); **смерть** – 'прекращение жизни' (СО, 599); **поминный** – 'относящийся к помину (помянуть, поминовение, в память об умершем)' (СО, 453); **могила** – 'яма для погребения тела умершего' (СО, 288). Благодаря метонимическому переносу действие, состояние, свойственное в действительности только одушевленным предметам, в поэтическом тексте характеризует и неодушевленные, являющиеся атрибутами матери-крестьянки (*подойник, горшок*).

С данной тематической группой связана и цепочка слов, включающая индивидуально-авторские названия разных воплощений смерти: *колокол, дух живодерни, ведун-коновал, берег жизни, шквал*.

3. **Мотив скорби.** Лексический состав поэтической цепочки «**скорбь**»: *плачется* (кот), *понура* (корова), *плачет* (вечер, крот и дятел). Общий компонент в толкованиях данных слов передается с помощью синонимов. **Скорбь** – ‘крайняя печаль, горесть, страдание’ (СО, 591). Ср.: **Плакаться** – ‘жаловаться на что-нибудь, сетовать’ (СО, 421); **сетовать** – ‘жаловаться, *скорбеть*’ (СО, 583); **плакать** – ‘проливать слезы *от боли, горя* и т. п.’ (СО, 421); горе – ‘*скорбь, глубокая печаль*’ (СО, 113); **понурий** – ‘понурившийся, унылый’ (СО, 455); уныние – ‘*безнадежная печаль, гнетущая скука*’ (СО, 681); страдание – ‘*физическая или нравственная боль, мучение*’ (СО, 630). Так, следуя фольклорной поэтике, Клюев передает отношение природы к смерти человека. Мотивы смерти и скорби оказываются тесно взаимосвязанными.

4. **Сакральные мотивы.** Лексический состав цепочки с общим значением «**святость**»: *маковка церквушки – душа – рай – ангел – младенец Христос*.

5. **Мотив прядения:** *прялка, веретене*. Общий компонент в значении слов – «**прядение**»: *прялка* – ‘приспособление для ручного *прядения*’ (СО, 512); *веретене* – ‘приспособление для *прядения* – стержень для навивания нити’ (СО, 61).

6. **Темпоральный мотив, характеризующий этапы жизни человека.** Состав лексической цепочки «**свадьба**»: *свадьба, жених, молодуха, повойник, бусы*. Слово **молодуха** использовано в значении ‘*невеста*’ (СВГ, 4, 89), что определяется его употреблением в одном контексте со словом *жених*. **Повойник** – (олонец.) ‘обрядовый символ *девичества*, связанный с головным убором и прической *невесты*’ (Д, 3, 429). В поэтическом тексте значение слова *бусы* определяется ситуацией свадьбы (*бусы – подарок жениха*).

С одной стороны, внутри текста можно выделить несколько взаимосвязанных цепочек слов, создающих целостный художественный образ, что было сделано выше при рассмотрении стихотворения. С другой стороны, текстовые тематические группы слов (*любовь, смерть, святость* и др.), связанные с одним и тем же художественным образом (например, *образом матери*), могут повторяться в разных текстах поэта. Таким образом, создаются значительные по лексическому составу объединения слов (цепочки, тематические группы), соотносимые не с одним конкретным текстом, а со всем поэтическим наследием автора. Они и представляют образ в целостной индивидуально-авторской поэтической картине мира.

Рассмотрим далее основные поэтические темы, связанные с образом матери в поэзии Клюева.

1. Старость матери

Лексический состав: (1) **старый**: «... не ворохнутся **старые** ноженьки, / **старые** песни, как травы, мертвы...» (10,210); (2) **старуха**: «Мать родимая **старуха**, / Мнится, в сумраке стоит...» (10, 93); (3) **старость**: «Россия, мать, ты ли? / Босые ноги, плат по бровь, / Хрустальным лебедем из былей / Твоя слеза, ковыль-любовь / Плывут по вольной заводине! / И только **старость** при лучине / На саван тянет волокно» (10,49); (4) **стариться**: «Постучаться в лесную избушку, / где за пряжею старится мать...» (10,163); (5) **седая**: «В **материнских** косах **седых** / Священный сумрак лесов» (12,218); «И сердцу больно замирать, / а в доме, друг, седая мать» (11,225); (6) **просесть**: «Салоп и с **проседей** бровь» (12,218); (7) **глухой**: «И косы пепельные глаже, / Чем раньше, стягиваешь ты. / **Глухая** мать сидит за пряжей – / На поминальные холсты» (10,101).

2. Молодость матери

Лексический состав: (1) **девушка**: «Спросонек девушка бормочет, / И открывает робко очи. / У матушки девятый сон – / Ей чудится покровский звон / У лебединых перепутий, / И яблоки на райском пруте, / И будто **девушка** она, / В кисейно пенном сарафане, / Цветы срывает на поляне» (13,12); (2) **молодуха**: «В пестрой укладке повойник и бусы / Свадьбою грезят: «годов пятьдесят / Бог насчитал, как жених черноусый / Выменял нас **молодухе** в наряд» (10,273); (3) **молодость**: «Она на **молодость** свою / Смотрела в венецейский складень» (13,10)); (4) **девичий**: «Ах, она болезная, родная / Ста пятидесяти миллионов **мать**, / Про нее не хватит рассказать / Ни степей моздокских, ни Китая. / Только травы северного мая / Знают **девичью** любовь и стать» (11,148).

«Молодой» – общая сема значений слов данной поэтической парадигмы. Ср.: **девушка** – 'молодая незамужняя женщина' (СО, 127), **молодуха** – 'невеста, молодая женщина' (СВГ, 4, 89), **молодая** – 'юная, не достигшая зрелого возраста' (СО, 290).

Данная лексическая цепочка количественно уступает предыдущей. Образ молодой матери предстает как воспоминание поэта о прошлом, о юности своей теперь уже постаревшей матери: «В пестрой укладке повойник и бусы / Свадьбою грезят: «годов пятьдесят / Бог насчитал, как жених черноусый, / Выменял нас **молодухе** в наряд» (10,273); «Ей было восемнадцать весен...» (13,10). Любовный, добрый взгляд взрослого сына на стареющую мать привносит в значение слова оценочный элемент печали, сожаления об уходящей молодости матери: «Я целовал kota и прятку / И становилось смутно жалко / Родимую –

платок по бровь. / Она же солнцем вся любовь, / Ко мне кидалась с жадной лаской» (13,23).

Для русской поэзии XX века характерен устойчивый мотив сопоставления молодости сына и старости матери. В силу этого в значении слова *мать* на первый план выходят скрытые оценочные компоненты «печаль», «нежность». Ср. у Есенина: «Заря окликает другую, / Дымится овсяная гладь... / Я вспомнил тебя, дорогую / Моя одряхлевшая мать»; у Твардовского: «Подобрали ловко, аккуратно / Старую, измученную мать. / Не своя, но было всем приятно / Матерью старуху называть» [Мать 1992: 44, 87].

3. Прядение, вязание

Поэтические образы, представленные словами данной тематической группы, имеют, с одной стороны, мифологические корни и продолжают фольклорные традиции, с другой – представляют реалистический образ русской женщины, крестьянки, выполняющей свою ежедневную работу пряжи. С глубокой древности человечество связывало с прялкой и нитью представления о жизни и судьбе, долгой как нить, «нить жизни» [Рыбаков 1994: 240; Кэрлот, 109, 241]: «В волость бумага о смерти пришла, / **Мать** о ту пору **куделю пряла** / **Нитка порвалась...** **Куделя, как кровь.** / Много на нашем **погосте крестов**» (12,154).

Кроме того, прялка является и символом самого солнца и его необходимой принадлежности. У многих народов оно называется божьей прялкой [Шелкопляс 1994: 15], прялкой покровительниц прядильных работ – Великой Матери (Кэрлот, 109) и Прасковей-Пятницы (льняницы) [Рыбаков 1987: 508]. В поэтической системе Н. Клюева этот образ сливается с образом матери поэта – Прасковьи Дмитриевны.

Лексический состав тематической группы «**прядение**» в поэзии Клюева: **прялка**: «Есть у нас зимний очаг, **матери мерная прялка**» (10,123), «Вспомню **маму**, крашеную **прялку...**» (10,103), «Когда пела за **прялкой мама** / Про лопарский олений рай» (12,249), «С рябкиной дремою ангел пуховый / Сядет за **прялку** в кауровой мгле / «**Мама** в раю...» (10,273); «Вижу за окнами **прялку**, / Песенку **мама** поет, / С нитью веселой вповалку / Пухлый мурлыкает кот» (11,137);

куделя, нитка, нить: «В волость бумага о смерти пришла, / **Мать** о ту пору **куделю пряла**. / **Нитка** порвалась... **Куделя, как кровь...**» (12,54); «Замри, судьбы **веретено**, / Порвись, тоскующая **нитка!**» (10,178); «Вижу за окнами **прялку**, / Песенку **мама** поет, / С нитью веселой вповалку / Пухлый мурлыкает кот» (11,137);

веретено, веретенышко, прядица: «Сядет **матушка** под оконницу / С долгой **прядицей с веретенышком**» (11,180); «А **мать** жужжит **веретеном** / В луче осеннего заката» (10,178); «Замри, судьбы **веретено**, / Порвись, тоскующая **нитка!**» (10,178);

самопрялка: «Спят в земле дед и **мать**, я в потемках один / Чую сеть на стене, **самопрялка** в углу...» (10,278);

пряжа: «Глухая **мать** сидит за **пряжей** / На поминальные холсты» (10,101), «Постучаться в лесную избушку, / где за **пряжею** старится **мать**...» (10,163); «Гляжу: на **материнской пряже** / Горит купальский светлячок...» (13,28); «Там коротают час досужий / За думой дед, за **пряжей мать**» (10,223);

лен: «Сядь, моя жадобная, в сарафане сборчатом, / В камчатом накоснике, за послушный **лен**, – / Постучится солнышко под оконцем створчатым, / Шлет-де вестку **матушка** с тутюшних сторон» (10, 277).

Общий компонент значений данной поэтической цепочки слов – «прясть». Ср.: **прялка, самопрялка** – ‘приспособление для ручного прядения, приводимое в движение педалью’ (СО, 512), **веретено** – ‘приспособление для прядения’ (СО, 61), **пряжа** – ‘нити, полученные прядением’ (СО, 512), **куделя** – ‘волоконистая часть льна, пеньки, используемая в прядении’ (СО, 251), **лен** – ‘травянистое растение, из стеблей которого получают прядильное волокно’ (СО, 259), **льняное волокно** (СРГК, 3, 110), **сесть за лен** – ‘заняться прядением’.

В состав поэтической цепочки слов с общим значением «вязание» в поэзии Клюева включаются слова **спицы, связать, довязать, клубок, чулок**: «Расстреляны цветики на проталинках, / И **мамины спицы-кудесницы**» (8,70); «**Спицы мамыны свяжут Нетленное** – Чулки для мира голопятого» (8,70); «На ущербе у **мамушки** лунный **клубок** / **Довязать** краснозубому внуку **чулок**, / Он в истории **Лениным** звался, никак, / **Над пучиной столетий** грозový маяк» (12, 193).

Если в основе поэтической цепочки слов «прядение» лежат мифологические и фольклорные представления, то здесь слова **клубок, спицы, чулок**, помещенные в метафорический контекст, получают образное осмысление в поэтической системе Н. Клюева. Вязание воспринимается как образная аналогия с творением чуда (**спицы-кудесницы**), истории, вечности (**связать Нетленное, чулки для мира, чулок краснозубому внуку, Ленину**).

4. Мотив народного творчества и духовной культуры

Лексический состав цепочки слов со значением «песня» в поэзии Клюева: **петь, песня, песенка**: «Когда **пела** за **прялкой мама**...» (12,249), «Вижу за окнами **прялку**, / **Песенку мама поет**...» (11,137); «**Лютное поле, осочье шумливое** / **Полнятся мыслью, что умерла мать**, / **Что не ворохнуться старые ноженьки**, / **Старые песни**, как **травы, мертвы**» (10,210); «И **опадает песни сад** / **Над материнским строгим гробом**» (10,401); **напевы**: «Покинула гроб долгожданная **мама**, / В улыбке – **предвечность, напевы в перстах**» (10,405); **при-**

читаний свирель: «Только изредка **матерь** солдатская / Поведе**т** причитаний свирель...» (10,268); **запеть:** «Сядет **матушка** под оконницу / С долгой прялицей, с веретенышком, / Со своей ли с сиротской работушкой, / **Запоет** она с ниткой наравне...» (11,180); **напевать:** «Свое **успение** провидя, **родная** походя и сидя / Христос воскрес **напевала** / Иль из латинского хорала / **Дориносимые псалмы**» (13,34).

Общий компонент в значении слов данной цепочки «петь». Ср.: **песня** – «стихотворное произведение для пения» (СО, 417); **напевать** – «петь тихо, про себя» (СО, 310); **причитание** – «старинный народный обрядовый плач» (СО, 490); **плач** – «старинная обрядовая жалобная песня на похоронах, поминках или свадьбе» (СО, 422). Различия в значении слов связаны с характером пения (*тихо, про себя, жалобно*), целью, предназначением пения (*пение во время работы, обрядовое пение*). Процесс пения сопровождается процессом прядения (слова *прялка, веретенышко, нитка*). Поэтические парадигмы «пение» и «прядение» оказываются тесно взаимосвязанными. Пение матери также приобретает в поэзии Н. Клюева философское осмысление. Смерть матери – это и смерть песни: «**Лютное поле, осочье шумливое / Полнятся мыслью, что умерла мать, / Что не ворохнуться старье ноженки, / Старые песни, как травы, мертвы**» (10,210). Воскресение матери – это воскресение песни: «**Покинула гроб долгожданная мама, / В улыбке – предвечность, напевы в перстах**» (10,405). Предвидя свою смерть, мать пела молитвы, псалмы: «Свое **успение провидя, родная** походя и сидя / **Христос воскрес напевала** / Иль из латинского хорала / **Дориносимые псалмы**» (13,34).

Поэтические мотивы «сказка», «смерть», «молитва» оказываются взаимосвязанными в поэзии Клюева: *Как жила Русь, молилась мать, / Умея скорби расшивать / Шелками сказок, ярью слов / Под звон святых колоколов!*» (13,32); «**Мама, Дедушка Савелий, Лавка глаже щек... / Темень каркнет у постели: «Умер паренек...» / Сказку мамину на сердце, в изголовье пруд, / Убиенного младенца ангелы возьмут** (11,357); *Николенька, меня могила / Зовет, как няня, тихой сказкой* (13,34).

5. Поэтические мотивы смерти

Лексический состав текстовой тематической группы «смерть»:

умереть: *Лютное поле, осочье шумливое / Полнятся вестью, что умерла мать*» (10,210); *Умерла мама – два шелестных слова...*» (10,272); «*Баюкаю сердце: не сетуй, ... / Что умерли юность и мама*» (10,307);

спать в земле: «*Спят в земле дед и мать...*» (10,278);

одр: *На одр положили родитель мою* (10,271);

домовище: *В домовище матушка...*» (10, 278);

гроб, крышка гробовая: *И опадает песни сад / Над материнским строгим гробом»* (10,401); *Чтоб под крышкой гробовою / Улыбнулись дед и мама* (13,5);

усопшая: *Четыре вдовицы к усопшей пришли* (10, 271);

могила, могилушка: *Изловлены ль все павлины, / Финисты, струфокамылы / В кедровых потемках овина, / В цветике у маминей могилы?* (12,257); *И верен я зыбке плакучей родимой, / Могилушке маминей, лику гумна* (9,13); *голубец Пусть же керженский ветер баюкает / Голубец над могилою матери»* (12,158);

погост: *Как будто в домик под бузиной / Приехала на хлябких дрожжах / С погоста мама* (10,453).

Общий компонент в значении данной цепочки слов – «смерть». Ср.: **умереть** – ‘перестать жить’ (СО, 679); **одр** – ‘ложе’ (употребляется только в некоторых выражениях: на смертном одре) (СО, 359); **усопший** – ‘умерший (переставший жить), покойный’ (СО, 686); **могила** – ‘яма для погребения тела умершего’ (СО, 288); **погост** – ‘сельское кладбище’ (место погребения умерших) (СО, 429). Словосочетание **спать в земле** является глагольной перифразой смерти, ассоциативно связано с представлением о смерти как о сне и умершем как уснувшим навеки (усопшем).

Клюев верил в бессмертие души, поэтому он описывает светлую жизнь матери после смерти: *Постучится солнышко под оконцем створчатым – / Шлет-де вестку матушка с Тутошних сторон. / Мы в ответ: «Радехоньки говорю то-светному, / Ходоку от маминей праведной души»* (10,278).

6. Поэтический мотив материнской и сыновней любви

ласка: *Ласка Матери – природы / Вас забвеньем не дарит* (10,120); *Я голоску веснянки птички, / Как материнской ласке, рад* (10,174);

любить, любовь: *Как мать, как женщина любима / Семейей отверженных сынов* (1, 40); *И становилось смутно жалко / Родимую – платок по бровь / Она же солнцем, вся любовь, / Ко мне кидалась с жадной лаской* (13,23); *Россия, мать, ты ли ? Ты ли? / Босые ноги, плат по бровь, / Хрустальным лебедем из были / Твоя слеза, ковыль-любовь...* (10,449);

милосердный: *Материнские теплые жилки / Милосерднее чем Гааз* (12, 229);

родимая: *Мать родимая старуха, / Мнится , в сумраке стоит...* (10,93); *Слеза родимой / Соберется пчелкою незримой, / Чтоб в божьем улье каплей меда / Благоухала жизнь народа – / От матери за мать златница!* (13, 29);

родная: *Нету деда, родной матери с отцом* (10,228); *Я покрыла ее эпитрахилью, / Как умела родную утешила* (10,265); *Завтра год,*

как **родная** в гробу (10, 277); Ах, она **болезная, родная**, / Ста пятидесяти миллионов мать (11,148); И до зари моя **родная** / Светца в те ночи не гасила (13,34).

Общий компонент значения слов этой лексической цепочки – «любовь». Ср.: (1) **ласка** – ‘проявление нежности, любви’ (СО, 257), (2) **милосердный** – ‘проявляющий сострадание, человеколюбие’ (СО, 284); **родной** – ‘дорогой, милый’ (СО, 556).

7. Сакральные мотивы

Молитва, молиться, молитвенно: Она нездешнее постигла, / Как ты, **молитвенно** строга... (10, 101). Перед **иконой** огнепальной / **Молились** жарко дочь и мать (13,11);

икона: Все **мать** поклала в коробыю, / Как осетровый лов в ладю, / А цельбоносную **икону** / По стародавнему канону / Себе повесила на грудь (13,11); Как к причастью звоны, / **Мамины иконы** я его любил (11,90); **лампада**: Печальней **матушка**, в **лампаде** / Заупокойный тепля свет (14,98);

креститься: «Окстись! Что, **маменька**, с тобой?..» / И крепко **крестится** **мамаша** (13,12);

сила крестная: А **маменька** и **Елпатя** от полочанина-злодея / Оборонялись **силой крестной** (13,26);

архангелы, святые: Оттого, человеке, я выгляжу / Срубом-церковкой в пуще забытою, / Что сегодня солдатская **матушка** / Подо мною о сыне **молилася**: / Она кликала грозных **архангелов**, // **Деву Пятенку с Теплым Николою**... (10,265);

праведный: Мы в ответ: «Радехоньки говору то-светному, / Ходоку от **маминой праведной души**» (10,278));

рай: **Мама в раю**, – запоем веретенце, – / Нянюшкой светлой младенцу Христу... (10,273).

Общий компонент в значении данных слов – **святыня**. Ср.: **молиться** – ‘произносить **молитву**’ (у верующих: установленный текст, читаемый при обращении к Богу, к Святым) (СО, 289), **икона** – ‘у верующих: предмет поклонения – живописное изображение Бога, Святого или Святых’ (СО, 200), **лампада** – ‘небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед **иконой**’ (СО, 256), **креститься** – ‘делать рукой знак креста’ (у христиан: **молитвенный жест** рукой ото лба к груди, правому и левому плечу) (СО, 247). **Обороняться силой крестной** – сочетание является перифразой, которая обозначает обращение к силам небесным с крестным знамением (молиться, креститься). **Архангелы** – ‘старшие **ангелы**’ (МНМ, 1, 110); **ангел** – ‘Божий посланник, охраняющий людей, посредник между ними и небом’ (Д., 1, 107); **Никола Теплый** и **Дева Пятенка** – народные варианты имен Святых Николая Чудотворца и Параскевы-Пятницы. В русском православии молитва понимается как одна из добродетелей,

святой Игнатий (Брянчанинов) называет желание молитвы признаком «блаженного плача» – одной из главных христианских добродетелей [Брянчанинов 1994: 6]; в духовном стихе о страшном суде говорится: «Поднесем мы Господу / Три дара, / Три дара потайные: / Первые дары – / Ночное **моление**; / Другие дары – / **Пост-содержание**; / Третьи дары – **Любовь-добродетель**» [Федотов 1991: 133]; **праведный** – у верующих: 'благочестивый, соответствующий религиозным правилам' (СО, 467), **рай** – в религиозно-мистических представлениях: 'место, где души умерших праведников ведут блаженное существование' (СО, 534).

Метафорические значения слова мать

Жизнь

Адама возродить и Еву – **жизни мать** (12,169); **Жизнь-праматерь** заутрени росные / Служит птицам и правды сынам (11,88).

Метафорические значения здесь осложнены мифологическими и библейскими представлениями. В образе Евы осмысливается «образ праматери, первой матери сущего» [Булгаков 1994: 265]. «И нарек Адам имя жены своей: *Ева (Жизнь)*, ибо она стала *матерью всех живущих*» (Библия, Кн. Быт. 3, 20).

Природа

Природа: Ласка **Матери-Природы** / Вас забвеньем не дарит / Чародейны ваши годы и огонь монгоочит (10,120).

Река: И сердце **матки-реки** / Тихо звонит в дедовской кружке (12,220). **Дуброва**: Не шуми ты, **мать-дуброва**, / Думу думать не мешай! (3,25).

Пуща: О, **пуща-матерь**, тучки прядь, / Туман пушистее кудели... (10,257). **Заря**: В моржовой зыбке светлое дитя / До **Мамушки-зари** прижухнуло, грустя...» (10,396), Ты ли, **заря**, всем **зарницам мать**? (13,28).

Мак: А **мать** – бледно-розовый **мак**» (13,8).

Земля: То груди **матери-земли** / Удоем вспенили родник (13,24); **Меж тучных, глухих и скудельных земель** / Есть **матерь-земля**, бытия колыбель... (10,296).

Вьюга: Я – **Пестун красного клада**, / Где прялка **матери-вьюги** / И ключ от Скимена-града!» (11 27).

Значение слова **мать** развивается в метафорическом контексте на фоне различного рода фольклорных, мифологических представлений:

мать-природа, мать-земля, мать-вода, мать-дубрава. Природа предстает в виде стихий, дающих человеку жизнь и силы, как первоисточник жизни, первопричина всего. Разные стихии природы олицетворяются, сравниваются с матерью: как мать рождает детей, согревает их своим теплом, оберегает от невзгод, так и природа приносит плоды, оберегает их.

Родина

Россия: Я славлю **Россию** – жену **многочадную** (12,236); Ты, **Россия**, **Россия-матка**, / На мирской смилосердись гам» (12,306); **Россия, мать**, ты ли? Ты ли? / Босые ноги, плат по бровь... (10,449); Я повстречался въявь с судьбой / **России** – **матери матерой**... (13,39).

Русь: Уму – Республика, а сердцу – **Матерь-Русь**... (12,169); О **Русь**, О солнечная **мати**! / Ты плачешь роем едких ос, / И речкой, парусом берез / Еще вздыхаешь на закате (12,31).

Россия: Объезжаю я **Матерь Россию** (6,220).

Отчизна: О **матерь-отчизна**, какими тропами / Бездольному сыну укажешь пойти (10,148).

Персонафицированный образ матери – России создается на основе сходства признаков: (1) самый близкий, родной человек – самое близкое сердцу, родное место; (2) признак рождения: рожденный матерью – рожденный в России, живущий интересами и заботами Родины, семьи, матери.

Мифологические и фольклорные традиции употребления слова МАТЬ

Образ матери является одним из традиционных поэтических мотивов русской поэзии, а слово *мать* обладает целой системой символических значений. Образные значения данного слова в художественных текстах генетически соотносятся с мифологическими представлениями о **матери-земле, матери-воде, матери-дубраве, матери-печи, матери-Прародительнице мира.**

Мать-земля

Земля называлась матерью у всех земледельческих народов. Считалось, что земля дала жизнь и растениям, и животным, и человеку, причем в буквальном смысле. В соответствии с древнейшими земледельческими мифами человек произошел от земли, «был вылеплен из нее» [Байбурин 1989: 19] Как указывает А. Афанасьев [Афанасьев

1982: 58], «предания славян о происхождении человека говорят, что тело человеческое взято от земли и в нее же обращается после смерти, кости от камня, кровь — от морской воды, пот — от росы, жилы — от корней, волосы — от травы». Верование это так высказано в духовном стихе о Голубиной книге: *Телеса наши от матери сырой земли, / Кости крепки взяты от камня, / Кровь — руда от черна моря* [Стихи духовные 1993: 32].

Следуя за Библией, С. Булгаков пишет о *матери-земле*: «Из земли, сотворение которой лежит вне шести дней миротворения, образуется и земля земная, которая произведет душу живую по роду ее, скотов и гадов и зверей земных, из нее же создано и тело человека» [Булгаков 1994: 209].

Таким образом, *мать-земля* имеет концептуальное содержание — 'давать жизнь, быть первоисточником земной жизни'. С этими мифологическими представлениями связаны многие устойчивые образные выражения фольклорных текстов. При этом в значении сочетания *мать-земля* особое значение приобретает идея заступничества, защиты, что отражено в русских пословицах: *Держись за землю-матушку — она одна не выдаст*. Богатыри, когда им грозит опасность быть затопленными кровью чудища, обращаются к земле с просьбою: «Ой, ты еси мать сыра земля! Расступися на четыре стороны и пожри кровь змеиную». Есть этот образ и в заклинаниях против нечистой силы на нивах: «*Мать сыра земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела*». «*Мать сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горячую*» [Афанасьев 1982: 58]. Считалось, что земля, на которой селился род и которая возделывалась его руками, была кормилицей рода, становилась ему родной «матерью урожая» [Рыбаков 1987: 599]. В данном случае важными оказываются несколько компонентов значения мифологемы: «рождать», «кормить», «хоронить», «хранить в себе, сохранять». При этом последний указывает на фоновое значение «святость». Святость земли настолько велика, что считалось большим грехом хоронить в ней недостойных людей. В то же время самым большим несчастьем считалось захоронение на чужбине, вдали от матери [Байбурин 1989: 19].

В поэзии Н. Клюева на основе данных устойчивых фольклорных формул строятся развернутые метафоры, сложные метафорические контексты, наполненные глубоким философско-поэтическим содержанием:

- (1) *Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилица пустынь.*

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть **Матерь-Земля**, бытия колыбель,
Ей пестун Судьба, вертоградарь же Бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог

(12,136).

- (2) *В подземной горнице, как в чаше
Незримым опахалом машет
И улыбается слюда –
Окаменелая вода –
Со стен, где олова прослой
И скопы золота, как рои,
По ульям кварца залегли, –
То груди **Матери-земли**
Удоем вспенили родник*

(13,24).

- (3) *Лев грома в духе говорит,
Что от диавольских копыт
Болеет **мать земля сырая**,
И от Норвегии до Китая
Железный демон тризну правит!*

(13,24).

Формируется персонифицированный образ Матери-Земли, Родины. Мифологема имеет здесь лишь фоновое значение, включаясь в более широкий мировоззренческий контекст.

Мать-вода

Вода – одна из фундаментальных стихий мироздания. Вода была избрана символом жизни благодаря ее питающей способности (Кэрлот, 202, 313). В фольклоре часто можно встретить влияние данной мифологемы на образную структуру текста: (1) «Хлеб – батюшка, **водица – матушка**»; (2) «**Волга** всем рекам **мать**» (Д., 2, 307); (3) «Вспородила меня, сироту, родна **матушка**, / Воспоила, вскармила меня / **Волга-матушка**» (Русское народное поэтическое творчество, 283).

В этой мифологеме большую значимость имеет эмоционально-оценочное содержание: (1) «Куда ни глянешь – наша вотчина / От Козлова до Саратова, / До родимой **Волги-матушки**, / До широкого раздольица ...» (Русские народные песни, 159); (2) «Как о Волге, **Волге-матушке**, / Повыше было села Лыскова...» (Русские народные песни, 159); (3) «Днем мостят, а ночью я повырою, / Из сил **матушка-река** повыбилась» [Афанасьев 1982: 204]; (4) «**Волга** всем рекам

мать!» (Д., 2, 307); (5) «Плевать на **воду** все одно, что **матери** в глаза» (Д., 2, 307); (6) «Спасибо тебе, **матушка Волга!** Гулял по тебе двенадцать лет – никакой скорби над собою не видывал» [Афанасьев 1982: 206].

В отличие от фольклорных, в поэтических текстах Н. Клюева образ **матери-воды** не отдельный троп, а составная часть метафорического контекста:

- (1) Севастополь и Соловки
Теплят свечи в мозгу церквушки,
И сердце **матки-реки**
Тихо звонит в дедовской кружке ... (12, 220);
- (2) Чтоб в коврижные океаны
Отчалил песенный флот
Товарищи, отомстим за раны
Девы – суши и **Матери вод!** (8, 32);
- (3) Касимов с Муромом, где горный минарет
Затмил сияньем крест, вопят в падучей муке
И к **Волге матери** протягивают руки (11, 229);
- (4) Выжать рожь на черниговских пашнях,
Волгу-матку разлить по бутылкам (6, 252)

Мать-дубрава

Это традиционный фольклорный образ. Обычно он встречается в разбойничьих, лирических народных песнях. Одиночество, сиротство, оторванность от родителей, от мира людей приводит человека под защиту **матери-дубравы**: (1) «Ты дубрава, **мать-дубравушка**, / Ты дубрава моя зеленая, / Ты к чему рано зашумела, / Приклонила ты свои ветви?» (Русские народные песни, 37); (2) «Не шуми **мать зеленая дубравушка**, / Не мешай мне, доброму молодцу, думу думать» (Русское народное поэтическое творчество, 278).

В своем творчестве Н. Клюев использует этот готовый троп:

Чтоб напева ветрова
Не забыл крещеный край ...
Не шуми ты, **мать-дуброва**,
Думу думать не мешай!
(3,25)

Мать-печь

Главным оберегом семьи была печь. «У печи давали клятвы, договоры. Печь кормила и согревала» [Рыбаков 1994: 496]. Очаг был признан с древности за семейное, родовое божество, «которое хранило счастье дома и родичей, сохраняло тепло, давало пищу и создавало внутренний порядок» [Афанасьев 1982: 181]. Печь – традиционный материнский символ.

В русских загадках часто встречается образ матери-печки: (1) *Мать толста, дочь красна, сын храбер кудреват, в поднебесье ушел! (печь, огонь, дым);* (2) *Мать толста, дочь красна, сын голе-наст, выгибаться горазд! (печь, огонь, дым)* (Д, 2, 307); (3) *Мать гла-духа, дочь – красуха, сын кучерявый (печь, огонь, дым)* [Афанасьев 1982: 53].

У Н. Клюева создается более сложная, чем в фольклоре, структура словесного образа матери-печи. Она прямо связана с такими компонентами значения, как «кормить», «согревать». Происходит перенос по функции: как мать кормит и обогревает своих детей, так и печь кормит и согревает род, семью людей.

- (1) *Дремля присядьте у печурки –
У материнского сосца
И под баюканье снегурки
Дождитесь вещега конца.*

(10,349)

- (2) *У матери-печи одно на уме
Теплынь уберечь да всхрапнуть в полутьме;
Недаром в глухой, свечеревшей избе,
Как парусу в ведро, дремотно тебе.*

(10,273)

- (3) *Зарезать родную мать –
Кормилицу-печь теплушу,
Окровавленным разгадать
Вредовую, злую душу.*

(12,229)

Мать – Хозяйка Мира

Разные народы создавали образ Хозяйки вселенной, Великой Матери. Устойчивое древнее представление о космическом женском божестве – старой матери прародительнице, жизнедательнице всего сущего, вселенной. «В этом виде она зафиксирована крито-микенской культурой как Ма. Она мыслилась девой, несмотря на ее материнскую

сущность, что предвосхищает христианскую Богородицу деву Марию. Правами Великой Матери наделялись многие богини древнего мира: Гея (Земля), Рея, Деметра (богиня земледелия и плодородия), Артемида и даже Афина, а также малазийская Кибела, египетская Изиды. Это свидетельствует о втягивании всех локальных божеств в создание образа Великой Матери. Словарь символов определяет главной функцией Великой Матери – Прядение (Кэрлот, 109). В славянском пантеоне это была Макошь, характеристики которой позднее были унаследованы христианской святой Параскевой-Пятницей, покровительницей пряжи и льна.

Акцент делается на материнском начале, которое поэт возносит до предмета поклонения, что сочетается с его собственным сыновним чувством. Выбор девицы Параскевы объясняется и тем, что мать Н. Клюева звали Парасковьей Дмитриевной. «Образ матери несет тем самым на себе несколько функций: святой Параскевы: покровительницы прядения, женщин, брака, семьи, домашнего очага» [Селсякова 1994: 327]. Это подтверждают и строки народных духовных стихов:

*Почему эта великая Пятница?
В ту Пятницу за престолом преставилась
Мать Пресвятая Богородица.
Кто той Пятнице станет поститься
Святым постом и молитвою,
Тот человек избавлен будет от нужды и печали,
Помилован будет от Бога.
В ту Пятницу мучилась
Параскева – мученица у Максимилиана-царя.
Стояла за веру крещеную,
За крест, за молитву, за истину.*

(Стихи духовные 1993: 182)

Позму Н. Клюева «Песнь о Великой Матери» по праву можно назвать вершиной в творчестве поэта. Образ Великой Матери – это единение нескольких ипостасей: Руси, Богородицы и матери человеческой.

*Спою акафист о былом!
Как жила **Русь**, молилась **мать**,
Умея скорби расшивать
Шелками сказок, ярью слов
Под звон святых колоколов!*

(13, 32)

БОГОРОДИЦА

Образ Богородицы был любимой поэтической темой Клюева. Эта тема венчает все другие, связанные с образом Матери и Родины.

В православной традиции существует очень много имён Богородицы: Дева Мария, Матерь Божия, Пресвятая Дева-Мать, Пресвятая Богородица, Пречистая, Приснодевственная Богоматерь, Благодатная, Матерь Господа, Пресвятая Учительница, Благословенная, Мать Иисуса, Царица Небес, Пренепорочная Богоматерь, Матерь Царя Небесного <...> Ещё больше названий Богородичных икон. Известно более 468 русских наименований таких икон [Святая Русь 2000: 84]. Они тоже используются как личные имена Богородицы [Чудотворные иконы Матери Божией 1993].

В словаре Клюева более 40 имён Богородицы и её икон, которые употребляются в его произведениях более 100 раз.

Имена Богородицы, употребляемые Клюевым: Ангел (1), Богоневеста (1), Богоматерь (1), Богомать (4), Богородица (17), Богородицын (2), Владычица (7), Вселенская Мать (1), Всепетая (1), Всепетая Матерь (1), Дева (3), Дух (1), Звездотечная (1), Мария (3), Мать (3), Матерь Света (1), Надежда Ненадежных (1), Невеста (1), Невестная Матерь (1), Пречистая (2), Птица (1), Роза (1), Тишина Богоматерь (1), Царица (1).

Имена Богородичных икон в поэзии Клюева: Владимирская Божья Мать (1), Запечная (1), Иверская (1), Купина (3), Неопалимая Купина (2), Нерушимая Стена (3), Неупиваемая Чаша (1), Обрадованное Небо (1), Одигитрия (5), Оранта (1), Пирогоща (1), Семиозёрная (2), Спорительница Хлебов (1), Споручница грешных (2), Тихвинская Богородица (1), Толгская (1), Троеручица (1), Умягчение Злых Сердец (2), Утоли Моя Печали (7), Утоли Печали (1).

В творчестве Клюева имена Богородицы прежде всего связаны с образом Святой Руси. В «Песни о Великой Матери» он пишет:

*Неупиваемая чаша,
Как ласточка звенящих лет,
Я дал пред родиной обет
Тебя в созвучья перелить. ...
Авось любовь, как ветер свежий,
Загонит в сети осетра,
Арабской черни, серебра,
Чем сказка русская расшита!
Что критик и газетный плут
Чихнув, архаикой зовут.
Но это было! Было! Было!*

*Порукой – Лик нездешней силы –
Владимирская Божья Мать!*

(13,22)

По православной традиции Русская Земля называется Уделом Божьей Матери. Попытки уничтожения Святой Руси в годы революционного террора Ключев мистически и поэтически осмысливает как нападение тёмных сил на Святую Землю, которая пребывает под Покровом Богородицы и которую поэтому нельзя уничтожить:

*То пресветлому князю Батый
Преподнёс поганый кумыс, –
Полонянкой тверские хаты
Опустили ресницы вниз.*

*И рыдая о милых близких,
В заряной конопельный шёлк
Душу Руси на крыльях сизых
Журавлиный возносит полк.*

*Вознесенье Матери правя,
Мы за плугом и за стихом
Лик Оранты как образ славий
Нерушимой Стеной зовём.*

(12, 258)

Поэт проводит исторические параллели, вспоминает страшные события разорения Святой Руси: татаро-монгольское иго, как в процитированном выше стихотворении «Нерушимая Стена» (1924 – 25 гг.), кровавые расправы со старообрядцами в 17–18 веках, как, например, в поэмах «Соловки», «Погорельщина», «Каин»:

*Не забудут гуси-рыбогоны
Отрока Ивана на колу,
К дитятку слетелись все иконы,
Словно пчёлы к сладкому дуллу:
«Одигитрия» покрыла платом,
«Утоли Печали» смыла кровь.*

(12, 311)

Самое страшное для русского человека – лишиться помощи Заступницы Усердной. К ней обращаются с мольбой герои поэмы «Погорельщина»:

*Неусыпающую в молитвах Богородицу
Кличьте, детушки за застолицу!
«Обрадованное Небо» –
К тебе озеро с потребой!
«Сладкое Лобзание» –*

До Тебя их рыдание!
«Неопалимая Купина» –
В чём народная вина?
«Утоли Моя Печали» –
Стань берёзкой на протале!
«Умягчение Злых Сердец» –
Сядь на тёплые колобцы!
«Споручница Грешных» –
Спаси от мук кромешных!» ...
Правило веры и образ кротости,
Не забудь соборной волости! ...

(12,319 – 320)

Одна из таких молитв, наполненных мотивами фольклорного православия, повторяется у Ключева дважды. Во-первых, в поэме «Соловьи» это Песня Елеазара Анзерского, события относятся к XVII веку:

В охровой крещатой ризе
Анзерский Елеазар
Кличет ласточек и утиц сизых
Боронить пустынюшку от кар:
«Ты пустыня, мать-пустыня,
Высота и глубота!
На ключах – озёрных стынях
Нету лебеда-Христа!
Студены ручья коленца,
Наше сердце студеной,
Богородица младенца
Возносила от полей:»
Вы, поля, оставайтесь пусты,
Без кукушки дом лесной!»
Грядка белая капусты
Разрыдалась впервой:
«Утоли Моя Печали!» –
Пред тобой виновна вmale,
Как на плаху, никнет рожь!»
Богородица прижухла,
Оперлась на локоток:
«У тебя, беляны пухлой,
Есть ли сыну уголок?» –
«Голубица, у белянки,
Лишь в стогах уснёт трава,
Будет горенка с лежанкой
Для Христова Рождества!»

(15,669-670)

Во-вторых, этот же текст повторяется в поэме «Каин» как «песня монаха Никиты» (14,97), о котором Богородица начертала «тростию на свитке»:

*«Лесной снегирь – Никита,
Большевиком убитый
В заутреню мою».*

В духовной памяти Клюева гонения на народное православие в XVII веке и расправы с духовенством в революционную эпоху в XX веке сближаются. В поэме «Каин» поэт приносит покаяние своего прозревшего и мучительно страдающего сердца за кощунственные стихи, написанные в пылу революционных настроений в 17–18 годах. Одно из его революционных произведений начинается с искажения известной молитвы, которая поётся во время церковной службы – «*Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим...*». Вместо имени Богородицы он кощунственно поставил имя «*Революция*» (10,375). Такое поэтетски вольное обращение с каноническими священными текстами и образами было подготовлено ещё до революции – сектантскими и демоническими настроениями в творчестве поэтов Серебряного века, в том числе и у Клюева в «Братских песнях», в «Белой повести» и др.

Однако этот грех духовного томления и временного помрачения души поэт искупил своими страданиями гонимого пророка в последние двадцать лет своей жизни. Именно поэтому он и не потерял пророческого дара. В 1924 году он с надеждой на благую помощь Заступницы-Богородицы, которая укроет и сохранит Святую Русь для будущего возрождения, писал:

***Да сокрыл Пересвета с Ослябей
Голубой Богородицын плат!...***

Источники

1. Ключев Н. Сосен перезвон. М.: Книгоиздательство «В. И. Знаменский и К°». 1912.
2. Ключев Н. Братские песни. Кн.2. М.: Изд-во журнала «Новая земля». 1912.
3. Ключев Н. Лесные были. Кн.3. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова. 1913.
4. Ключев Н. Мирские думы. Петроград: Издание М. В. Аверьянова. 1916.
5. Ключев Н. Медный кит. Изд. Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов. 1919.
6. Ключев Н. Песнослов. Кн.1. Петроград: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению. 1919.
7. Ключев Н. Песнослов. Кн.2. Петроград: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению. 1919.
8. Ключев Н. Львиный хлеб. М.: Изд-во «Наш путь». 1922.
9. Ключев Н. Четвертый Рим. Петербург. Изд-во «Эпоха». 1922.
10. Ключев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель. 1977.
11. Ключев Н. Песнослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия. 1990.
12. Ключев Н. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература. 1991.
13. Ключев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. – 1991. – № 11.
14. Ключев Н. Каин // Наш современник. – 1993. – № 1.
15. Ключев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.
16. Ключев Н.А. Словесное древо. СПб., 2003.

Словари, справочники и их условные обозначения

Афанасьев – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – Ч. II. Ч. III. – 1865.

Афанасьев (а) – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы. М., 2000.

Бидерман – Бидерман Ганс. Энциклопедия символов. М., 1996.

Б. – Баранов С. Ю. Словарь архаизмов, диалектизмов и малоупотребительных слов // Ключев Н.А. Звук ангелу собрат. М., 2004. С.513-540.

Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.

БЭ – Библейская энциклопедия. – Репринтное издание. М., 1990.

Г. – Гарнин В. П. Словарь местных, старинных и редко употребляющихся слов // Николай Клюев. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 988-1040.

Д. – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978. Репринтное издание 1880-1882 гг. – Т. 1-4.

Дьяченко – Прот. Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.

Зелинская – Зелинская А. Мир флоры и фауны в поэзии Н. А. Клюева // Прионежье («Олония –2»). Литературно-краеведческий и этнографический сборник работ учащихся г. Вытегры и Вытегорского района Вологодской области. Вытегра – Челябинск, 2002.

Зелинская – Зелинская А. Описание вытегорской крестьянской одежды в стихах Н. А. Клюева // Прионежье («Олония –2»). Литературно-краеведческий и этнографический сборник работ учащихся г. Вытегры и Вытегорского района Вологодской области. Вытегра – Челябинск, 2002.

Маковский – Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.

Кэрлот – Кэрлот Х. Э. Словарь символов. 1994.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981-1984. – Т. 1-4.

МФ – Мифологический словарь. М., 1994.

М – Мифология. Иллюстрированный энциклопедический словарь. СПб., 1996.

МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах. М., 1980. – Т.1.

Нюстрем – Нюстрем Эрик. Библейский энциклопедический словарь. СПб., 1998.

ПД – Даль В.И. Пословицы русского народа в 3-х томах. М., 1994.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Преобр. – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. – Т. 1-2.

ПСК – Поэтический словарь Н. А. Клюева. Частотный словоуказатель / Научн. ред. Л.Г. Яцкевич. Вологда. Машинопись.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская (вып. 1983, 1985, 1987, 1989, 1990, 1993, 1997), Л. Ю.Зорина, Т. Г. Паникаровская (вып. 1999). Вологда, 1983-2002. – Вып. 1-9.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. В 5 томах, т. 1. М., 1995. Т. 2. М. 1999.

Симфония – Симфония или Словарь-указатель к священному писанию Ветхого и Нового Завета /Под ред. митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Том первый. А – Г. Издание Московской патриархии, 1988.

СВНЗ – Симфония на Ветхий и Новый Заветы в 2-х частях. СПб., 1994.

СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.

СПЛСР – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. – Вып. 1. А–И. Ред.: Ю. И. Чайкина. – СПб., 2003.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. – Вып.1-4. СПб., 1994- 2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1-23), Ф. П. Сороколетов (вып.24-35). М., Л.; СПб.: Наука, 1965-1999. – Вып.1-35.

Степанов – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

СЯП – Словарь языка Пушкина. М., 1957. – Т. 1.

Трессидер – Трессидер Джек. Словарь символов. М., 1999.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. –2 изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 1-4.

Х – Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х томах. М., 1993.

ХС – Христианство. Словарь. М., 1994.

Список использованной литературы

Азадовский К. М. Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990.

Артёменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж, 1988.

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147 – 173.

Архиепископ Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. II. Владимир, 1901.

Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982.

Афанасьев А. Н. Народ-художник. М., 1986.

Базанов В. Г. Поэзия Николая Клюева. // Клюев Н. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст. В. Г. Базанова. Л., 1977.

Базанов В. Г. Фольклор. Русская поэзия начала XX века. Л., 1988.

- Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990.
- Байбурин А. К. Календарь и трудовая деятельность человека. – М., 1989.
- Бахтин М. М. . Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
- Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с приложениями. Брюссель, 1989.
- Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. – Т.8.
- Блок А. А. Собр. соч. в 6 томах. Л., 1980-1983. – Т. 4.
- Бобунова М. А. Фольклорная лексикография. Курск, 2004.
- Богатырёв П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда [Архангельской губернии]. – Этнографическое обозрение. Кн. 111-112, 1916. – № 3-4.
- Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Учебное пособие. М., 2001.
- Булгаков С. Г. Апокалиптика и социализм (религиозно-философские параллели) // Булгаков С.Н. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1993.
- Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994.
- Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи // Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Ветка Палестины. Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине. М., 1993.
- Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.-Л., 1935.
- Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С.369 – 459.
- Виноградова С. Б. Номинации водного пространства в творчестве Н. А. Клюева: лингвопоэтические аспекты. Автореф. дисс. на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Вологда, 2000.
- Вроон Р. Старообрядчество, сектанство, и сакральная речь в поэзии Николая Клюева// Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С.54-67.
- Гарнин В. П. Примечания // Николай Клюев. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.
- Головкина С. Х. Образ «своего» пространства в поэзии Н.А. Клюева // Клюевский сборник. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 119-124.
- Головкина С. Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева (в лексикографическом аспекте). Автореферат дисс. на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Вологда. 1999.

Головкина С. Х. Образ сказки в поэзии Н. Клюева // Ключевский сборник. – Вып. 3. Вологда, 2002. С.134-144.

Голубиная книга // Голубиная книга. Русские народные духовные стихи 11 – 19 веков. М., 1991.

Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология конца XVIII – нач. XIX вв. (именные сочетания). // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964. С. 3-121.

Григорьева А. Д. Судьба поэтической фразеологии в русской поэзии XIX – начала XX в. // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С.155 – 165.

Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990.

Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по вопросам взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью и старообрядчеством // Материалы Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. 3-8 октября 2004 г. Вологда, 2004. С. 22-26 («Благовестник»). Вологодская епархиальная газета. № 11-12).

Епископ Григорий. Евангельские образы // Богословские труды, вып. 17. М., 1977.

Епископ Игнатий (Брянчанинов). В помощь кающимся. СПб., 1994.

Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.

Еремина В. И. Историко-этнографические истоки мотива «вода-горе» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 195 – 204.

Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969.

Захаров А. Н. Контуры поэтического мира Николая Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 102-108.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1982.

Иванова Н. Н. Высокая поэтическая лексика // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М.: Наука, 1977.

Игумен Исайя. Смысл русской истории // РПВП, 1999.

Из богословского наследия священника П.А. Флоренского // Богословские труды, вып. 17. М., 1977.

Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993.

Казаркин А. П. Игровое и трагедийное в поэмах Клюева // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Сб. статей. Томск, 2000.

Карпец В. От отроков Маковицких // «Наш современник». – № 10 – 2004. С. 235-241.

Киселева Л. А. Семантические поля клюевской топонимики (К постановке вопроса) // Вытегорский вестник. № 1. Вытегра, 1994.

Киселёва Л. А. Поэма Николая Клюева «Мать-Суббота», 1922 год // Studia Polono-Slavica. 3 / Sow. Warszawa. 1999.

Киселёва Л. А. Миф и реальность старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда. 2000. С. 210-223.

Киселёва Л. А. Мифология и «реалии» старообрядчества в «Песне о Великой Матери» Николая Клюева // Православие и культура. – № 1. – 2001. Украинское Православное Братство святых Кирилла и Мефодия.

Климас И. С. Своеобразие лексикологических категорий в языке фольклора. Курск, 2004.

Кожевникова Н. А. Эволюция тропов в языке русской поэзии XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства языка и их трансформация. М., 1995. С. 6 – 79.

Кожин В. В. Слово как форма образа // Слово и образ. М., 1964. С. 3 – 52.

Кутырев В. Устойчивое общество: его друзья и враги // «Москва». – 1999. – №3.

Лазарев В. Об особенностях творческого развития Николая Клюева и их современном восприятии // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С.16-21.

Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 148-161.

Максимов С. В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.

Максимов С. В. Год на Севере. М., 1997.

Маркова Е. И. Вещий лебедь (Судьба Николая Клюева в контексте национальной традиции) // Вытегра. Краеведческий альманах. – Вып.1. Вологда: Русь, 1997. С.278-295.

Маркова Е. И. Карельский князь: Финно-угорские корни русского поэта Николая Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С. 137-148.

Маркова Е. И. Творчество Н. Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997.

Мать: Антология стихотворений русских и советских поэтов о матери. Вологда, 1992.

Мекш Э. Б. Образ Великой Матери (религиозно-философские традиции в эпическом творчестве Николая Клюева). Даугавпилс, 1995.

Минин П. Главные направления древне-церковной мистики // Мистическое богословие. Издание христианской благотворительно-просветительской ассоциации «Путь к истине». Киев, 1991.

- Михайлов А. И. Поэтический космос Николая Клюева // Вытегорский вестник. Вытегра, 1994. С. 75-101.
- Михайлов А. И. О прозе Николая Клюева // Николай Клюев. Словесное древо. Проза. СПб., 2003.
- Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Никитина С. Е. Келья в три окошечка (о пространстве в русском духовном стихе) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 348 – 356.
- Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- Пашко О. В. Образ гуся в творчестве Николая Клюева (к анализу орнитологического кода) // Клюевский сборник. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 145-161.
- Полякова С. В. Гастрономические образы в поэзии Клюева // Вытегорский вестник. – № 1. Вытегра, 1994. С.34 –37.
- Полякова С. В. Колыбельная в поэме Клюева «Песнь о Великой Матери» // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М., 1997. С.132-137.
- Пономарева Т.А. Проза Николая Клюева. М., 1999.
- Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. – Т. 3.
- Причитания / Вст. статья и прим. К.В. Чистова. Л., 1960.
- Пропп В. Я. Русская сказка. М., 1984.
- Пропп В. Я. Язык былин как средство художественной изобразительности // Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001. С.11-144.
- Райс Э. Николай Клюев // Николай Клюев // Соч. в 2-х томах // Под общей ред. Г. П. Струве и Б. А. Филлипова. Т. 2. Мюнхен, 1969. С. 53 – 113
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Русские народные духовные стихи / Сост. Ф. М. Селиванов. Марийский государственный университет, 1995. М., 1984.
- Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. М., 1973.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.
- Свиридов Георгий. Музыка как судьба. М., 2002.
- Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Составитель О. А. Платонов. М., 2000.
- Святитель Николай Сербский (Велимирович). Мир как слово // Беседы под горой. М., 2002.

Святитель Николай (Велимирович). Символы и сигналы. «Покров», 2003.

Седакова И. А. Метафорические значения терминов родства и их производных в русском и болгарском: сопоставительный анализ // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993. С. 219-227.

Семенова С. Г. Поэт «пододонной» России (Религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С.21-52.

Сепсякова И. Языческое, старообрядческое и христианское начала в поэзии Н. Клюева // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. М., Петрозаводск, 1994. С. 316 – 340.

Ситько Г. С. Ритуальность как тематический компонент орнаментальности в поэзии Николая Клюева (на примере поэмы «Мать Суббота») // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 119-132.

Ситько Г. С. Старообрядчество – духовная основа поэзии Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда. 2000. С. 196-201.

Смольников С. Н. Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Клюева // Клюевский сборник. – Вып. 3. Вологда, 2002. С. 32-55.

Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Сольцев В. С. Философия и искусства и литературная критика. М., 1991.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и комментариев Ф. М. Селиванова. М., 1991.

Стихи духовные. М., 1993.

Судаков Г. В. Образы слова в поэзии Клюева // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям Святителя Тихона Задонского. М., 1996.

Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1981.

Тарланов З.К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.

Толстой Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // «Наш Современник» – 1994. – № 5.

Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М., 1972.

Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – svēt // Язык культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mīr-) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 3-118.

Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. – Т.19.: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. С.147 – 156.

Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.

Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Изд-во Воронежского университета. 1992.

Федоров А. И. Семантическая основа образных средств. Новосибирск: Наука, 1969.

Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

Филиппов Б. А. Николай Ключев: Материалы для биографии // Н.Ключев. Сочинения: В 2т. / Под общей редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Мюнхен, 1969. – Т.1. С.7-156.

Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Сочинения: в 2 томах. М., 1990. – Т. 2.

Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Философское наследие. Т. 124. Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. М., 1996.

Флоренский П. А. Иконостас // Философское наследие. Т. 124.

Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. – М., 1996.

Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

Франк С. Л. О непостижимом // Франк С. Л. Сочинения. М., 1993.

Черкашина Е. А. Символическая семантика слова «хлеб» в поэзии Н. А. Ключева. Дипломная работа студентки 5 курса факультета филологии Вологодского государственного педагогического университета. 2001. Научный руководитель – Л. Г. Яцкевич.

Чистов В. К. Поэтика славянского фольклорного текста: Коммуникативный аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 302-323.

Чудотворные иконы Матери Божией / Составление, вступительная статья, оформление, макет Свято-Троицкого Ново-Голутвина женского монастыря. Коломна, 1993. – 1 – 11 т.

Шелкопляс Т. А. Лексико-семантические средства создания подтекста в поэзии Н. Клюева // Вытегорский вестник. Вып. 1, 1994. С. 12 – 27.

Штайн К. Э. Изотопическая симметрия в поэтическом тексте // Проблемы лингвистической семантики. Череповец, 1996. С. 111 – 120.

Юнг К.-Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.

Юхименко Е. М. Народные основы творчества Н.А. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С. 5-16.

Якобсон Р. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272-316.

Яцкевич Л. Г. О предпосылках создания словаря поэта: Пути и средоточия поэтического слова Н. Клюева // Материалы по истории литературы и поэтике / научн. ред. С.Ю. Баранов. Вологда, 1995. С. 67-73.

Яцкевич Л. Г., Головкина С.Х. Проект поэтического словаря Н. А. Клюева. Клюевский сборник. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 5-36.

Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста. Учебное пособие. Вологда, 1999.

Яцкевич Л. Г. Осевое пространство и время в поэзии М.И. Цветаевой и Н.А. Клюева // Век и вечность: Марина Цветаева и поэты XX века. Сб. научн. Раб. Вып. 1. Череповец, 2002. С. 21-27.

Литература о Н. А. Клюеве

Азадовский К. М. Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990.

Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева: Документальное повествование. СПб., 2002.

Базанов В. Г. Поэзия Николая Клюева // Клюев Н. Стихотворения и поэмы / Вступит. Ст. В. Г. Базанова. Л., 1977.

Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990.

Вытегорский вестник. № 1. Вытегра, 1994.

Дементьев В. В. Олонецкий ведун. Житие Николая Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2005. С. 185-274.

Киселёва Л. А. Миф и реальность старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда. 2000. С. 210-223.

Клюевский сборник. Вып. первый. Ответств. редактор Л. Г. Яцкевич. Вологда, 1999.

Клюевский сборник. Вып. второй. Ответств. редактор Л. Г. Яцкевич. Вологда, 2000.

Клюевский сборник. Вып. третий. Ответств. редактор Л. Г. Яцкевич. Вологда, 2002.

Маркова Е. И. Вещий лебедь (Судьба Николая Клюева в контексте национальной традиции) // Вытегра. Краеведческий альманах. – Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 278-295.

Маркова Е. И. Творчество Н. Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997.

Михайлов А. И. Николай Клюев и мир его поэзии // Николай Клюев. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. С.-Петербург, 1999. С. 7-74.

Михайлов А. И. О прозе Николая Клюева // Николай Клюев. Словесное древо. Проза. СПб., 2003.

Николай Клюев: Исследования и материалы. Редактор-составитель С. И. Субботин. М., Наследие, 1997.

Николай Клюев: Образ мира и судьба. Сб. статей. Томск, 2000.

Пономарева Т. А. Проза Николая Клюева. М., 1999.

Солнцева Н. М. Китежский павлин. М., 1992.

Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста. Учебное пособие. Вологда, 1999.

Яцкевич Л. Г. Поэтическая география Николая Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 2000. С. 154-195.

Яцкевич Л. Г. Китоврас: Имя. Архетипы. Поэтические образы // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сб. научных работ. – Отв. ред. Ю.И. Чайкина. Вологда, 2002. С. 109-128.

[45=00]

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Печатается в авторской редакции

Подп. к печати 24. 02. 2005 г. Формат 60х84 1/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 14,25. Усл. печ. л. 14,4. Тираж 105 экз.

160035, Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ, изд-во «Русь»
Отпечатано: ООО «ИПЦ «Легия»,
160031, Вологда, Октябрьская, 19, к. 116.